

22-21-011
21-011
7294558

А. И. МУСУКАЕВ

ОБ ОБЫЧАЯХ
И ЗАКОНАХ
ГОРЦЕВ

НАЛЬЧИК 1986

✓
ИР
А. И. МУСУКАЕВ

— { — ◆ — } —
ОБ ОБЫЧАЯХ
И ЗАКОНАХ
ГОРЦЕВ

1094558
ТРАДИЦИОННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ИНСТИТУТЫ В СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В дар библиотеке
краеведения
от автора
19.12.85.
и от семьи
А. И. Мусукаева
и от семьи
А. И. Мусукаева

18.02.86
05.11.85

и от семьи
А. И. Мусукаева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК · 1986

ББК 63.5
902.7
М 917

Рецензенты:

*Д. А. Напсо, доктор исторических наук,
С. И. Эфендиев, доктор философских наук,
Х. Х. Биджиев, кандидат исторических наук*

Мусукаев А. И.

М 917 Об обычаях и законах горцев.— Нальчик : Эльбрус, 1986.— 152 с.

В пер.: 60 к. 1000 экз.

Книга посвящена актуальным проблемам историографии традиционных и общественных институтов народов Северного Кавказа. Автором анализируются публикации краеведов 20—30-х годов и научные труды советских историков и этнографов. Введен в научный оборот новый полевой этнографический материал. Книга рассчитана на научных сотрудников, преподавателей вузов, студентов и читателей интересующихся традициями и обычаями.

М 0508000000-109 92-86
М 125(03)-86

ББК 63.5
902.7

© Издательство «Эльбрус», 1986 г.

I

НАЧАЛО ВЕКА

¹ Проблемы традиционных и общественных институтов, являясь «спорным предметом изучения»¹ этнографии, занимают видное место в публикациях авторов и ученых XX в. Их описание общественного и семейного быта, законов и обычаев горских народов Северного Кавказа, исследование процессов формирования, становления и распада семейных общин, патронимий, фамилий, сельских общин и общинных отношений, сопутствующих появлению и развитию горских обществ, их характерных черт, способствуют более детальному восстановлению традиционной истории горских народов, закономерностей развития северокавказского региона.

Архаические общественные организации влияли на социально-экономические отношения, материальную культуру и хозяйственный быт, образ жизни, философские и религиозные представления людей. По определению специалиста по истории средних веков — медиевиста — А. И. Неусыхина, традиционные и общественные институты являются своеобразными лабораториями «исторического процесса, в которых элементы уходящей формации вплетаются в элементы другой, потому их рассмотрение помогает вскрыть основные тенденции развития»². Актуальность изучения архаических учреждений северокавказского региона состоит и в возможности осмысления ряда слабоизученных сторон общественно-экономической истории северокавказских народов, их многовековых исторических связей, перенесения их исторического опыта на освободившиеся или освобождающиеся от колониального ига народы Азии, Африки и Латинской Америки.

Знание истории семьи и семейных отношений помогает изживанию пережитков прошлого во взаимоотношениях ее членов, дальнейшему развитию и совершенствованию этой основной социальной ячейки общества. Важность комплексного историографического изучения народов Северного

Кавказа заключается в определении степени сохранности у них архаических общественных организаций, влияния последних на их социально-экономическую историю, правовые нормы и взаимоотношения, общественную и духовную жизнь.

Настоящая работа ставит целью проанализировать узловые проблемы традиционных и общественных институтов, зафиксированных этнографической и мемуарной литературой, периодической печатью, затрагиваемых и изучаемых краеведами, историками и этнографами народов Северного Кавказа, осветить известные теоретические положения, касающиеся различных аспектов архаических общественных организаций, самостоятельно подойти к решению проблемных вопросов.

В книге «О Балкарии и балкарцах» (Нальчик, 1982) освещены вопросы архаических общественных организаций в трудах дореволюционных авторов. Настоящая работа, являясь фактологическим продолжением предыдущей, не преследует цели описать все опубликованные в советский период монографии, статьи, выступления по интересующим нас вопросам и рассматривает лишь основные из них, относящиеся к данной проблематике.

Первая четверть XX столетия, кроме ускоренного изменения общего процесса социально-экономического развития Северного Кавказа, широкого внедрения товарно-денежных отношений, усиления классового расслоения в горской среде и классовой борьбы, ознаменовалась заметными трансформационными процессами в образе жизни и мыслей горского населения, что, естественно, сказалось как на авторах этого периода, так и на их работах. Исчезает имевшая место в прошлом веке примитивная романтизация жизни и быта горских народов, уступая место реалистическому подходу к наблюдаемым и осмысливаемым явлениям, стремлению разобраться, в соответствии с накопившимися знаниями, в общественном строе, семейных отношениях, законах, обычаях, тех или иных фактах.

Упростились организация экспедиций, найм проводников, проникновение в отдаленные ущелья и горные районы. В 1902 г. Русское горное общество официально создает штат проводников в различные районы Северного Кавказа³. Как извещал «Ежегодник Русского горного общества»⁴, первыми обладателями «проводнических книжек» стали известные многим поколениям туристов, альпинистов и ученых Н. М. Полторацкий и И. С. Григорьев из Кисловодска, братья Муса, Яни и Исаак Бузуртановы из Гулети,

А. З. Загаев из Циклаури, Л. Хуцнев из Казбеги, Бузоу Узденов из Учкулана, Чомак Саров из Хасаута, Ахия Семенов из Теберды.

Наметилось более сознательное отношение к своей истории, культуре, прошлому и настоящему своего народа, к их научному изучению со стороны горской интеллигенции. На страницах журнала «Мусульманин» М. Абаев с радостью сообщал, что «Кабарда и сопредельные с нею горские общества Нальчикского округа наконец вступили на культурную дорогу»⁵.

К этому же времени относятся личные впечатления о нескольких поездках по Кавказу путешественника Г. А. Вертепова, опубликованные в «Терском сборнике»⁶. Прибегая к кавказоведческому материалу в учебной работе со студентами и в публичных выступлениях, он считал его весьма перспективным в плане широкого использования исследователями «различных областей истории и языковедения». В работе «В горах Кавказа» Вертепов упоминает или характеризует как исчезающие, так и существующие традиционные порядки, отражающие, в частности, суть архаических организаций, идеологических и социальных отношений отцовского (агнатического) родства. Отметив священную роль очага в ритуальной жизни семьи, автор показывает ревностное отношение ее членов к непрерывному поддерживанию огня, так как его неугасимости придавалось «особое значение» (с. 133).

В основе общественной жизни и сельского общинного быта, по мнению автора, лежали родственная, соседская и общинная солидарность, уважительное отношение к старшим, соблюдение этикета во взаимоотношениях, выработанные веками установки народной педагогики в отношении трудового и нравственного воспитания молодежи (с. 134—135).

Высказывания о положительном влиянии архаических общественных организаций на образ жизни человека, на его поведение и воспитание известны уже в литературе XIX в. Исследователь обычного и семейного права осетин В. Пфаф отмечал, что под влиянием родственного окружения и среды человек вел «жизнь, совершенно безупречную»⁷. Единодушны в этом отношении и наши информаторы, с которыми нам довелось работать более десяти лет: С. Н. Алтуев (1871 г. р., В. Балкария), М. Ш. Бабаева (1864 г. р., Белая Речка), Т. Н. Атурзаева (1874 г. р., Гунделен), Т. Б. Атабиев (1896 г. р., Н. Жемтала),

Б. Ц. Бозиева (1886 г. р., Безенги), Д. М.-Г. Бегиев (1892 г. р., Зарагидж), Х. Т. Дзугуров (1891 г. р., Псыгансу), И. С. Гузиев (1893 г. р., В. Жемтала), К. Я. Зукаева (1893 г. р., п. Советский), М. С. Князев (1876 г. р., Шалушка), Т. Л. Кушхов (1892 г. р., Малка). Поэтому не случайно советскими исследователями фиксируется множество примеров различных остаточных явлений архаических общественных организаций. Это подтверждается и нашими полевыми этнографическими наблюдениями. Так, лет семь-восемь тому назад в Белокаменском нам довелось видеть сложную семью братьев Ируговых, живших одним двором; семью Пшуновых, также состоявшую из семей трех братьев; сложные семьи Калажоковых и Маремкуловых; в Шардаково — семьи Д. А. Хоконова и Ж. А. Хоконова, в которых кроме семьи родителей были семьи и двух женатых сыновей; в Залукокоже, Псынадаха, Сармаково, Каменно-мостском, Шардаково, Малке Зольского и в ряде селений Баксанского районов в смежных дворах проживали семьи родных братьев.

А. Е. Тер-Саркисянц, обследовав в 1965—1968 гг. все зоны Армении, также встретила и подробно описала неразделенные семьи⁸.

В начале 60-х годов Г. А. Сергеева наблюдала в Дагестане немало случаев, когда родственники оказывали «взаимную помощь при строительстве дома, обработке приусадебного участка, устройстве свадьбы, похорон и пр.»⁹.

Изучая этнокультурные связи сванов с балкарцами и карачаевцами, Т. Ш. Мибчуани заметил, что традиции родственных связей между этими народами и в настоящее время поддерживаются в форме взаимных посещений свадеб, похорон, праздников и т. д.¹⁰

Небезынтересно отметить, что большинство авторов изучаемого периода пристальное внимание уделяют конкретным традиционным порядкам, обычаям, церемониям, обрядам. Весьма убедительно описал обряд вызывания дождя — «ханцегуаше», в котором принимали участие целые семьи, фамилии, села и общины, очевидец этого обряда Талиб Кашежев¹¹. Обряд «ханцегуаше» (автор назвал его «общественным жертвоприношением») проводился мужчинами и женщинами раздельно. Начинался он за селом в специально выбранном для этого месте молитвами муллы, а затем продолжался после раздачи мяса жертвенного животного в каждой семье, патронимии, в которых старший просил бога о прощении грехов всем членам семьи и род-

стенникам. Название обряда — «ханцегуаше» — связано с одним из вариантов его проведения, когда девушки и молодые женщины наряжали в женский костюм лопату, называя ее «госпожа лопата». Женщины совершали обряд у реки. Здесь же они танцевали, шутили, брызгались водой, а в заключение, как пишет Кашежев, выливали семь ведер воды на «ханцегуаше». В 1957—1958 гг. нам довелось наблюдать, правда в сильно трансформированном виде, этот обряд, исполнявшийся в основном детьми, в сел. Заюково.

Стремление к конкретности, осмыслению общественного строя и семейных отношений, материальной и духовной культуры прослеживается в статье Б. А. Ланге «Балкария и балкарцы»¹², в которой он достаточно точно изобразил увиденную им жизнь и взаимоотношения горцев.

В Черекском ущелье Ланге наблюдал поселки с 10—30 дворами, небольшие усадьбы, постройки «из камней сухой кладки», кунацкие, центральные жилища больших семей, являвшиеся их связующим звеном в пише, имущественно-правовых взаимоотношениях и религиозных верованиях.

Более четко по сравнению с современниками, а в некоторых случаях и с предшественниками, Ланге описал элементы архаических общественных организаций, сохранявшиеся, по его словам, в Кабарде, Осетии и Балкарии: патристические поселки, семейные общины в 20—30 человек, семейную собственность, взаимопомощь. Сравнительно-аналитический подход к истории горских народов позволил ему заметить смешение кварталов, определить причины распада больших семей, выяснить роль развивавшихся товарно-денежных отношений в разрушении патриархального уклада. Установив много общего в процессуальном праве осетин и балкарцев, Ланге рассмотрел вопросы раздела и наследования имущества, деятельности сельских судов и их присяжных. По его мнению, именно семейная община и характерные для нее взаимоотношения членов сказались на степени развитости договорного права. «Дарение, продажа, часто переходящая в мену, так как платеж производится не только деньгами, но и скотом; ссуда, заем, аренда земли из половины или из четверти урожая и личный наем, обыкновенно в форме договора с пастухом или табунщиком, — вот те немногие обязательственные сделки, которые известны балкарскому обычному праву», — отмечал Ланге. Он писал, что простые горцы не могли понять, как приносят проценты такие предметы, которые не дают приплода.

Не знали балкарцы и завещаний: по адату, имущество

делилось только между сыновьями, женщин же в этом плане игнорировали.

Посетив Балкарию, автор зафиксировал данные о широко распространенном фиктивном родстве: аталычестве, молочном родстве, побратимстве.

Н. П. Тульчинский и Е. Баранов, посвятившие Северному Кавказу множество трудов, особое внимание уделили фольклору его народов¹³, в немалой степени способствующему восполнению пробелов в исследовании социально-экономической жизни и быта горцев, восстановлению генеалогических преданий, истории патронимий и фамилий, взаимоотношений между семьями родственников, соседей, односельчан. В частности, это относится к приводимой ими легенде «Каншаубий», воспроизводящей предание о карачаевской фамилии Крымшамхаловых и ее генеалогию, отношения аталычества между сыном Бекмурзы Крымшамхалова — Камгутом и кабардинской семьей Бибертовых, молочное родство Каншаубия Крымшамхалова и князя Атажукина, а также предание о происхождении балкарских таубиев Балкаруковых, Барасбиевых и Кучуковых.

В легендах, собранных Е. Барановым, «Шужей и Атажук» и «Мусса» обращают на себя внимание факты проживания братьев совместно, большой семьей у представителей княжеского сословия, процесса раздела имущества и роли почтенных стариков в нем, распространенности молочного родства. Интересна в первой легенде мысль о том, что молочные братья, по обычаю, обязаны были наравне с родными мстить кровникам, а также приведенный в легенде «Мечь» факт о том, что за своих отцов, братьев, мужей мстили и женщины. Легенды «Кара-Кундет», «Жабаги Казанок и его жена», «Девлет и Ниса», «Кто дороже» рассказывают о гостеприимстве и его отдельных элементах, о кунацких, материальном быте и духовном развитии горцев.

Хорошо зная социально-экономическую, культурную жизнь и быт горских народов, Тульчинский и Баранов в комментариях к легендам и преданиям нередко останавливаются на проблемах экономики и особенно земельных отношений балкарцев, карачаевцев и осетин. Их взгляды во многом созвучны с решением проблем землепользования и землевладения, предложенным М. Абаевым в статьях «Наделы осетин»¹⁴ и «Горские аграрные вопросы»¹⁵.

Начав с истории земельного вопроса, Абаев в статье «Горские аграрные вопросы» переходит к характеристике земель, разделив их на общественные (пастбища и часть

сенокосов) и частные (пахотные, часть покосных и присельские выгоны). Он обстоятельно анализирует качество и размеры земельных угодий горцев, показывая уже самими названиями (Аякъ-Узунъ, Таш-орун, Гебен-орун и т. д.) их элементарное несоответствие потребностям горского населения. Описывая процесс орошения, искусственные каналы и водопроводные сооружения, автор мельком замечает, что в их строительстве участвовали группы семейств, то есть патронимии.

Природными условиями, а также арендой (бегендой, ортаком, эмчекликом) Абаев объясняет раннее появление в горных ущельях «поземельной собственности», социальными различиями и положением членов общины — отношение к земельному фонду.

В 1904 г. был издан сборник научно-популярных очерков «Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа»¹⁶. Авторы их — Д. А. Пахомов, А. И. Лавинцев, А. И. Красницкий, А. И. Лавров и Н. Н. Ольшанский. Они с симпатией писали о горских народах, их жизни и быте.

Д. А. Пахомов, например, «бесспорно лучшим горским обычаем», как и множество авторов XIX в., называл гостеприимство, поскольку именно гостеприимство и радушие испытали на себе многие и многие поколения путешественников, купцов, торговцев начиная с VIII—VI вв. до н. э., с времени, которое было ознаменовано переименованием понта Аксинского (негостеприимного) в понт Авксинский (гостеприимный)¹⁷. Автор очерка замечал, что в гостеприимстве горцы не различали ни врагов, ни друзей, не интересовались национальной принадлежностью и вероисповеданием гостя, добросовестно и беспрекословно исполняли предписанный предками церемониал горского этикета. Правда, в объяснении генетических корней этого обычая в связи с постоянным странствованием и «шатаниями» он проявил некоторую некомпетентность. Необходимо отметить, что в литературе встречается немало ошибочных представлений о причинах возникновения гостеприимства. К примеру, В. Пфаф считал его порождением осторожности и предусмотрительности¹⁸. В основном верно, упустив, правда, мотивы культа предков, Пахомов понял обычай почтительного отношения к старшим, увязав его с патриархальным строем и отметив распространение в различных подразделениях общества. Автор отразил в очерке родственную солидарность в кровной мести, сдержанное отношение агнатов к столкновениям и вражде, поведение родствен-

ников в случае возникновения вражды, процесс примирения, установление фиктивного родства.

Соответствует мировоззрению Пахомова верность горцев своим обычаям и данному слову, о чем он писал с восхищением: «Горцы — вообще люди этикета и твердо придерживаются своих правил, особенно при посторонних» (с. 99), а также чувство патриотизма, образно выраженное им следующими словами: «Горец без гор, без своих диких ущелий и бушующих потоков — это рыба без воды» (с. 95). Но суждения Пахомова о суровой природе, требующей постоянной мобилизации сил, трудолюбия, противоречат его рассуждениям о «домашней» жизни горцев, проводимой в праздности, пиршествах, «пустяковой болтовне с соседями», о себялюбии, капризности, об игнорировании мнений и желаний окружающих и в то же время о твердом выполнении правил этикета. Обычай избегания он трактовал так, что горец смотрел на жену, «как на полезное животное», а поэтому не опускался до ласкового отношения к ней, а также к детям.

Конечно, не во всех семьях женщина встречала достойное отношение¹⁹, иначе не появилась бы у кабардинцев, карачаевцев и осетин поговорка: «Собаку били, а снохе понять давали». Однако многие информаторы в кабардинских, абазинских и осетинских селениях рассказывают, что глава семьи, если был недоволен снохой, при ней выговаривал жене или ругал свою дочь. По сообщению информатора из Заюково это звучало примерно так: «Говорю тебе, дочь, и это надо знать каждой девушке или молодой женщине, что то-то или то-то делать нельзя или надо делать иначе». Как видно, авторы не улавливали грани между обычаем избегания и просто неуважительным отношением к женщине. В большинстве же своем горцы с уважением относились к женщинам, особенно старшим по возрасту, к матерям²⁰. Нередки примеры, когда у тех же кабардинцев, карачаевцев, а также у балкарцев семью возглавляла женщина в случае отсутствия совершеннолетних мужчин или же после смерти отца взрослые сыновья признавали мать главой, первой хозяйкой и советчицей. Полноправное положение старшей женщины отмечено и в большой армянской семье. По мнению А. Е. Тер-Саркисянц, в ее руках находился «руль семьи»²¹.

Весьма обстоятельно с общественной, семейной и правовой жизнью «значительной части населения Кавказского края» знакомит читателя Н. А. Караулов²². Проводя параллель между шариатом и адатом, автор отдает предпоч-

тение последнему, его преимуществам перед мусульманскими законами, поскольку адат и в жизни был ближе горцам, нежели шариат. По словам многих современных информаторов, прогрессивные законы и обычаи отличались мягкостью, демократизмом, справедливостью²³. Караулов приводит пример адепта Шамиля, тщетно пытавшегося в течение двадцати семи лет заставить горское население отказаться от законов и обычаев предков, но понявшего в конце концов, что установления адата, шедшие от жизни и абсолютно удовлетворявшие интересы населения, одной только волей и силой никому не искоренить. Автор подробно останавливается и на различных сторонах судопроизводства, процедурах обязательств и договоров и через их призму на проблемах крепостного права и рабства.

Обратившись и к корану, и к адату, Караулов проанализировал права владения и собственности, предпочтительной покупки и выкупа, а также самую запутанную, как он считает, часть мусульманского законодательства — право наследования.

В процедуре раздела имущества большой семьи, в особенности малосостоятельной, он увидел ряд непредвиденных нюансов, но и в этом случае, и в случае раздела выморочного имущества родственной семьи, указывает Караулов, предпочтение отдавалось родственникам по степени родства.

В свадебной церемонии он фиксирует свое внимание на решающей роли в ее проведении родственников, членов патронимии и фамилии; останавливается на брачных запретах в случае генеалогического или молочного родства (на примерах родственных фамилий Кучуковых, Барасбиевых и Балкаруковых), а также сословных различий.

Ведя речь о родственной и соседской солидарности, Караулов, в частности, замечает, что «ни услуг, ни доброго отношения к ним балкары не забывают и внимание к одному балкарцу вызывает ответное внимание целого общества»²⁴, что, видимо, и предопределило сохранение в народной памяти поговорок о взаимоотношениях соседства: «Соседу пожелай одну корову, бог даст тебе две» (ног.), «Хороший сосед лучше плохого родственника» (каб.), «Держись большой дороги, родственников и соседей» (абаз.), «С соседом ешь, пей, но не торгуй» (карач.), «Сосед на черный день пригодится» (чечен.).

Отметил автор и ограничения, строго соблюдавшиеся соседями: запрещение строить окна и двери, выходящие на чужую территорию, делать в общих стенах отверстия, до-

пускать, чтобы ветви деревьев свешивались в чужой двор.

Очеркового характера публикация Н. Е. Талицкого²⁵ и научное сообщение Н. С. Иваненкова²⁶, прочитанное на общем собрании Общества любителей изучения Кубанской области 28 ноября 1908 г., примечательны приведенными генеалогическими преданиями карачаевцев, балкарцев и ряда других народов Северного Кавказа, попытками путем анализа преданий и подсчета поколенного состава наиболее древних, на их взгляд, фамилий определить генезис карачаевского народа, описанием поквартального поселения горцев, жилищ больше семейных коллективов, материального быта и обычаев. Хотя авторы нередко сетуют на отрицательное и разрушительное действие товарно-денежных отношений на традиционные порядки горских народов, они с восторгом отзываются об их гостеприимстве, добродушии, общительности.

Иваненков определяет средний количественный состав карачаевской патронимии девятью-десятью семьями, ссылаясь на патронимии Хабичевых, Суюмбаевых, Акбашевых, Кипкеевых; приводит примеры многочисленных патронимий Эркеновых и Семеновых, насчитывавших до ста семей; указывает на строгую сословную замкнутость карачаевских фамилий, экзогамию; свидетельствует о присвоении крестьянами при освобождении от крепостной зависимости фамильных имен их владельцев (с. 28).

Касаясь различных сторон жизни сельской общины, он, как и его предшественники, или опускает вопросы генезиса этой организации, или игнорирует общий процесс исторического развития архаических общественных учреждений. Обобщающим в этом плане можно считать мнение членов Сухумской сословно-поземельной комиссии, склонявшейся к искусственному их образованию и указывавшей, что население в сельской общине стремилось «найти какое-либо обеспечение для своих личных и имущественных прав». Желая достигнуть «возможного обеспечения внутренней и внешней безопасности», оно объединялось в общины на основе выполнения «известных обязательств»²⁷.

Можно оспорить высказывания по этому вопросу и некоторых советских этнографов, в частности Э. Л. Кодже-сау, который считает, что образование сельской общины связано, в первую очередь, с утратой локальных связей членов патронимий и с присоединением к соседям²⁸.

Марксистско-ленинская наука считает, что формирование сельско-общинных отношений и развитие феодализма стали возможны в связи с разложением родового общества

и постепенным созреванием на его почве социального неравенства. Кровнородственные начала, стабильно предшествовавшие соседским, постепенно утрачивались и заменялись территориальными²⁹, но при непосредственном участии родственных организаций. Семейные общины развивались, трансформировались и превращались в территориальные поселения семей и патронимий. В дальнейшем с усиленным ростом населения, развитием частной собственности, захватом относительно лучших пустошей, процессом дифференциации отдельных семейных общин и патронимий, ослаблением родственных отношений, возникновением между ними противоречий функции по урегулированию широкого круга вопросов внутриобщинной жизни, по охране определенной территории и населения переходят к соседской общине³⁰. В этот первоначальный период она состояла «из отдельных семейных общин, родственных и не родственных между собой»³¹. Община «с самого начала,— подтверждает в своем исследовании А. Д. Давыдов,— не могла быть никакой другой, кроме как сельской соседской общиной...»³².

Что же касается дальнейшей истории сельской общины, то она также исследована еще недостаточно. И одна из причин этого заключается в том, что и путешественники, и исследователи обратили на нее внимание лишь в XIX в.³³, то есть уже в состоянии распада. Но марксистская методология и использование актуалистического (сравнительно-исторического) метода приводят к выводу, что строй марки, или сельской общины, распадался «под влиянием хозяйственного прогресса»³⁴, которому последняя больше не соответствовала. Как при феодализме, так и при капитализме община функционировала в «новых формах и отчасти с новыми функциями»³⁵.

Сельская община народов Северного Кавказа в этот период представляла собой территориальное объединение больших и малых семей, патронимий и фамилий и строилась на более широком социальном и экономическом уровне и базисе, нежели ранняя. Уровень ее развития как более сложной социальной организации определялся характерными для нее чертами и общим состоянием. Основным признаком общины являлся «дуализм», выразившийся в существовании частновладельческого и пережитков первобытнообщинного начал³⁶. В основе производственных отношений сельской общины лежала частная собственность на средства производства при общей собственности на некоторую категорию земель³⁷, имели место индивидуальный

характер труда и неравномерное распределение продуктов. Отсюда имущественная дифференциация общества, разница между богатыми и бедными общинниками, эксплуатация как сущность общины.

Как административная единица территориально-соседская община состояла из сел и поселков какого-то конкретного ущелья или местности независимо в большинстве случаев от сословной принадлежности их населения. Судя по «Трудам комиссии по исследованию современного положения землепользования в Нагорной полосе Терской области» (Владикавказ, 1908), населенные пункты официально стали называться сельскими (аульными) обществами в 1870 г., после издания начальником Терской области графом Лорис-Меликовым «Положения об управлении сельскими (аульными) обществами».

Существование сельско-общинных отношений сохранялось вплоть до 1917 г. Объяснение этого явления кроется не в пережиточных остатках прошлых эпох, а в реальной необходимости их существования.

У народов Северного Кавказа имела место и вторичная форма образования сельской общины, относящаяся «к гораздо более позднему времени, чем относительно древнее образование соседской общины непосредственно из распада родовой», и характеризующаяся такими качественными отличиями, как временное пользование земельными участками, преобладание в большей степени малых патриархальных семей, слабые родственные связи и т. д.

Обстоятельная статья С. Фарфоровского³⁸, посвященная специально брачным отношениям, расширила уже имевшееся в науке представление о брачном церемониале у осетин, экзогамных порядках, положении горской женщины в семье и обществе, этикете взаимоотношений, проблемах смешения различных этнических, адвентивных (чуждых) элементов.

На протяжении двадцати семи лет изучал население Северного Кавказа и Закавказья, его быт и образ жизни известный врач, антрополог и страстный путешественник П. И. Ковалевский³⁹. Он увлекательно описал истории, происшедшие с представителями некоторых княжеских кабардинских фамилий и ставшие преданиями; гостеприимство; воспитание детей; физические данные, внешний вид и характерные черты карачаевцев и балкарцев; специфические особенности населения каждого из балкарских ущелий, адыгейских племен; сословные отношения у черкесов.

Широкую популярность в 1912—1913 гг. приобрели

опубликованные членом Московской судебной палаты Н. М. Агишевым и товарищем прокурора Тамбовского окружного суда В. Д. Бушеном «Материалы горских судов Кубанской области, Грозненского округа и Нальчикской слободы»⁴⁰, в которых были приведены конкретные факты и примеры, касающиеся обычаев балкарцев, кабардинцев, чеченцев, ингушей и карачаевцев, кровной мести и ее проявления, сельских (аульных) судов, наследования, опекуинства.

Таким образом, рассмотрение лишь некоторой части основных литературных источников и публикаций первой четверти XX столетия свидетельствует о широте их тематики и многообразии подходов к решению ставящихся в них проблем, о попытках более углубленного осмысления характеризующихся явлений. «Прежние источники, даже наиболее авторитетные, не могут дать ответа на многие интересующие нас вопросы»⁴¹, — с явным сожалением замечал краевед 20-х годов Л. П. Семенов, отмечавший все же некоторые прогрессивные изменения, имевшие место в дореволюционной науке.

II

«...ИСТОЧНИК НОВЫХ МЕТОДОВ»

Великая Октябрьская социалистическая революция, изменившая коренным образом направление общественного развития, строй, быт, хозяйственную и культурную жизнь горских народов, братская поддержка русского и других народов нашей многонациональной страны способствовали целенаправленному искоренению патриархальщины и вековой отсталости горцев, приобщению их к новому, советскому образу жизни, формированию у них научного, марксистско-ленинского мировоззрения, критического отношения к различного рода проявлениям идеализма, оппортунизма и сектантства.

X съезд РКП(б) на основе гениальных идей К. Маркса и Ф. Энгельса о возможности некапиталистического развития отсталых народов, учитывая исторические особенности окраин царской России, мудро подошел к определению национальной политики: поставил задачу оказания им экономической и культурной помощи и вовлечения их в строительство социализма. На Северном Кавказе, как и в других районах нашей страны, стали решаться вопросы развития советской государственности, органов власти, суда, прессы, образования, учреждений культуры, хозяйствования и экономики⁴². В Кабардино-Балкарии, в частности, шла реконструкция старых предприятий, создавались новые и на этой основе планировалось переустройство всего народного хозяйства. За годы первой пятилетки были введены в строй действующих 44 новых промышленных предприятия, в два раза увеличены посевные площади, комплексно развивались все отрасли народного хозяйства.

В эти годы видную роль в содействии экономическому и промышленному развитию Кабардино-Балкарской автономной области, в укреплении рядов национального отряда рабочего класса, специалистов, в пропаганде краевед-

ческого материала играла выходявшая с 1 июня 1921 г. на русском языке газета «Красная Кабарда».

Местные партийные организации и советские органы, научная интеллигенция видели причины еще слабого развития края в недостаточной изученности его богатств, состояния производительных сил и возможностей региона, в несоответствии системы образования и уровня подготовки специалистов насущным интересам народного хозяйства, уровня развития науки масштабным задачам социалистического строительства.

В 1923 г. на основе латинского алфавита была создана кабардинская и балкарская письменность⁴³, принимались меры к ликвидации неграмотности, издавались книги на родных языках, строились клубы, избы-читальни, библиотеки. В мае 1925 г. газета «Карахалк» сообщала, что «за короткое время на должную высоту сумела поставить себя» Пришибская изба-читальня, станичники с интересом посещают лекции партийных и комсомольских работников, знакомятся с художественной литературой и книгами по сельскому хозяйству⁴⁴. Несколько позже газета писала о помощи кооператива Н. Курпа в оформлении читальни; о проблемах, стоявших перед читальней сел. Кашкатау. А некий «Знающий» в газете от 19 февраля 1926 г. назвал Вольноаульскую избу-читальню «опытно-показательной». Ее, пишет автор статьи, посещают женщины, старики, молодежь; здесь ведутся кружки «малограмотных» и «политграмоты». Центральная нальчикская городская библиотека схватывала к 1927 г. «почти 60% читательской массы», усиленно пополнялась новейшей литературой, помогала сельским библиотекам.

Начало 20-х годов отмечено возникновением новых советских праздников, обрядов и традиций, проведением первых конкурсов на лучшее крестьянское хозяйство, выдвижением передовиков сельскохозяйственного производства. Старшее поколение с гордостью вспоминает об участии в праздновании дней урожая, проводившихся обычно в середине октября, после окончания уборки сельскохозяйственных культур. На торжествах подводились итоги работы сельских тружеников в течение года, отмечались достижения, пропагандировался передовой опыт, определялись задачи на следующий полевой сезон. Кабардино-Балкария хранит в памяти имена первых хлеборобов-победителей — Т. Б. Абазова из Кахуна, Т. А. Мидова из Малки, Х. Дзамихова из Залукодеса, гордится ими.

Учитывая все это, резолуция Второй краевой конфе-

ренции по проблемам экономики, культуры и просвещения горских народов Северного Кавказа (1925 г.) отмечала, что основой «развития национальной культуры всех народов СССР», советского строительства на Северном Кавказе должно быть и краеведение. Несколько позже на Учредительном съезде Ассоциации краеведческих организаций в Махачкале видный советский ученый, «авторитетный краевед», как о нем отзывались специалисты, П. Я. Марр метко сказал: «Краеведение — это особый путь научной работы, это источник новых методов»⁴⁵.

Убедительно отражает историческую обстановку в молодой Советской республике в 20—30-е годы, проблемы и интересы трудового народа, политическую сознательность и энтузиазм поколений тех лет небольшая, но глубокая по содержанию статья известного на Северном Кавказе краеведа Умара Алиева, о чем наглядно свидетельствует следующая выдержка из нее: «Ясно, что для создания нового мира, мира культурного и богатого, для загнивших царизмом в трущобы гор горских народов и превращение колонизированной царизмом страны в цветущий край... для того чтобы победить суровую природу гор и в полной мере использовать ее богатства, словом, для всестороннего развития советской народной культуры и благосостояния необходимо, прежде всего, познать окружающую природу, выяснить таящиеся в ней богатства и экономические возможности, изучить человека, живущего среди этой природы, в его настоящем и прошлом состоянии»⁴⁶. В интересах просвещения и процветания горских народов он призывал к созданию на Северном Кавказе краеведческих организаций и музеев, которые бы могли показывать «действительность ранее забытых горских национальных образований», агитировал перейти от теоретических рассуждений к практической работе — к полевым этнографическим, археологическим и фольклорным экспедициям, к публикации трудов, написанных «на строго проверенных фактах».

Перекликается с точкой зрения У. Алиева высказывание эколога профессора В. Н. Вершковского. Задумываясь над такими вечными и всегда волнующими человечество проблемами, как охрана природы, окружающей среды, памятников культуры и старины, история человеческой культуры и общества, он отмечал: «Много долгов, как результат невежества и темноты, накопилось у русского народа перед будущими поколениями»⁴⁷. Аналогичные мнения в то героическое и сложное время характерны для ученых самых различных специальностей, для энтузиастов-краеве-

дов, творчески мысливших и близко принимавших к сердцу успехи и неудачи уверенно крепнувшего государства рабочих и крестьян. Так, краевед Б. В. Лунин, страстно ратовавший об охране памятников старины, лаконичной фразой О. Уайлда о том, что «человек, не знающий своего прошлого, не достоин иметь грядущего», предостерегал от ошибок в планировании исследовательских задач, чтобы не упустить первостепенных и не терпящих отлагательства, и беспокоился, чтобы эта «фраза не была у нас в стране горькой истиной, чтобы она никогда не могла послужить заслуженным и справедливым упреком русскому гражданину, и в особенности русскому краеведу»⁴⁸. При этом он указывал, что Юг России и Кавказ располагают несравнимым обилием разнообразных памятников древности.

Краевед А. Д. Князев, ссылаясь на сложности в строительстве нового общества в связи с отсутствием проторенной дороги, ориентировал современников на детальное и вдумчивое изучение края, естественно-производительных сил, трудовых ресурсов, культуры, истории. Строить, писал он, «не ответив на вопросы: где? что имеется? и в каких условиях?,— нельзя»⁴⁹. Н. Я. Марр, излагая свою точку зрения по вопросам северокавказского краеведения на съезде краеведов в Махачкале, показал существование в современной ему науке элементов косности мысли, говорил о необходимости и путях преодоления подобного положения и призывал к всеобъемлющему осознанию самих себя: «Краеведение — это самосознание уже не государства, не гражданина, а населения, наций, народов, человека»⁵⁰. Он горячо призывал инициативно взяться за работу, создать «свой коллективный опыт», изучать жизнь вне стен кабинетов, работать, не отрываясь от народа, поддерживать творческие связи с аналогичными научными и краеведческими организациями.

И как бы закономерным отзвуком на создание автономных областей и республик, на возрастание самосознания, интереса населения к традиционной культуре явилось постепенное выделение краеведения как науки, появление новых путей этнографического и исторического изучения Кавказа. Авторы и исследователи чаще начинают отходить от понимания краеведения как географии изучаемого или описываемого края, все глубже связывают свои наблюдения и выводы с социально-экономической жизнью народа, его общественно полезной деятельностью, с проблемами материальной и духовной культуры. Начиная с

тех трудных лет становления и роста интерес к традициям, культуре, перспективам развития вовлекает в эту работу местные национальные кадры, трудящееся население, значительный круг государственных учреждений — научно-исследовательские институты, краеведческие организации, музеи, школы. Рост самосознания трудящихся естественно вызывал интерес к изучению древней истории своих народов и естественно-производительных сил и, следовательно, к развитию краеведения, что привело к широкому распространению краеведческих организаций.

Двадцатые годы на Северном Кавказе — время образования краеведческих обществ и их отделений во всех автономиях. Число этих организаций возросло с 22 в 1920 г. до 93 к 1928 г.⁵¹ «В конечном итоге, — писал У. Д. Алиев, — национальные устремления горцев, естественно, должны были опереться на краеведческую базу, и потому насаждение краеведческих организаций в национальных областях, в виде простых ли окружных, районных и сельских ячеек или в форме более сложных построений — обществ, научно-исследовательских институтов, музеев с краеведческим уклоном и проч., неминуемо связалось с общим глубоким национальным процессом, проходящим в горских массах, и стало одним из его характерных признаков»⁵².

Создававшиеся краеведческие организации составляли планы работы, выработывали на ближайшие годы направления своей деятельности, преодолевали различные специфические сложности роста, способствовали организации научных экспедиций, развитию туризма и альпинизма, занимались охраной памятников старины, выпуском научно-популярных изданий. Особая заслуга в этом принадлежала утвержденному 1 января 1925 г. Северо-Кавказскому бюро краеведения⁵³.

Первыми учреждениями Северного Кавказа, занявшись прямым изучением потенциальных возможностей края, его истории и перспектив развития, стали музеи, поскольку в стране уже был накоплен определенный опыт музейного дела. К 1926 г. в регионе насчитывалось 20 музеев, среди которых выделялись кабардино-балкарский, грозненский, карачаевский, адыгейский, владикавказский, пятигорский. Особое место занимал Краевой музей северокавказских народов в Ростове-на-Дону с тремя отделами: этнографическим, археологическим и художественным. «Выработанный научный план развития краймузея, — замечал специалист-музеевед Л. Ширман, — определяет его научно-исследовательскую и просветительскую деятельность, дол-

женствующую охватить быт всех народов, населяющих Северный Кавказ в его прошлом и настоящем»⁵⁴. Гордостью музея были картины Туганова, Хохова, Шлепнева, Федорова и Черноусенко, предметы материального быта, документы, посемейные списки, фотографии современников, традиционных жилищ, населенных пунктов, костюмов, украшений.

В печати тех лет часто упоминался созданный в 1921 г. Кабардино-Балкарский областной музей с богатыми коллекциями естественно-исторического, историко-археологического, этнографического и художественного отделов⁵⁵. Первый его директор, бывший сотрудник Владикавказского института краеведения, историк, этнограф, археолог, автор многих книг и статей М. И. Ермоленко видел задачи музея в сохранении для потомков богатой культуры кабардинцев и балкарцев, в пропаганде успехов Советской власти, тружеников горного края, в воспитании у трудящихся патриотизма и интернационализма. Не считаясь с весьма скромными условиями личного существования, Ермоленко побывал во всех уголках Кабардино-Балкарии, привлекая к этой работе учителей, работников культуры, молодежь, вел большую пропагандистскую работу.

Голодный 1921 год... Начинать было трудно. Два штатных сотрудника — директор и сторож. Нечем отапливать помещение, нет недостатка и в недоброжелателях. «Ни витрин, ни столов, ни стульев, полок, подставок и пр. — не было ничего. Голые стены будущего музея, нет ни одного экспоната», — вспоминал Макар Иванович. Трудно решался вопрос с помещением: сначала это было здание бывшей церковно-приходской школы, затем одноэтажное здание в садике Свободы. Но, несмотря на незначительный бюджет, писала на страницах «Краеведческих записок» Е. М. Додохова, к январю 1922 г. здесь было собрано 1197 экспонатов. В течение следующего года Ермоленко со своими помощниками раскопал 21 курган, создал в Нальчике общество по изучению местного края, привлек к работе курсантов Ленинского учебного городка, неоднократно выезжал в селения для записи легенд и преданий. Известный археолог профессор А. А. Миллер, посетивший музей осенью 1924 г., был восхищен его археологической коллекцией, результатами раскопок, экскурсий, постановкой работы. Правда, он предостерегал Ермоленко от раскопок крупных древних погребений, считал, что научная обработка подобных памятников не под силу одному человеку, кроме того, замечал ученый, для профессионального под-

хода к находкам в таких погребениях необходима основательная специальная подготовка.

В том же году музей посетили целые экскурсии из соседних городов и областей, два английских ученых, группа из Белоруссии, рабочие из Грозного, отдыхающие, школьники, трудящиеся Нальчика. В «Карахалке» за 3 апреля 1925 г. была напечатана небольшая, по нынешним критериям даже наивная, заметка «Кабардинки в облмузее» о том, что 16 жительниц Вольного Аула посетили музей, были восхищены собранными экспонатами и выразили благодарность его организаторам.

Уже в 1926 г. «Горский краеведческий журнал» сообщал, что фонды Кабардино-Балкарского областного музея сосредоточили одних только этнографических экспонатов 1006, среди которых выделялись одежда народов Кабардино-Балкарии, украшения, изделия ремесел — горские седла и упряжь, кавказское огнестрельное оружие, и что за последние два года его посетили более 12 тысяч человек. Через год Ермоленко писал в журнале «Краеведение на Северном Кавказе»: «Работа музея выражается в следующем: 1) собрано экспонатов музея: а) исторических — 5657; б) этнографических — 1006; в) естественно-исторических — 802; г) революционных — 2074».

Летом 1928 г. Нальчикский краеведческий музей посетил известный натуралист С. Анисимов, который, как он писал, располагался вблизи Ленинского учебного городка в сквере Свободы⁵⁶. Автор, похвально отзываясь о директоре музея и о его большом и бескорыстном труде, выделил среди экспонатов и коллекций модели кабардинских и балкарских жилищ, орудия труда, предметы обихода, национальную одежду.

В хронике областной газеты отмечалось, что благодаря руководителю музея он стал лучшим в крае, что только за последний год здесь организовано около семи с половиной тысяч экскурсий, а в его фондах имеются уникальные экспонаты.

Действительно, уже тогда историко-археологический отдел представлял собой коллекции эпох каменного, бронзового и железного веков, в которые входили копья, зернотерки, наконечники стрел, ножи, браслеты разных форм, медные топоры, кольчуги, ружья, пистолеты; этнографический — костюмы, образцы рукоделия, украшения, изделия из железа, дерева, огнестрельное оружие и т. д.

В эти годы М. И. Ермоленко издал, можно сказать, хронологию создания музея, в которой буквально по го-

дам отражена работа, трудные поиски и первые успехи благородного дела, затеянного и осуществляемого этим беззаветно преданным красведением человеком.

С годами рос бюджет музея, организовывались археологические, этнографические и фольклорные экспедиции, формировался штат опытных работников музея, завязывались творческие связи с центральными музеями страны. Ермоленко опубликовал ряд работ: «Археология Кабарды и Балкарии», «Былое», «Через 60 лет», «Прошлое Кабардино-Балкарского края», «Путеводитель по Кабарде и Балкарии», в которых попытался разобраться в проблемах происхождения кабардинцев и балкарцев, в их историческом прошлом, предрекал археологии будущее, замечая, что археологические памятники «молча ждут призыва их в свидетели». Его работа «Былое. Записки из центральной части Северного Кавказа»⁵⁷ примечательна конкретностью фактов, среди которых выделяются отражающие причины миграции, кровной мести и культа предков. Так, автор рассказывает о пленении узденями Буговыми молодой девушки, свидетельствующем об интенсивном пополнении Кабарды и других мест Северного Кавказа новыми этническими элементами. О том же, кстати, красноречиво свидетельствует и статья некоего Е. С. «Крепостные в Кабарде и их освобождение», в которой отмечается, что кабардинские князья «не упускали случая поживиться пленниками», и автор приводит в пример Таусултанова Шолоха, промышлявшего работоторговлей⁵⁸. Гораздо позже не обходит этот вопрос и Н. А. Караулов, констатирующий: «В рабы обращались также пленные, приводимые из набегов»⁵⁹.

Весомый вклад в развитие исторической науки и этнографии балкарцев, кабардинцев и других народов Северного Кавказа Ермоленко внес сбором и публикацией преданий и легенд местного края⁶⁰. Примечательна легенда «О горе Машук», записанная им от 90-летнего Машукова Алия⁶¹. Она рассказывает о том, как житель Большого Карачая Хубиев Машуко из-за угрозы кровной мести переселяется в одно из кабардинских селений в районе современного Пятигорска. Слава непревзойденного мастера-оружейника дала его имя горе — Машук. Примерно в начале XIX в., по рассказу информатора, кабардинские селения Пятигорья были переселены в район Малки. Сам Хубиев Машуко обосновался в Ашабовском ауле (ныне сел. Малка). На новом месте за его потомками закрепилось патронимическое имя Машуковы, которые даже по

прошеством многих лет поддерживали родственные связи с карачаевскими Хубиевыми. Ермоленко писал, что «были нередки случаи съезда в Пятигорске из Большого Карачая Хубиевых, а из аула Ашабова — Машуковых, они там, в Пятигорске, встречались как родственники и взаимно угощали друг друга» (с. 5). Наш полевой этнографический материал подтверждает, что старшие поколения обеих фамилий четко представляют себе общность происхождения. Но не все информаторы считают достоверной данную легенду.

В легенде «Кавказская дружба» зафиксированы отдельные аспекты гостеприимства: в частности, гостей в дом горца могло приходиться сколько угодно и на какой угодно срок, причем не принято было спрашивать их о продолжительности и целях визита. Но через несколько дней, если пребывание гостей затягивалось, хозяин мог напомнить в весьма дипломатичной форме об этикете и самих гостей, что выглядело примерно так: «Теперь вы уже не гости, вы свои люди. Я имею душу, одну лошадь, острую шашку, я не богат. А что вам нужно, скажите мне, и я найду все на свете! Я желаю вам счастья и здоровья. Говорите же».

Осуществляя задачи культурной революции, поставленные XV съездом ВКП(б), краеведы во главе с партийными организациями и советскими органами повели борьбу с неграмотностью, рутиной старого быта, предрассудками, отсталостью в области культуры. «Во всей остроте своей,— замечал краевед Владимирова,— стала задача — взять от старой культуры все ценное, все доподлинно культурное и решительно отместить всю «ветошь, убожество и варварство» этой старой культуры»⁶².

Первоочередной задачей стала подготовка кадров из представителей местных национальностей. В периодике тех лет приводилось далеко не оптимистическое сравнение: если в центральных музеях страны работали большей частью самоучки, то на Северном Кавказе для занятий краеведческой работой не хватало и «кустарей». Поэтому усиленно воплощался в жизнь популярный лозунг III Всесоюзной конференции краеведов, состоявшейся в 1927 г.: «Каждый гражданин СССР должен стать краеведом!» Видные ученые выдвигали предложения об организации консультационных пунктов по проблемам для широких масс, о создании для молодежи специальных краеведческих курсов и о введении в учебные программы средней

школы, средних специальных и высших учебных заведений предмета «Краеведение».

После XIII Всероссийского съезда Советов А. В. Луначарский особое внимание обратил на краеведение как форму активизации научно-исследовательской работы, качественно новую постановку деятельности НИИ. «В настоящее время,— с большим удовлетворением констатировал Л. П. Семенов,— на Кавказе сформировался ряд научно-исследовательских институтов краеведения...»⁶³.

В эти годы деятельно функционировал Кавказский историко-археологический институт в Тифлисе, возглавлявшийся академиком Марром. Он активно занимался разработкой проблем истории, археологии, истории искусств, обычного права и соответствующих вспомогательных дисциплин.

Научно-исследовательский институт краеведения, возникший во Владикавказе еще в 1917 г. из кружка по изучению истории и народного творчества для осетин-интеллигентов, Горский педагогический институт и Горский институт сельского хозяйства целенаправленно изучали историю и этнографию осетин, собирали произведения устного народного творчества, организовывали систематические экспедиции в ущелья Северной и Южной Осетии⁶⁴. К 1926 г. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения выпустил второй том своих «Известий», в котором были подняты актуальные проблемы краеведения Северного Кавказа и Закавказья.

Проблемам общественного строя и быта горских народов, семьи и семейных отношений, различным сторонам обычного права и мусульманской религии, подготовке горской молодежи к исследовательской деятельности уделяли внимание Дагестанский и Краевой Северо-Кавказский Горский научно-исследовательские институты⁶⁵. При этом последний сразу же наладил выпуск собственных «Бюллетеней» и «Трудов»⁶⁶.

С 1924 г. при Кубанском педагогическом институте было создано литературно-историческое и этнологическое общество, целью которого явилось «коллективное изучение и проработка вопросов литературы, языка, истории и археологии, этнологии с этнографией»⁶⁷. На заседаниях общества не раз заслушивались отчеты об экспедициях в населенные пункты Карачая, Черкесии, Балкарии и Адыгеи, доклады и сообщения об исследованиях среди этих народов.

В конце 1925 г. начал свою творческую деятельность

Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт краеведения⁶⁸, в котором было образовано пять отделов, в том числе этнолого-лингвистический. Используя маршрутные, кустовые, а также стационарные методы работы, с предварительным изучением накопленного за прошедшие годы материала и фондов музея, ежегодно углубляя программы экспедиций, сотрудники института постоянно совершенствовали свою экспедиционную деятельность, о чем свидетельствует качество полевых материалов. Анализ результатов этнографических и фольклорных экспедиций тех лет показывает, что трудоемкая работа полевого исследователя на практике учила формирующихся ученых вовремя фиксировать на бумаге все важное и интересное, находить общий язык с информаторами и населением, делать наброски, уметь выбирать необходимые коллекции.

Сравнение отчетов и материалов полевых экспедиций конца 20-х — начала 30-х годов свидетельствует о том, что это были уже профессиональные исследования. Членов экспедиций отличали умелая работа с информаторами, владение этнографическим рисунком, знания теоретических основ исследуемых проблем, творческое отношение к делу. В своей работе они опирались на сельские Советы, школьных учителей, активы селений.

Большое внимание экспедиции тех лет уделяли и исследованию хозяйства, что не случайно, поскольку оно во все века было основой существования человека и оставалось актуальной частью его бытия и в годы становления социалистического общества. Особый акцент делался на изучение специфики хозяйственного уклада, его влияния на традиции и образ жизни местного населения, производство. Уже к концу 20-х годов научно-исследовательские и учебные институты, в том числе и Кабардино-Балкарский, создали «себе прочную репутацию как в отношении проведенной уже работы, так и в смысле опубликования своих трудов в печати»⁶⁹.

В Нальчике изучением истории прошлого кабардинцев и балкарцев занимался Ленинский учебный городок — учебное заведение с контингентом около 1000 курсантов, специально созданное в 1923 г. для подготовки местных кадров, способных заниматься проблемами восстановления хозяйства и культуры края. Для него в городе было выделено лучшее помещение — здания бывшего реального училища, расположенные, по описанию С. Анисимова, в окружении японских сосен. Сюда принимались в первую очередь дети героев и участников Гражданской войны и пред-

ставители деревенской бедноты, рекомендованные сельскими Советами.

Превосходно поставленная комсомольская работа и подготовленный преподавательский состав способствовали серьезному овладению курсантами культурными и агитационными методами работы, что позволяло включать их в активное изучение хозяйства края.

Особое внимание обращалось на вовлечение в деловую жизнь «женской группы городка». «Горянки берутся за все,— писала газета «Карахалк»,— хотя получить как можно больше знаний. Ведут работу в огороде, на скотном дворе. Создали кружок, изучающий вопросы материнства и младенчества. Руководит им врач. Учатся рукоделию, посещают трикотажную мастерскую при клубе «Горянки». Проходят обществоведение (политграмоту)». Наиболее подготовленные из девушек посещали историко-археологический, этнографический и особенно лингвистический кружки. А во время выездов в сельские населенные пункты свои знания они старались передать «своим неграмотным сестрам в аулах»⁷⁰.

В кратчайшие сроки в городке был оборудован краеведческий кабинет, куда собирались связанные с хозяйством, природой, историей, культурой и революционными традициями области различные экспонаты и материалы, где проводились практические занятия. Для кабинета в библиотеках Москвы, Ленинграда, Ростова и Тифлиса были закуплены краеведческая литература, «Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Терские календари», за ряд лет подшивки «Терских ведомостей» и «Кавказа», «Акты Кавказской археографической комиссии», редкие исторические и военные карты Кавказа XVIII—первой половины XIX в. Была составлена библиография Кабарды и Балкарии. Руководство городка обратилось в ряд центральных государственных архивов, в частности РСФСР и Грузии, с просьбой о передаче ему материалов, касавшихся местного населения. Методическую и материальную помощь учебному заведению оказывали известные кавказоведы Н. А. Буш, И. С. Щукин, В. П. Пожидаев, И. Г. Кузнецов, С. С. Анисимов. Они принесли в дар молодому поколению горцев в знак успешного овладения ими знаниями и наукой редкие книги, фотоснимки, карты, схемы, зарисовки, диаграммы, таблицы.

Деятельность Ленинского городка в области постановки и проведения краеведческих изысканий носила весьма плодотворный характер. Здесь под руководством энергич-

ных преподавателей, энтузиастов краеведческого дела, были созданы биолого-географический, историко-археологический, этнографический и лингвистический кружки. Готовились многочисленные методические указания типа «Методы краеведческой работы», «Как организовать краеведческую работу в сельской местности» и масса инструкций и программ. На эту сторону работы, а также на создание учебников, хрестоматий, книг для чтения на родных языках и т. д. обратили внимание в беседе с инструктором городка, старым партийным работником т. Померанцевой посетившие Ленинский учебный городок в 1926 г. преподаватели учебных заведений Г. Журина, Н. Журип и О. Петрова⁷¹.

В 1970 г. автору этой книги посчастливилось познакомиться с одной из тех программ, составленной С. О. Шахмурзаевым, — с «Программой по составлению этнографической карты Кабардино-Балкарии». В программу включены вопросы, касавшиеся времени образования населенных пунктов, истории их застройки, первых семей, патронимий и фамилий, количества дворов, расположения усадеб, хозяйственных построек и многого другого.

Курсанты городка приняли участие в московской музыкально-этнографической экспедиции в балкарские селения во главе с Е. Д. Денисовой, лингвистической — с Н. Ф. Яковлевым, геологической — с И. Г. Кузнецовым, медицинской — под руководством ростовских врачей-исследователей. Во время зимних и летних каникул курсанты у себя дома занимались сбором информации по экономике, истории, этнографии, о революционной борьбе и гражданской войне на Северном Кавказе.

После установления Советской власти на Северном Кавказе здесь началась реализация Декрета Совнаркома от 1 июня 1918 г. о реорганизации и централизации архивного дела. Но в связи с дефицитом квалифицированных кадров сначала стало возможным создать только архивные комиссии, которые затем были преобразованы в архивные управления. В 1921 г. во Владикавказе было организовано Архивное управление Горской республики, а в 1924 г. с ее делением фонды управления переданы Северо-Осетинскому областному архивному бюро⁷² и архивным бюро в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Адыгее и т. д.⁷³ К концу 1925 г. на Северном Кавказе действовало 10 окружных архивов, 6 автономных областных и 61 районный, сосредоточившие в своих хранилищах 1875 фондов⁷⁴. Начальный период деятельности архивных учреждений ослож-

нялся незначительными сметными ассигнованиями на их экономические нужды, далеким от требуемого уровня состоянием архивных фондов, отсутствием помещений, оборудования, малочисленностью персонала. По сообщению Б. Лунина и Северо-Кавказского бюро краеведения, более благополучно обстояли дела, не считая Северо-Осетинского, в Кабардино-Балкарском архивном бюро, добившемся выделения пригодного помещения под архивохранилище и сосредоточившем в своих фондах материалы дореволюционных учреждений Терской области, по колонизации Северного Кавказа, о Кавказской войне, крепостном праве и реформе, земельных отношениях горцев, промышленности, ремеслах, суде и судопроизводстве, обычном праве.

Научную и научно-популяризаторскую работу коллективы архивов проводили в направлении составления справочников и сбора материалов по истории революционного движения на Северном Кавказе, о жизни и быте народов края в прошлые века и в современный период.

Видную роль в изучении Северного Кавказа стала играть формировавшаяся краевая библиография. Известный специалист 20-х годов в этой области Б. М. Городецкий указывал, что библиография — «ключ ко всем наукам» и без нее невозможны успехи ни в научной, ни в практической области деятельности. Безусловно, прав и профессор А. И. Воскресенский, указывавший: «Краеведческая стадия изучения — это стадия научной инвентаризации...»⁷⁵.

Как к закономерному этапу подытоживания накопленных материалов и постановки задач дальнейших исследований и открытий в науке, эффективного развития народного хозяйства, народного образования, культуры подходили к библиографии и известные на Северном Кавказе энтузиасты своего дела ученые И. Бентковский, Б. М. Городецкий, Н. В. Здобнева, Д. Д. Пагирев, Д. А. Сарахан, Е. Д. Фелицын. Своеобразным итогом краеведческой деятельности в 20-е годы стало издание в 1930 г. «Библиографии Кабарды и Балкарии» Д. А. Сарахана, включившей значительное число источников по 14 разделам (геология, гидрография, альпинизм и туризм, этнография, антропология, археология, история дореволюционного движения и др.). Несмотря на условность классификации библиографического материала, невключение в работу публикаций периодики послеоктябрьского периода, недостаточную аннотированность приведенного материала (особенно на иностранных языках), «Библиография...» Сарахана была первым опытом подоб-

ного рода, необходимым ориентиром в формировании краеведческих кадров.

Немалая заслуга в изучении Кавказа, его истории, лингвистики, географии, этнографии и в особенности библиографии принадлежит уроженцу Северного Кавказа, языковеду по специальности и педагогу по призванию, много сил отдавшему научно-исследовательской деятельности, А. Н. Дьячкову-Тарасову. В студенческие годы под руководством профессора В. Ф. Миллера он усиленно изучал этнографию и археологию региона, уже тогда стал членом-корреспондентом Общества любителей естествознания, антропологии, членом Русского географического и археологического обществ. Он много путешествовал, сам организовывал экскурсии и экспедиции, знал каждый уголок Кавказа, «каждую из населяющих его народностей, ее быт, условия и обстановку жизни»⁷⁶. Являясь сотрудником Краевого Северо-Кавказского Горского научно-исследовательского института, преподавателем ряда высших учебных заведений в Тифлисе, Ставрополе, Ростове, Дьячков-Тарасов приблизил высшую и общеобразовательную школы к краеведению, к «познанию окружающей природы, изучению родного края», и современники справедливо считали его пионером в этой области. Его заслуги состоят в выступлении против порядков старой школы, в агитации «покинуть кабинеты» и изучать жизнь не ради науки, а для людей; ценность его исследований заключалась в новизне материала, почерпнутого им в полевых этнографических изысканиях, экскурсиях и путешествиях и введенного в науку. Он сотрудничал с редакциями «Записок Кавказского отделения Русского географического общества», «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Известий Общества любителей изучения Кубанского края». Создал такие замечательные работы, как «Карачай и карачаевцы», «Адыгея», «Мамхеги», «Абадзехи».

В юбилейной статье к 35-летию его творческой деятельности (1927 г.), напечатанной на страницах журнала «Краеведение на Северном Кавказе», отмечалось, что его имя будет вписано «не в последнюю страницу» дела изучения Кавказа. И сегодня действительно трудно найти монографию или научную статью по этнографии Кавказа, в которых бы не приводились материалы Дьяčkова-Тарасова или не давались бы ссылки на них.

Развитию краеведения и этнографии на Северном Кавказе способствовали продолжавшие выходить и после революции «Сборники материалов для описания местностей

и племен Кавказа». «Сборники эти,— читаем в «Северо-Кавказском крае»,— вошли в историю изучения Кавказа необходимым фактором»⁷⁷. В интересующий нас период на его страницах кроме чисто этнографических публиковались работы в области историографии, библиографии, статистики и экономики.

Анализируя плодотворную деятельность краеведов и исследователей 20—30-х годов, хочется привести высказывание В. И. Ленина о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»⁷⁸. А они поставили ряд новых проблем перед историками, юристами, фольклористами и этнографами, ввели в научный обиход новые конкретные полевые этнографические и фольклорные материалы, способствовали складыванию стимулирующих, творческих условий для дальнейших этнографических исследований и открытий.

III

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Уже на первых этапах строительства социалистического общества краеведы обратили внимание на существование в быте многих северокавказских народов видоизмененных и перерождающихся обычаев и традиций, восходящих к отдаленным эпохам, указали на необходимость скорейшего их изучения с целью сохранения для науки, для будущих поколений.

Хотя социально-экономическое и культурное строительство, научно-исследовательская работа и оживление интереса различных слоев трудящихся к краеведению осложнялись такими объективными причинами, как определенный дефицит национальных кадров, медленное становление письменности и школьного образования, малограмотность населения, сохранение предрассудков, тяжелое бюджетное положение и ряд других негативных факторов, начало «краеведческого дела было весьма интенсивным»⁷⁹. Убедительное тому подтверждение — выпуск широко известных научных и научно-популярных книг и брошюр о Кавказе, учебных пособий, путеводителей, специальных статей, воспоминаний, очерков в многочисленных периодических изданиях. В 1919 г. в Петрограде увидела свет книга Н. И. Березина «Кавказ», посвященная природе и людям этого края, отдельным обычаям и нравам горцев, социально-экономическим изменениям в жизни северокавказских народов и будущим перспективам, которые автор, правда, еще не вполне отчетливо себе представлял. В публикации примечательна мысль, подсказавшая идеи в плане решения этногенетических проблем и объяснения причин миграции населения в регионе. Березин считал, что горы испокон веков были убежищем воинов, терпевших поражения в сражениях, беглецов от кровной мести, крепостных крестьян, бежавших от своих владельцев, и т. д. Интересно, что именно их потомки создавали генеалогические легенды о происхождении своих родов из Аравии, Египта, Крыма и других мест.

Заслуживают особого внимания специалистов-этнографов наблюдения Березина, проливающие свет на степень сохранения пережиточных явлений архаических общественных организаций в быте северокавказских народов, касающиеся того, что родственные отношения, или, как он их называет, родовые, выделялись на фоне сословных. Автор указывал, что племена, т. е. население ущелий (карачаевцы, балкарцы, осетины.— А. М.), отдельных сельских общин или союза сельских общин у равнинного населения Предкавказья (кабардинцы, черкесы, абазинцы, ногайцы.— А. М.) делились на «роды», под которыми он понимал не что иное, как патронимии, являвшиеся составными частями поселений. Именно поэтому Березин писал, имея в виду родственную солидарность членов патронимий и семей одной фамилии, что чуть ли «не каждый обитатель аула был замешан в какой-нибудь ссоре уже потому, что он принадлежал к какому-нибудь роду». Тем не менее сословные различия были весьма и весьма ощутимы. Особенно в тяжелом и бесправном положении находились малоимущие и зависимые крестьяне. Известно, к примеру, что деда основоположника балкарской поэзии Кязима Мечиева Суншевы продали в рабство Абаевым. Причины подобных явлений состояли в том, что у народов Северного Кавказа князья-феодалы были членами сельских общин, и это существенно сдерживало солидарность остальных общинников⁸⁰.

По наблюдениям Березина, при распространенном принципе поквартального поселения патронимических организаций чисто родственных семей, охватывавших абсолютно все селение, значительно меньше смешанных, полигенных. Мысли о взаимосвязи поколений агнатов, выходцев из одного корня, причинах сохранения генеалогических преданий и родословных дали ему возможность разобраться в культуре предков, исходя из которого горцы скрупулезно подходили к кровомщению, принятым традиционно поминкам, нарушениям женщинами супружеской верности, боясь мести «духа убитого». С культом предков связывались и почитание (адорация) старших, и отношения поколений между собой, что, к сожалению, большинство авторов отмечали только мимоходом, без малейших попыток истолкования⁸¹. Лишь некоторые, в том числе В. Пфаф, объясняли это стремлением к поддержанию порядка в семье⁸².

Но тем не менее обычай уважения старших — один из древнейших⁸³. Их уважали сначала как хранителей родовых, а затем семейных, патронимических, фамильных традиций. П. Зубов писал об адыгах, что «старость между ни-

ми, как у спартан, в крайнем почтении, и никакой молодой человек перед стариком не дерзнет сделать ни малейшей невежливости»⁸⁴. Е. Н. Студенецкая, проводившая полевые этнографические исследования в Кабарде, зафиксировала, что «в случае неповиновения тхъэмадэ имел право выгнать сына из дома «без копейки». Как говорили до революции в Чечне, «ослушивающиеся голоса старшего с воплем уходят». В работе «Современный обычай и древний закон» М. М. Ковалевский уважение к старшим характеризовал как специфическую черту «всякого общества, в котором жив еще фамильный и родовой культ»⁸⁵.

Считалось крайне непристойным пренебрегать советом и мнением старшего, У. Алиев писал, что у карачаевцев «никто не смел не только прекословить старику, но и садиться около него или сидеть с ним рядом за одним столом»⁸⁶. «При воспитании детей,— читаем в работе З. Социева «Станица Черноморская»,— население держится принципов горского воспитания: при старших не выражать своих суждений, оказывать старшему всевозможные услуги, уступать старшему место, когда он подходит, и не садиться без приглашения»⁸⁷. По понятиям осетин, подать на стол голову зарезанного барана без разрешения на то старшего патронимии было грубым нарушением традиций⁸⁸. Когда старший вставал из-за стола и выходил из комнаты, присутствующие провожали его стоя. Рядом с ним находиться можно было только слева. Встречавшегося на дороге старшего провожали до тех пор, пока тот не разрешал уйти. Он первым садился за стол, первым ложился спать, в его присутствии нельзя было громко разговаривать и т. д.⁸⁹ Сыновья и внуки в присутствии посторонних в разговор с отцом и дедом не вступали, а на их любые вопросы отвечали спокойно, четко, тихим голосом⁹⁰. З. П. Невская, кроме того, писала о карачаевской семье: «Никто в семье не смел перечить старшему»⁹¹. То есть, обобщая мысль, можно сказать, что в «отношениях младших к старшим у лиц обоего пола соблюдался строгий этикет»⁹².

Своеобразное почитание старших проявлялось и в похоронном обряде. В Верхней Балкарии рассказывают, что людей, проживших очень длинную и красивую жизнь, хоронили по торжественному ритуалу — «голлу», и вспоминают при этом стопятидесятилетнюю Эрке Махиеву и Кыдена Каркаева, очень уважаемых долгожителей.

Менее подробно в работе Березина говорится об аталычестве, отношении к нему различных сословий, о положении

женщин разных возрастов в патронимии, о большой и малой семье, идеологической общности членов фамилии.

Объектом внимания автора, как и многих других путешественников, наблюдателей и ученых, в частности Пфафа⁹³, оказались очаг и надочажная цепь, являвшиеся символом единства семьи и патронимии, наследование этих основных атрибутов горского дома старшими членами семьи, перенос огня в жилище отделившегося сына.

Богатым фольклорным материалом насыщен очерк В. П. Христиановича «Из прошлого Кабарды и Балкарии» (Нальчик, 1922), выпущенный Кабардино-Балкарским обществом краеведения, о борьбе с крымскими ханами и ногайцами.

Анализируя этнические изменения на Северном Кавказе после татаро-монгольского нашествия, Христианович со ссылкой на карачаевские легенды рассказывает о смешении основного, тюркского, компонента — карачаевцев с абхазцами, сванами, армянами, русскими и с представителями других народов; о переселении Кабарта Тамбиева сначала в район Малки, а затем на Баксан; связывает легенды об образовании ряда балкарских фамилий (Урусбиевы, Суншевы, Женоковы, Мисаковы) и имена их родоначальников с крымским ханом Алтут-ханом.

В качестве учебного пособия о Кавказе выпустил книгу московский педагог С. Меч⁹⁴, которая содержит богатый, но не без искажений и неточностей описываемых явлений и фактов, этнографический материал о кабардинцах, балкарцах и других соседних с ними народах. Он обратил внимание на то, что жилища горцев плотно примыкают одно к другому и соединяются оконными проемами, т. е., сам того не ведая, исследователь зафиксировал типичный для балкарцев, карачаевцев, осетин, чеченцев и ингушей патронимический комплекс. Хотя населенные пункты представлены в общих чертах, их описание дает представление о планировке кварталов, расположении и архитектуре жилищ и хозяйственных построек.

Меч описал центральный очаг жилища, видимо, большой семьи, также подметив поклонение горцев очагу и надочажной цепи. Правда, при этом он допустил ошибку, сместив хронологические рамки бытования этого архаического церемониала, указав, что «каждая семья поддерживает огонь в своем очаге и придает его неугасимости особое значение» (с. 69), чего на самом деле к концу XIX в. уже не было. Испытывая довлеющее влияние анахронизма, Меч искажил и ряд других факторов и явлений, акцен-

тировал внимание на абсолютно нетипичных моментах. К примеру, на таком нелепом, как виденные им спящие в папах горцы.

Меч привел данные о гостеприимстве, церемонии приема гостей, о кунацких, их устройстве и роли в жизни горцев. Характеризуя типичную балкарскую и карачаевскую гостиную, он писал, что у большинства горцев «одна (половина жилища.— А. М.) назначается для семьи, другая — для приема гостей. Последняя называется «кунацкой» и содержится в большом порядке» (с. 30). Он описал интерьер кунацкой, отметив, что в ней имеется «большой камин», пол устлан войлоком, что в кунацкой горец держит все лучшее, что есть в доме. В гостеприимстве горцы всегда деликатны, писал Меч, хозяин обычно внимателен к гостю, будь он даже его врагом.

Надо отметить, что горцы были предупредительны и вежливы не только с гостями, но и друг с другом, на что обращали внимание многие авторы, особенно XIX в. Так, В. Пфаф замечал, что в патриархальных аулах ему крайне редко приходилось слышать резкое обращение или повышенный тон, даже на общесельских многолюдных собраниях, где решались спорные и волнующие всех вопросы. Но Меч неправильно понимал порядки избегания: сдержанность, суровость горца по отношению к своей жене и детям объяснял тем, что тот якобы стыдился быть ласковым и внимательным к ним. Причину этого он видел в образе жизни горца, в суровой природе, постоянных трудностях и т. п.

Известный популяризатор географических и этнографических знаний М. Владыкин, как и многие другие дореволюционные авторы, суровостью и дикостью природы объяснял такие качества горцев, как смелость, решительность, склонность к риску, дерзость поступков, примешивая сюда стремление к наживе, набегам и т. д.⁹⁵, абсолютно упуская из виду при этом пережиточные влияния строя военной демократии, что подтверждалось его же материалом о патриархальном рабстве. Только при подобном развитии общества рабство, писал он, «не проявлялось в своей отвратительной форме: господин и в рабе уважал человека и видел в нем скорее какого-то несовершеннолетнего члена своего семейства...»⁹⁶.

Освещая вопрос о браке, Меч утверждал, что жен себе горцы предпочитали брать из соседних сел и из представительниц своего народа. Об экзогамном браке сообщали и многие другие авторы, о нем пишут и советские этнографы.

И если о генетических корнях данной формы брака встречаются работы и рассуждения видных советских этнографов по ряду народов мира, то этого нельзя отметить в кавказоведении. В частности, С. П. Толстов, анализируя элементы тотемизма и пережитков матриархата у туркмен, одним из первых советских исследователей указывал на взаимосвязь функционирования хозяйственного коллектива и степени упорядоченности половых сношений⁹⁷. Опираясь на материалы своих предшественников и мнение Толстова, Н. А. Бутинов подтвердил, что причины возникновения экзогамии «нужно искать в конкретных условиях производства и быта наших отдаленных предков»⁹⁸. Он убедительно доказал, что унаследованные от животного мира неупорядоченные половые связи не могли всегда соответствовать производственной организации наших предков.

До сих пор нет работ, анализирующих на конкретных примерах степень экзогамии на определенном этапе истории того или иного народа. Между тем у большинства народов Северного Кавказа такой материал, к сожалению теперь уже давно не полный, еще можно собрать. Наш информатор А. Ш. Тишков (1896 г. р., Вольный Аул) рассказал историю кабардинских потомков своей фамилии. Его предок некий Тишка родом из-за Кубани в связи с кровной мстью бежал на Малку и, став «гостем» Паштовых, в дальнейшем получил фамильное прозвище Тишков. Отсюда и пошла кабардинская фамилия Тишковы. Информатору удалось воспроизвести и экзогамную схему своей фамилии. Об экзогамных связях своих фамилий нам рассказали Б. Т. Атабиев (1900 г. р., Кенже), И. С.-Г. Гузиев (1893 г. р., В. Жемтала), Ч. М. Мокаев (1906 г. р., В. Балкария), Х. А. Герузов (1984 г. р., Чегет-Эль), Б. Багаева (1883 г. р., Шами-Юрт), П. Х. Дышеков (1900 г. р., Чегем II), Х. С. Доев (1878 г. р., Дарг-Кох), Н. П. Жамурзова (1897 г. р., Кызбурун II), З. А. Есенкулов (1911 г. р., Сармаково), С. С. Канцыгова (1878 г. р., Яндырка), Ш. Б. Кудаева (1893 г. р., Чегем II), М. Т. Кажаров (1888 г. р., Чегем II), Д. Я. Теуважуков (1883 г. р., Этоко), З. Л. Тохтамышева (1895 г. р., Куба-Таба) и многие другие.

В общественном строе Меч также обнаружил ряд явлений прошлых формаций. В частности, по его данным, «многие аулы представляют собой отдельный род», т. е. он имел в виду патронимические поселки, населенные потомками одного родоначальника, с принадлежавшими всему такому поселку близлежащими пахотными, сенокосными и

пастбищными угодьями. К сожалению, он, во-первых, не указывает, где именно ему приходилось наблюдать подобные моногенные поселения, и, во-вторых, ошибочно считает, что такие поселки были изолированы и никому не подчинялись. Подобную мысль о южных осетинах XII—XIII вв. уже высказывал в 1883 г. Д. Лавров, писавший, что «они живут небольшими семейными группами, вполне свободные и независимые от всяких общественных отношений дальше своего семейного района»⁹⁹. Что касается управления этими поселками, то Меч далек от правильного его понимания, ошибаясь прежде всего в том, что якобы «никакой внешней власти над собой аул-род не мог даже вообразить», что «отношения между родами носили характер международных», тогда как на самом деле подобные патронимические поселки включались в систему сельской общины какого-либо общества (с. 79—80). Вероятнее всего, прав в этом вопросе М. Владыкин, по мнению которого «все кавказские горцы составляли множество независимых обществ, для которых не было доступно ни понятие о зависимости от кого бы то ни было, ни понятие о государстве и отечестве в том смысле, как мы их понимаем»¹⁰⁰.

Нельзя не согласиться с Мечом в том, что жизнь горских народов определялась адатами, причем теми их установками, которые отвечали потребностям людей. Горское население не могло не подчиняться адатам, справедливо замечает автор, в то же время приводя несколько противоречивый пример, когда порядки кровной мести являли собой как бы исключение из правил и, с одной стороны, выполнение их считалось обязательным, а с другой — не всегда поощрялось. Здесь уместно вспомнить не только о нарушителях кровных договоров, упоминавшихся нами в книге «О Балкарии и балкарцах», но и о положениях адата относительно клятвопреступников, лжесвидетелей, которые попадали в категорию злостных нарушителей закона, подрывавших интересы сельского общества, и обязаны были это общество покинуть¹⁰¹. Особенно это связывалось с клятвой землей, святыми местами, родственниками, предками, очагом или надочажной цепью.

Старожилы Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, ряда черкесских, ногойских и абазинских селений вспоминают случаи, когда в жарком споре случайно оброненное слово «клятвопреступник» вызывало серьезные последствия — жестокую кровную месть.

О том, что горцы, в частности кабардинцы, «не любят лжи», писал в 1911 г. на страницах «Терских ведомостей»

(№ 45) некто Бывалый, как можно заключить по заметке «Отношение народностей к показаниям на суде», юрист по образованию. Он приводит пример из практики военного суда, когда они не одобряли недостойное поведение (лживые показания и малодушие) своих земляков — подсудимых, несмотря на грозивший им суровый приговор.

Насколько серьезным было отношение к «клятвопреступникам» у многих народов, в достаточной степени свидетельствует факт из средневековой истории Европы, когда лионский собор 1245 года, осудив германского императора Фридриха II за отступление от церковных догм (это понималось как клятвопреступление) и объявив его подданных свободными от присяги ему, оттолкнул от него не только феодалов Германии, но и французских и английских королей¹⁰².

В описании кровной мести Меч обращается к более ранней истории народов Северного Кавказа, что, кстати, характерно для него. В ряде случаев этот прием не оправдывает себя из-за смешения хронологических периодов истории горцев. И все же он знакомит читателя с таким интересным материалом, как взаимоотношения виновного с родственниками пострадавшего, в частности, когда убийца должен был покинуть свою сельскую общину и избегать встреч с пострадавшей стороной. Если, писал Меч, подобная встреча случайно и состоялась где-либо в гостях или на сходе, виновный и его ближайшие родственники обязаны были под любым предлогом немедленно уйти. Если, предположим, убийство произошло на ныхасе (такое уточнение встречается у В. Пфафа), то месть свершалась тут же и лишь потом предпринимались попытки к примирению. В общем верно подходя к процедуре примирения как к выкупу (чаще всего скотом), Меч все же искажил отдельные факты, например, указав, что горцы откупались и детьми.

В 1923—1924 гг. в Балкарию были организованы две экспедиции геологов, ботаников и географов И. Щукина, А. Щукиной, М. Давыдова, А. Дометти и А. Данильцева¹⁰³, о которых впервые было доложено супругами Щукиными на заседании географического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии¹⁰⁴. Ученых гостеприимно встречали в Кашкатау, Чегет-Эль и Зылги, в частности в доме Абдул-Меджита Женокова. Интересуясь, естественно, в основном геологией, рельефом местности и растительностью, члены экспедиции, как люди науки, не обошли стороной факты жизни и быта местного населения. Щукин фиксирует формы и принципы поселений Черекско-

го ущелья, Хасаньи, Белой Речки, раскрывает преимущества скотоводческого хозяйства перед земледельческим горной местности. Описывая селение Кашкатау, его постройки, автор замечает, что «сакли вытянуты вдоль одной из сторон двора и часто разделены бывают по длине на ряд помещений, открывающихся наружу каждая особою дверью» (с. 34), т. е., как следует из этого описания, речь идет о жилищах больших семей с пристройками — отоу и хозяйственными помещениями.

Из множества аналогичных описаний можно судить о том, что члены большой семьи жили хотя и одним домом, но в разных пристройках. У осетин, замечал Пфаф, сын «рано женится и со дня вступления в брак занимает с женою и семейством отдельное помещение на отцовском дворе»¹⁰⁵. Прочность таких порядков подтверждается и следующим его высказыванием, что после смерти отца «братья оставались всегда в нераздельном владении»¹⁰⁶.

Г. Ф. Чурсин даже в 1925 г. приводит примеры больших семей у осетин: семьи Алборова и Содтиевых численностью 26 человек, Абаевых — 64 человека, заметив, что «семейная община» из нескольких поколений широко распространена в Северной Осетии¹⁰⁷. Свидетельства о больших семьях в 25—40 человек имеются у К. Г. Азаматова относительно балкарцев¹⁰⁸, у Т. Т. Шиковой и Е. Н. Студенецкой — о кабардинцах¹⁰⁹, у С. Третьякова и В. Г. Клементьева — о сванах¹¹⁰, у Р. Х. Керейтова — о кубанских ногайцах¹¹¹, у З. Д. Гаглойти — об осетинах¹¹², у Ф. И. Кудусовой — об ингушах¹¹³, однако типичными семьями этого периода были семьи в 12—14 человек, из которых двухпоколенные состояли из отцов и детей, дядей и племянников, трехпоколенные — из родителей и одного-двух женатых сыновей, двух-трех родных братьев со своими семьями и реже четырехпоколенные — из прадеда или прабабушки со своими потомками. Безусловно, большие семьи конца XIX — начала XX в. находились в процессе глубоко зашедшего распада, о чем свидетельствует увеличивавшееся количество их разделов в этот период, сокращение численности и поколенного состава, изменение их удельного веса.

При тщательном анализе посемейных списков конца XIX в., хранящихся в Центральном государственном архиве КБАССР (ф. 2, 3, 6, 9, и-9, 24, 29), СОАССР (ф. 10, 11, 12, 24, 30, 112, 113, 242, 262), ЧИАССР (ф. 149), было выявлено следующее соотношение больших и малых семей у северокавказских народов:

Общества	Семьи с одним женатым сыном	Семьи с двумя женатыми сыновьями	Семьи с тремя и более женатыми сыновьями	Большие семьи, состоящие из семейных ячеек братьев	Малые семьи	Общий процент больших семей
Ногкауское	9	3	—	29	59	41
Дарг-Кохское	7	1	0,5	31	60,5	39,5
Безенгиевское	12	3	1	24	61	39
Лафишевское	13	1	—	23	63	37
Лезгорское	12,5	—	—	17,5	70	30
Ашабовское	9	1	—	19	71	29
Наурузовское	10	1	—	11	78	22
Тамбиевское I	6	1,5	—	10,5	82	18
Карджинское	1	—	—	12	87	13

В следующей таблице отражен поколенный состав больших семей.

Общества и селения	Семьи			
	однопоколенные	двухпоколенные	трехпоколенные	четырепоколенные
Архонское	1,5	82	15	1,5
Нижнеозмиевское	23	77	—	—
Камбултаевское	11	74	15	—
Заманкульское	18	70	12	—
Ахловское	18,5	69,5	12	—
Насыр-Кортовское	30	66	4	—
Куденетовское II	29	66	4,5	0,5
Эгольчальское	25	65	5	—
Наурузовское	29	63	8	—
Верхнеозмиевское	44	49	7	—

И все же это не означает, что большие семьи были уже редким явлением, как пытаются представить некоторые исследователи. Просматривая газету «Карахалк» за 28 января 1928 г. (№ 834), мы обратили внимание, что в статье «Как идет землеустройство в Кабарде» указывалось на

окончание всех работ по распределению земель между селами, а среди первостепенных задач внутрисельского передела земель оставалось «дробление многодворной общины».

При изучении процентного соотношения больших семей, сохранности различных явлений патриархально-родового строя важно обратить внимание на то, что строго научный, объективный подход к этим вопросам важен в плане не только исследовательском, в плане определения общественного строя и быта народов в изучаемый период, но и понимания многих сторон их жизни в первые десятилетия Советской власти. Далекое не случайно В. И. Ленин в большинстве работ, в частности «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности»¹¹⁴, «О продовольственном налоге»¹¹⁵, отмечая многоукладность общественно-экономического строя в России, делал упор на патриархальный уклад.

Особенности социально-экономического и исторического развития народов Северного Кавказа, специфика горного и предгорного ландшафтов, проживание большей части населения в сельской местности, политика царского правительства, консервировавшая общественный строй горских народов, способствовали сохранению традиционности в их материальной и духовной культуре, а также социальной организации — общины. Обратимся к ряду высказываний, чтобы в этом убедиться. Так, П. Зубов в 1835 г. писал о кабардинцах, что у них «каждое семейство от прадеда до позднего поколения живет нераздельно и употребляет пищу из одного котла. Отсего в народе сем не говорится столько-то семей или дворов, но столько-то котлов»¹¹⁶.

Барон Август фон Гакстгаузен почти в середине XIX в. в своих «Наблюдениях и воспоминаниях» сообщал, что осетинские «семейства обыкновенно многочисленны»¹¹⁷. Е. Максимов и Г. Вертепов в 90-х годах XIX в. отмечали, что в Осетии «многие семьи, принадлежат к одному роду, составляют и один двор»¹¹⁸. А относительно ингушей они же писали: «Живут горные ингуши по нескольку семей в одном жилище. Каждая семья имеет особое помещение, отделенное от помещений остальных семей толстыми каменными стенами и выходящее в один общий коридор»¹¹⁹.

В эти же годы юрист С. Ф. Давидович сделал вывод, что «семейных разделов горцы не любят».

В примечании к «Описанию Черкесии 1724 г.» К. Главани Е. Г. Вейденбаум в апреле 1893 г., несколько преувеличивая, указал: «Казан значит по-татарски котел. Так как каждая семья собирается около своего котла, то чис-

ленность кочевого населения определяется количеством котлов»¹²⁰.

В статье «О большой семье у кабардинцев в XIX в.» Е. Н. Студенецкая обратила внимание на то, что большая семья во второй половине XIX в. «среди кабардинцев была распространена еще очень сильно...»¹²¹. Она ссылается на долгожителей-информаторов, рассказавших ей, что «во времена их молодости большая семья была широко распространена».

Ссылаясь на посемейные списки 1865 г., хранящиеся в Центральном государственном архиве, Е. Н. Данилова подчеркивала, что в абазинских селах $\frac{1}{3}$ семей были большими и «состояли главным образом из родителей и их женатых сыновей («отцовские большие семьи»), либо из нескольких женатых братьев («братские большие семьи»)»¹²².

Как показывают полевые этнографические материалы, у осетин единицей для раздела общественной земли был дым, т. е. большая, а не отдельная семья. Это говорит о том, что и здесь процент больших семей был значительным. Полевой этнографический материал по Балкарии свидетельствует, что шкала удельного веса больших семей в отдельных ущельях доходила до 40—42 процентов. Убедительным подтверждением приведенных выше высказываний могут служить широко распространенные в населенных пунктах Северного Кавказа патронимии, поквартальный принцип поселения, ощутимо проявлявшиеся идеологические и общественные взаимосвязи.

Но все же о глубоком распаде архаических общественных организаций, в частности патронимий, можно судить уже по тому, что, обратив внимание на мельницы как дорогостоящие средства производства, И. Щукин находит их чаще принадлежавшими отдельным хозяевам (например, мельница Каркаева Таусултана у Голубого озера, которую он осмотрел и изучил), нежели группе родственных семей.

Свои впечатления о путешествии по Кавказу (Сванетии, Хевсуретии, Мингрелии, Абхазии, Балкарии и ряду других районов) обстоятельно отразила в книге «Кавказ наших дней»¹²³ путешественница З. Рихтер. Она посетила Верхнюю Балкарию, Безенги, Хулам, Верхний Баксан, Былым, Гунделен, оставшись в восторге от «мягких» и исключительно добродушных горцев, от самого края. Побывав на земле «древней Балкарии», она вносит в дневник такие строки: «Я нахожу, что Балкария — самое живописное место на Кавказе». Но из-за крайнего безземелья крестьянского на-

селения она в то же время называет эту красоту трагической, а жизнь людей — суровой.

Рихтер отметила архитектуру жилищ, специфику жилых и хозяйственных помещений, воспроизвела примечательные стороны интерьера центрального жилища семьи, особенно гостиной, которая, на ее взгляд, всегда готова к приему гостей, где бы это ни было.

Путешественницу удивил и заинтересовал патриархальный быт, имевший еще место в горных районах, семейные и брачные отношения, свадебный церемониал, рассказы о случаях кровной мести. В Абхазии ей удалось наблюдать редкие уже для Кавказа элементы патриархального гостеприимства. «Пастухи,— писала она,— зарезав барана, часть вареного мяса развешивают на ветвях у тропы, чтобы путник мог утолить голод. На проезжих дорогах абхазы также ставят еду в деревянных чашках и питье для путников».

Кое-что из описанного наблюдал и автор предлагаемой книги в наши дни в горах Абхазии, и это позволило ему сделать вывод, что для абхазца гостеприимство — неотъемлемая черта его характера. Один из старейших жителей сказал, что, когда уходят гости, сразу ощущается пустота, которую могут заполнить только они.

Наблюдая за сельским сходом в сел. Лыхны, З. Рихтер выделила изысканную корректность абхазца, как писала она, которой «мог бы позавидовать любой лорд», сдержанность, исключавшую вмешательство в речь говорящего: «Никогда мне не приходилось присутствовать на таком сдержанном, я бы сказала, культурном собрании».

Важно заметить, о чем убедительно свидетельствует собиравшийся автором данной книги долгие годы полевой этнографический материал во многих районах Северного Кавказа и о чем не упоминается ни в одном из известных нам источников, что корни благожелательного отношения общинников друг к другу состояли в гласности всех мероприятий и решений руководства сельских общин, в открытой постановке актуальных проблем на сельских сходах, пресечении всяческих намеков на интриги и провокации и, конечно, в методах воспитания. Не случайно абхазцы и аджарцы говорят: «Что в детстве приобретешь, на то в старости и обопрешься».

Содержал обильный краеведческий материал выпущенный в 1924 г. ростовским издательством «Этнографический очерк Юго-Востока» Л. Пасынкова. Из обычаев горских

народов он особо выделил взаимопомощь, к которой особенно прибегало равнинное население кавказского региона: «Повсюду на Северном Кавказе пахота, например, требует значительных трат: чтобы пустить в работу неудобный плуг, необходимо запрячь 8—10 пар быков, поставить 5—6 работников, дать много упряжи. И поэтому бедняки прибегают к совместному труду» (с. 13).

Правда, необдуманно его безапелляционное утверждение об отсутствии необходимости «общности в работе» у осетин.

Пасынков приводит пример оказания помощи пострадавшей от пожара карачаевской семье из Старой Дзегуты, которой родственники и соседи в течение трех дней отстроили новое жилище; примеры помощи у чеченцев вдовам с детьми; упоминает о соседской помощи среди аварцев, лакцев, лезгин, горских евреев.

Анализируя «восточногогорскую группу» населения Северного Кавказа — чеченцев и ингушей, автор указывает на распространенность у них патронимической организации и патронимических поселков (с. 24).

Нормами закона у всех горских народов Пасынков считал различные формы избегания, проявлявшиеся в запрете интересоваться у мужчины о здоровье жены и детей, в связи с чем он, кстати, попал в неловкое положение; у старшего по возрасту — о младшем; супругам встречаться в общественном месте и многое другое.

Как известно, обычай избегания привлекал внимание многих авторов, путешественников, ученых. В. Пфаф рассказал о том, что однажды он поинтересовался у одного из горцев о стоящем рядом молодом человеке и тот отозвался о нем, как о каком-то родственнике, хотя это был его сын¹²⁴. Г. Ф. Чурсин в этнографическом очерке «Осетины» привел рассказ А. Джатиева об осетинской семье Теты Абаева, когда последний не подхватил падавшего с арбы ребенка, а всего лишь незаметно для окружающих придержал его; почти аналогичный пример известен из жизни отца осетинского поэта К. Хетагурова¹²⁵.

Заметным явлением в научной и культурной жизни Северного Кавказа в середине 20-х годов стала изданная Закавказским коммунистическим университетом имени 26-ти бакинских комиссаров книга А. Ф. Ляйстера и Г. Ф. Чурсина «География Кавказа. Природа и население»¹²⁶. В одиннадцатой главе книги «Население Кавказа», обращаясь к тюркским народам северокавказского регио-

на, авторы приводят самоназвание балкарцев — таулула, историческую справку о их прошлом, кратко обращаются к их этногенезу, описывают материальный быт. Из характеристики общественного развития и семейных отношений Балкарии видно, что здесь сохранились еще большесемейные коллективы, поквартальный принцип поселения, когда каждый «поселен одной фамилией, родом», но постепенно терялись экономические взаимосвязи близкородственных семей.

Вызвала большой интерес опубликованная в тот же период постановочная статья Г. Ф. Чурсина «Этнография Кавказа»¹²⁷, автор которой уже летом 1917 г. как «этнограф Кавказского музея, правитель Кавказского отдела Русского географического общества» провел этнографические исследования в Черекском и Балкарском ущельях Балкарии¹²⁸. В статье дан глубокий анализ состояния кавказской этнографии и определены задачи на будущее, причем Кавказ назван «живым этнографическим музеем», квалифицирован как регион с разнообразными формами хозяйственного быта, разнородными типами социального строя и общественных взаимоотношений. По мнению автора, народы Северного Кавказа находились на разных уровнях социально-экономического развития, с исчезнувшими у одних и сохранившимися у других семейными общинами в 25—30 человек, а у карачаевцев — в 50—60 человек, с сохранившимися в форме родственной солидарности кровной мстью, взаимопомощью, уважением к старшим, гостеприимством.

Ставя задачи изучения кавказской этнографии, Г. Ф. Чурсин с горечью предупреждал исследователей и краеведов о том, что традиционный «быт народов подвергается... коренной ломке», сетовал на то, что «ни один из народов Кавказа до сих пор не изучен со сколько-нибудь исчерпывающей полнотой», что нет ни одного «исчерпывающего монографического исследования» ни по общетеоретическим, ни по конкретным проблемам (с. 207).

Одной из первых сугубо этнографических работ Чурсина был очерк «Осетины»¹²⁹, на первых страницах которого он верно замечал, что этот народ «больше других» привлекал к себе путешественников и исследователей. «Благодаря этому особенному интересу,— продолжал автор,— накопилась довольно обширная литература, посвященная изучению языка осетин, их быта, юридических норм, народного творчества, верований и обычаев» (с. 132). В очерке Чурсин анализирует исторические предания, исторические и антропологические данные населения, занятия, типы по-

селений, вопросы кровной мести, семейные отношения и многое другое, что по мере необходимости приводится в нашей работе.

По данным автора, в горных районах в связи со спецификой хозяйства продолжала существовать многопоколенная большая семья, которая в то же время из-за причин экономического характера все же распадалась; им описаны патронимические поселки, предпринята попытка объяснить обычай «почитания стариков».

Глубоко анализирует состояние краеведения, труды дореволюционных авторов, «напоминает о неотложных задачах, стоящих перед современным исследователем», Чурсин и в небольшой, но носящей, по мнению Семенова, «программный характер», актуальной и своевременной статье «Этнография Кавказа», напечатанной в журнале «Новый Восток». Автора волнует тот факт, что уже в 20-е годы народный быт и культура подверглись «коренной ломке». Он замечает, что «изменился характер жилищ, вытесняется из домашнего обихода примитивная мебель, старинная утварь, национальные костюмы и пр. Коренным образом преобразовываются общественные отношения, строй, семейное положение женщины, обычное право; отмирают и уходят в прошлое древнейшие религиозные воззрения, проливающие свет на многие темные вопросы истории культуры человечества» (с. 107).

Он поддерживал идеи Ассоциации горских краеведческих организаций Северного Кавказа о создании этнологических комиссий и бюро для координации деятельности всех областных и республиканских организаций, для налаживания издательского дела, подготовки научных кадров из числа горских народов, качественной организации и планирования экспедиций, сбора полевых этнографических материалов, составления по итогам подробных отчетов¹³⁰.

Результатом популяризаторской деятельности Северо-Кавказского педагогического института в г. Владикавказе можно считать изданный здесь историко-географический и этнографический очерк «Горцы Северного Кавказа» его преподавателя В. П. Пожидаева¹³¹, написанный в основном на материалах «многократных экскурсий по горам и ущельям». После довольно обширного историко-географического вступления автор с пониманием дела характеризует материальную и духовную культуру горских народов: террасообразные поселки, интерьер типичного горского жилья, сущность таврирования скота, горские кладбища, устроенные по принципу «семейно-родовому», кровную месть, гос-

теприимство и т. д. В работе прямо не говорится о патронимиях и фамилиях у горцев, значимости и важности этих форм организаций в их жизни, но почти во всех разделах так или иначе эти вопросы затрагиваются. Так, можно почерпнуть материал о мести родственников пострадавшего родственникам виновного, о том, что в платеже выкупа принимали «участие все члены фамилии и все родственники виновного просили на коленях прощения у семьи пострадавшего». На членов патронимии ложился позор уличенного «прелюбодея», а членов его патронимии и даже фамилии называли «бесштаннами». Бесспорное доказательство родственной солидарности членов патронимий и фамилий — вырезанные на дверях кунацких многочисленные тамги гостей — представителей разных народов Северного Кавказа.

О сохранении «старых обычаев» в первые годы Советской власти ведет речь в своей книге «Как живут и трудятся народы в горах Кавказа» А. В. Померанцева¹³². Она упоминает о главенствующем положении в обществе стариков, о почтительном к ним отношении всех членов общества, о преимуществе во всем старших перед младшими, подкрепляя сказанное фольклорным материалом, что свидетельствует о знании автора устного творчества северокавказских народов; осуждает приниженное положение женщины, отношение к ней родителей, калым.

Не являясь специалистом по этнографии, лишь поверхностно зная жизнь горцев в прошлом, Померанцева далека от истинного понимания обычаев избегания, сдержанности мужчин по отношению к своим женам и детям, положения замужних женщин, отношений свекра и свекрови к невесткам.

По-прежнему, по словам Померанцевой, выделялся у горцев обычай гостеприимства: к гостю относились с почтением, ему ни в чем не отказывали, хозяин был ему опорой и защитой. Причем «сколько бы гостей ни пришло, хозяин должен всех уважить, всем угодить» (с. 17—18).

Один из наиболее активных деятелей краеведения на Северном Кавказе II половины 20-х годов — Д. М. Павлов¹³³, обобщив материалы Карачаевской секции Пятигорского отделения Северо-Кавказского института краеведения и Пятигорского отделения Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии, издал ценную в научном и познавательном отношении книгу «Искусство и старина Карачая»¹³⁴, в которой он всесторонне анализирует проблемы истории, этнографии, археологии и культуры Карачая и соседних с ним районов Северного Кавказа, недостатки в

работе специалистов и краеведческих обществ, пути и перспективы развития на будущее.

Необходимость научного изучения Северного Кавказа и его народов обстоятельно обосновал в статье «Антрополого-этнографические исследования как один из факторов подъема культуры в национальных областях Северного Кавказа»¹³⁵ А. И. Гозулов, считавший, что «в противном случае, неверные в культурном отношении пути, по которым стихийно могут устремиться эти племена, бедственно отразятся на физиологическом и психическом состоянии их, а стало быть, и на их работе, что не может не привести к некоторой депрессии в общем ходе культуры и экономики такой замечательной страны, как Западный и Северный Кавказ» (с. 7). На это же, кстати, обращали внимание и многие другие авторы. Г. Ф. Чурсин, в частности, писал, что «без знания самих себя нельзя вести планомерной работы по советскому строительству»¹³⁶.

Гозулова особо беспокоили вопросы переселения горцев в связи с малоземельем в предгорные районы и связанные с этим проблемы адаптации, психологических факторов, создания удобных, дешевых жилищ, соответствующих традиционным, усовершенствованным предметам домашнего обихода, утвари, посуды, развития садоводства и огородничества, т. е. все то, от чего зависели жизнь, успех в труде, счастье строительства новой жизни и семейное благополучие.

Исходя из соображений проблем и перспектив будущего развития народов Северного Кавказа, написал работу — очерк исторического развития горцев — ученый историк, краевед Умар Алиев¹³⁷. Этот труд начинается с весьма точного определения 20-х годов, времени, характеризовавшегося «переплетением процессов расслоения крестьянства и обострения классовой борьбы с довольно еще сильными остатками сословно-родовой и национальной розни, а также и с традициями глубокой старины.

Пестрота хозяйственных форм, разные ступени культурности и грамотности, совершенно неодинаковое влияние религии и патриархально-родовых связей в отдельных национальных областях и внутри каждой области требуют более конкретного подхода к задачам строительства каждой отдельной автономной области» (с. 3).

Глубокое знание всеобщей истории, русской классической литературы, истории мировой религии позволило Алиеву обстоятельно разобраться в социально-экономических отношениях горских народов, в соотношении элементов раз-

личных формаций, правда, с некоторой архаизацией каждого в отдельности общества, в его положении в регионе, чужеземном влиянии.

Автор в основном правильно определяет уровень развития северокавказских народов, деля их на две группы: 1) адыги, ногайцы и ингуши; 2) чеченцы, карачаевцы и балкарцы. Но, касаясь образования зависимого сословия, где он приводит в качестве причин и войны, и рабство, и патронат, и процессы закономерного расслоения, Алиев не соблюдает исторической последовательности в изложении приводимых им доводов.

1927 год для краеведения Северного Кавказа знаменателен выпуском Обществом изучения Адыгейской автономной области таких материалов по истории черкесского народа, как «Черкесы» Н. Дубровина, «Последний год войны Черкесии за независимость 1863—1864 гг.» А. Фонвилля, «Черкесия. Историко-этнографические статьи» Л. Люлье и «Кавказские горцы» Я. Абрамова, которые способствовали знакомству широких слоев населения с этнографией и историей XIX в. и предреволюционного периода, явились серьезными источниками для краеведов и ученых в дальнейшем изучении проанализированных сторон жизни народов Северного Кавказа.

Нами отдано предпочтение первой работе, которая кругом затронутых проблем и оригинальностью их освещения значительно превосходит остальные.

В данной публикации представлен разносторонний материал о гостеприимстве черкесов, кабардинцев, шапсугов, дагестанских народов и горцев Центрального Кавказа; об этикете, связанном с этим древнейшим обычаем; о кунацких; непосредственно о гостях. По данным Дубровина, гостеприимство было связано с честью семьи и рода (патронимии.— А. М.), с обязанностью достойно встретить гостя, ухаживать, оградить от возможных оскорблений. Не случайно традиционным для хозяина, встречавшего гостя, был ответ: «Голова моя... и заряд за друга или недруга. Ты — гость мой и, стало быть, властелин мой» (с. 7). Никакие услуги хозяина не могли унижить его в глазах гостя — таков закон предков.

Описывая прием большой группы гостей, Дубровин сообщал, что часть их расположилась у односельчан-соседей, упуская из виду закон солидарности членов патронимии, что это могли быть, в первую очередь, родственники по мужской линии или подвластные данной семье (с. 7). О решающем значении в гостеприимстве коллективистских и

нравственных начал¹³⁸, а также общественного мнения свидетельствует следующее замечание автора: «Мысль о том, что скажут о нем гости по возвращении в свою сторону, преследовала хозяина; день и ночь он хлопотал о госте, старался быть при нем безотлучно и лишь оставлял его на несколько минут для того, чтобы заглянуть, сыты и накормлены ли лошади приезжих. Все это делалось без всякой мысли о вознаграждении, из одного убеждения, что он исполняет завет отцов и долг гостеприимства. Взять подарок от гостя значило навлечь на себя всеобщее презрение, да и сам гость не предлагал его, боясь оскорбить тем хозяина» (с. 8). Дубровин подметил и такие тонкости: что в общинах посещали чаще всего наиболее уважаемых людей; что для гостя было неприличным прохаживаться по комнатам, хозяину — спрашивать незнакомого гостя о здоровье, садиться в его присутствии; необходимость соблюдать умеренность в разговоре, характерный для горцев порядок общения и этикета, воздержание в еде; что все прекращали есть, если останавливался старший; что хозяин провожал гостя несколько «верст» и возвращался после неоднократных настойчивых просьб гостя (с. 11—12).

Дубровин обратил внимание, как редко кто из авторов прошлого века, на традиционный порядок большинства народов Северного Кавказа выделять специальный земельный участок для выращивания урожая в фонд общесельской или патронимической кунацкой (с. 12).

В приеме гостя хозяину больше всего помогали родственники, члены квартала. Дубровин же основную роль в этом отводит соседям, односельчанам. Из этикета гостеприимства на автора произвел впечатление порядок, по которому гостя одаривали той вещью, которая привлекала его внимание, заслужила похвалу: чекменем, буркой, конем и т. п. (с. 55).

Отмечает Дубровин случаи возникновения кровной мести и из-за нарушения порядков гостеприимства, указывает, что у адыгов за убийство гостя кем-либо из его же гостей убийца выплачивал хозяину до 80 голов крупного рогатого скота. Именно поэтому, чтобы не скомпрометировать хозяина и не навлечь на него неприятности, случайно или вынужденно встретившиеся в чужом доме кровники и враги делали вид, что не знакомы, и не замечали друг друга (с. 13). Продолжая анализ возможных причин возникновения кровной мести, автор приводит случай, чуть не приведший к трагическому исходу, который, как можно предположить, произошел в племени адыгейцев еще до отмены

крепостного права. Суть его состояла в том, что некий бжедугский князь с целью исполнения долга благодарности перед князем соседнего племени за оказанный им накануне радушный прием приезжает к нему со свитой и ценными подарками. События разворачиваются таким образом, что хозяин оказывается временно в отъезде, и княгиня просит гостя подождать его возвращения. Кунацкую заполняют приближенные княжеской семьи, быстро накрываются столы, и проголодавшийся гость, чувствуя себя, действительно, как дома, но с точки зрения некоторых из присутствующих, не соблюдая якобы этикета, приступает к еде, пользуясь вместо ножа своим кинжалом. Один из наиболее несдержанных вассалов хозяина дома недвусмысленными намеками и насмешками, в частности относительно того, что у гостя, «оказывается, имеется и кинжал», задевает последнего. Любкой адыг это понял бы сразу, как это случилось и с князем, что в гости ходят не ради еды, а ради чести. Однако, не среагировав после первого «колкого» замечания остряка, князь, побагровев после второго, резко встал, решив покинуть кунацкую, но настоятельные уговоры старших из присутствующих и княгини-хозяйки остановили его. Хозяин же, узнав о происшедшем, изгнал своего приближенного вообще из княжеских владений, гостя же щедро одарил при прощании.

Дубровин предпринял попытку разобраться в вопросах куначества и патроната. В частности, по его данным можно заключить, что в период феодализма, междоусобных войн покровительство было просто необходимым и широко распространенным явлением. Правда, куначество он понимал только как покровительство, абсолютно веря, что кунаками могли быть только влиятельные лица дворянского происхождения.

Не совсем верно понимал Дубровин покровительство — патронат, указывая, что от него выигрывали и покровитель и ищущий защиты. Последний приобретал опору, а князь, по мнению автора, имел возможность в случае обиды и оскорбления клиента (покровительствуемого) получить выкуп в качестве штрафа. На деле подобное объяснение слишком поверхностно, ибо взаимоотношения в данном случае носили характер подчинения.

Глубоко, с привлечением малоизвестных легенд и рассказов Дубровин воспроизводит семейную жизнь адыгов, авторитарный характер семьи, место и роль старшего, положение женщины, обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей.

Дубровин свидетельствует о том, что быть аталыками считалось выгодным в плане приобретения покровителей и из экономических соображений, поэтому многие семьи хлопотали заранее об этом и нередко вступали в конфликт. В очерке приводится пример, что сын Болотокова Джембулата имел трех аталыков (с. 105).

Ценными являются факты Дубровина о сближении через аталычество «разноплеменных горских семейств» (с. 106).

Особого внимания заслуживает у Дубровина, как и у других авторов XIX — начала XX в., материал о кровной мести и взаимоотношениях адыгских народов на этой почве. При этом он выделяет их взгляд на оскорбление женщин-родственниц, что воспринималось более чувствительно, чем даже убийство мужчины — члена фамилии. Никакие выкупы, перемирия и суды не в состоянии были в данном случае урегулировать возникший на этой почве конфликт; лишь только смерть могла «успокоить возмущенную душу». Лично Пфаф в ауле Харистин (Северная Осетия) своими глазами видел раненого горца за подозрение в прелюбодеянии¹³⁹. В 1923 г. в Эльтюбю произошел случай мести из-за того, что молодой человек встречался с девушкой против воли ее отца.

Причинами кровной мести, по понятиям черкесов, могли быть: восстание рабов и крепостных против господ; неповиновение и бегство от феодала; нарушение порядка гостеприимства, супружеской верности женщинами; воровство; убийство (особенно отцеубийство); проявление трусости; измена общине, народу (с. 152).

Дубровин верно понимал, что в период широкого распространения кровной мести ее активно поддерживала не просто жажда убийства, а стремление восстановить поруганную честь, удовлетворить личные принципы и особенно — общественное мнение. Очень и очень редкими, пишет автор, были убийства из-за ограблений, но кровопролития из-за мести имели место, причем месть могла охватывать целые села, патронимии, фамилии и тянуться поколениями (с. 142). Годы для нее не являлись помехой: она могла совершиться и тогда, когда в обществе совсем забыли о конфликте. Мстителей не волновало, предположим, исчезновение преступника: месть переносилась на членов его семьи и ближайших родственников. По данным автора, высокий размер платы за кровь, особенно за князя, требовал участия целых «фамилий», причем нередко виновная сторона обращалась за помощью и к членам сельской об-

щины, друзьям и знакомым из соседних племен (с. 151).

Анализируя сельскую общину, определявшую взаимоотношения и быт населения, Дубровин делает вывод, что ее основной структурной единицей была патронимия, понимаемая им в следующем смысле: «Каждая община представляла собой семью в большом виде и называлась по имени родоначальника. Члены такой общины признавали себя по родству столь близкими друг другу, что не допускали между собой брачного союза, считая подобный брак кровосмешением. Родство это связывало членов общины, и они вели свои дела сообща, оказывали друг другу защиту и материальную помощь» (с. 150). Однако человека, совершившего преступление и нарушившего законы, читаем у него дальше, члены патронимии и сельской общины изгоняли из общества, ставя вне закона.

Характеризуя адыгов, он выделяет в них такие качества, как «пренебрежение самохвальством», скромность, впечатлительность, вежливость, «умение себя преподнести». Дубровин пишет, что даже самый смелый джигит никогда не будет хвалиться своими подвигами, но зато на оскорбление он ответит «оружием с быстротою молнии, без угрозы, без крика и брани» (с. 54—55).

В качестве примера истинной скромности и порядочности он приводит ставший легендой случай, происшедший с одним из храбрых воинов: о нем при жизни была сложена «жизнеописательная песня»; выслушав песню, он потребовал выбросить из нее слова, унижавшие одного из его соперников.

Подобное поведение исследователи-путешественники наблюдали и среди других народов. Прекрасно знавший армян Нахичеванского уезда, П. Зелинский писал, что, по их представлениям, если молодой человек больше молчит, умеет выслушать собеседника, он воспитан, умен и скромн¹⁴⁰.

О говорливом мужчине абазинцы с насмешкой говорили: «Он из слова своего веревку выплел».

Наиболее выпукло, отмечал Дубровин, в горце выделялись любовь к родине, привязанность к месту рождения, верность обычаям, которые он «считает лучшими в мире», гордость своим происхождением, родом, фамилией.

В работе приводятся рассказы очевидцев о том, что нередко были случаи, когда изгнанные за серьезные преступления из общества адыги, чтобы хоть мельком взглянуть на родные места, возвращались туда тайком на короткое время.

Считая особо ценной чертой адыгов обстоятельность, Дубровин замечал, что, по их понятиям, «опробитость и нетерпеливость простительны только детям и женщинам, а мужчина должен обдумывать и обсуждать каждое предприятие зрелым образом, и если есть у него товарищи, то подчинять их своему мнению не силою, а словом и убеждением, так как каждый имеет свою свободную волю» (с. 155).

Материалы своих многочисленных путешествий по горам Северного Кавказа, в частности по Балкарии, представил в эти годы С. С. Анисимов в книгах «От Казбека к Эльбрусу» (М.—Л., 1928), «Путеводитель по Кабарде и Балкарии» (М.—Л., 1928), «Кавказ» (М., 1930) и «Кабардино-Балкария» (М., 1937). Хотя в этих публикациях много внимания уделяется географии и природе, автор характеризует их, «как место для жизни человека, чтобы читателю был яснее и понятнее склад материального и хозяйственного быта в различных частях края». Анисимов дает краткие описания горских народов, поселений горских евреев — Астраханки, пытается определить время появления последних на Северном Кавказе, воспроизводит занятия населения, приводит самоназвания балкарцев и кабардинцев, пишет о времени заселения ущелий в Балкарии, об их истории, быте, считает этот район интересным в плане этнографических и археологических экспедиций. Так, поразившись селением Безенги, он восклицает: «Его быт — это густая своеобразная смесь старого с новым!» Книги Анисимова — это и живописное описание меняющих внешний облик, но сохраняющих свое прежнее лицо, традиционность населенных пунктов Эльтюбю, Озаруково, Гирхожан и Верхний Баксан, естественно вписывающихся в горный ландшафт Эльжурту, Муккулана, Кызыл-Кёза, Тютю, Чилмаса, и зарисовка природных богатств Черекского, Чегемского и Баксанского ущелий, и характеристика уровня занятий местного населения сельским хозяйством, и этикет гостеприимства, проявляемого рядом балкарских семей и фамилий, и небольшое очерковое отступление исторического характера о первых посещениях Урусбиевского общества русскими учеными, путешественниками и иностранными альпинистами.

Анализируя общественный и семейный быт, Анисимов отмечает у всех народов Кавказа «пережитки родового строя». Уже те факты, что, по его данным, у кавказских народов глава семьи обладал деспотической властью, имели место взаимопомощь, кровная месть, экзогамия и т. д.,

говорят о бытовании у них больших семей и патронимий. Это же явствует из описания усадеб — «многосемейные дворы делятся на отдельные индивидуальные семьи», из характеристики принципа поселения карачаевцев и балкарцев по патронимиям и фамилиям, как «отголосков родового строя». Автор замечает, что в большесемейных дворах 45—50-летние члены семьи, сами уже имевшие детей, в связи с властью в семье старшего бесправны в решении семейных вопросов.

Значительную часть книги «Кавказ» составляет глава о жизни и быте населения этого региона, которая так и называется — «Люди». Интересны наблюдения автора, касающиеся стремления горцев к современной культуре, образованию, уровня народной медицины. Определенных успехов горцы добились в народной медицине. К примеру, в Балкарии были известны имена людей, действительно владевших народными методами лечения: костоправа Қазиева Азамата, прославившихся в лечении открытых ран Абаевой Ханифы и Хасаова Кокея и ряда других. Анисимов указывает на почитание в балкарском доме старшего и при этом считает, что «семейное право балкарцев строже, патриархальнее». Много наблюдая за обычаями, поведением и порядками горцев, Анисимов близок к разгадке причин уважительного отношения к старшим, увязывая главенство в семье с религиозными обрядами почитания предков. Однако он все время путает деспотизм взаимоотношений с избеганием и в то же время преувеличивает роль женщины в общественной жизни. Приведем одно из наиболее типичных в этом отношении высказываний: «Женщина у них не закрывает лица и не прячется от мужчины, участвует в празднествах, увеселениях, также и в общественных собраниях».

Автор фиксирует одно из характерных качеств патронимии — экзогамию, указывая, что этот обычай «был очень тверд». Он лично наблюдал экзогамию в Кабарде: кабардинцы предпочитали невест брать в соседних селах. Привлекает внимание Анисимова широко практиковавшаяся взаимопомощь в различных случаях и формах. В частности, он описывает взаимопомощь подарками и деньгами в свадебной церемонии осетин: «Брак — создание каждой семьи — тоже требует участия всех сородичей, которые приносят подарки жениху и невесте» (с. 202).

Взаимопомощью путешественник объясняет тот положительный факт, что «беспризорных в Осетии не встретишь».

Анисимов упоминает о кровной мести у кабардинцев в связи с умыканием невест и о более частом ее проявлении в подобных случаях в Осетии и Ингушетии.

Определяя гостеприимство как обычай «межплеменного и межродового общения», Анисимов восхищается исходящим из него институтом проводничества, видными проводниками — восходителями на Эльбрус Соттаевым Ахийей, умершим в 130-летнем возрасте в 1918 г., а также жителями Верхнего Баксана, которых предпочитали брать в качестве проводников западноевропейские альпинисты.

Работа С. С. Анисимова «Кабардино-Балкария» — это гимн «пятитысячникам» Безенгийского ущелья — вершинам Дых-тау, Кашкан-тау, Шхара-тау, Тетнульд, двухкилометровой Безенгийской ледяной стене; это романтическое описание селения Безенги конца 30-х годов. В нем, пишет автор, наряду со скоплением традиционных построек широко распространяются новые, символизируя вместе с электричеством, радио, интерьерами книжных полок и портретами выдающихся деятелей культуры, писателей и ученых прошедших веков и современности перспективное будущее жителей Безенги.

Опытный взгляд человека, много путешествовавшего и видевшего, сразу улавливает разницу между горными и предгорными поселениями, отдавая предпочтение вторым, более зажиточным, со свободными и просторными усадьбами, садами и огородами.

При описании селения Тура-Хабль, древнего, как считает Анисимов, поселения верхнебалкарцев, он останавливается на почетной роли старших, отводимой им в конце 30-х годов, на их месте в общественной жизни, опыте в ведении хозяйства. Он пишет, что старшие — «инспекторы качества». Легкими штрихами ученый-путешественник показывает, как распадается в горах натуральное скотоводческое хозяйство примитивного типа, проводят свою деятельность комсомольские ячейки, внедряется новая социалистическая культура, сочетающаяся с национальной традиционной.

Качественные изменения прогрессивного характера отмечает в Кабардино-Балкарии и С. Ивановский, написавший социально-экономический и этнографический очерк «Кабардинка»¹⁴¹. Автор, показывая вовлечение женщины в общественную жизнь, наблюдает совершенствование земледелия, внедрение сельскохозяйственных машин и орудий, разведение в больших масштабах крупного рогатого скота, перевод кустарных промыслов на государственную ос-

нову, постепенное изживание религиозных и патриархальных элементов.

Главы очерка «Население, его прошлая и настоящая жизнь», «Положение женщины-кабардинки до революции» и «Правовые и культурные достижения женщины-кабардинки в Советском Союзе» написаны таким образом, что каждый анализируемый вопрос дается в сопоставлении прошлого и настоящего, отражает преимущества нового образа жизни. В этнографическом отношении примечательны описания жилищ и поселений балкарцев, интерьера жилищ, очага, мужской и женской одежды кабардинцев, характеристика религиозных верований. Ивановский в определении общественного строя и быта кабардинцев и балкарцев замечает сохранившиеся основные черты архаических общественных организаций, деспотический отцовский характер семьи, кровную месть (с. 20). Причем автор глубоко разобрался в истоках кровной мести, заметив, что «по представлению темных народных масс душа убитого не успокоится до тех пор, пока родственник не придет на могилу с радостной вестью о совершившемся отмщении» (с. 21); в сущности преднамеренности или непреднамеренности убийства; в правах и положении кровника-гостя; в вопросах примирения.

Поскольку цель очерка состояла в изображении горской женщины в ее прошлом и настоящем, автор большое место отводит дореволюционному положению женщины в семье и обществе, воспитанию девочки и свадебным обрядам, хозяйственным обязанностям и, конечно, изменению роли и положения женщины-горянки в советское время: участию в Советах, профсоюзах, комитетах обществ взаимопомощи, конференциях беспартийных женщин, обществе по охране материнства и младенчества.

Журнал «Революционный Восток»¹⁴² поместил на своих страницах социально-экономический очерк Л. Добрускина «Кабарда и Балкария в прошлом», характеризующий политику царского самодержавия на Северном Кавказе, социально-экономическое положение Кабарды и Балкарии до присоединения Северного Кавказа к России, феодальную иерархию и крепостное право, социальное различие кабардинцев и балкарцев, положение народных масс в предреволюционные годы, борьбу против угнетения, обычное право кабардинцев и балкарцев. Приводя конкретные статистические материалы, Добрускин показывает, как шло разрушение натурального хозяйства и проникновение капиталистических отношений в быт горцев.

Созвучен трудам Добрускина очерк исторического, экономического и культурного развития Кабардино-Балкарской автономной области С. Воробьева и Д. Сарахана «Кабарда и Балкария», написанный к 15-летней годовщине Октября¹⁴³.

Глава, посвященная историческому прошлому кабардинцев и балкарцев, свидетельствует об осведомленности авторов в анализируемых вопросах, о знании научной литературы, об их эрудиции. Начиная с известий древнегреческих писателей — географов и историков и кончая работами и трудами этнографов, археологов, историков конца XIX — начала XX в., Воробьев и Сарахан разбирают такие сложные вопросы, как военно-феодалная организация адыгов, взаимоотношения кабардинских феодалов с Русью, переселение кабардинцев в Турцию, этногенетические процессы в ущельях Центрального Кавказа, история религиозных верований на Северном Кавказе.

Но стержнем очерка является описание успехов социалистического строительства в Кабардино-Балкарии, деятельности обкома и облисполкома по реорганизации и совершенствованию народного хозяйства области, колхозному строительству, народному образованию.

Естественно, что в 30-е годы появлялись и такие статьи, авторы которых нередко доходили до крайностей, отождествляли консервативные обычаи с действительно народными¹⁴⁴. В перспективном плане работы редакции журнала «Революция и горец» (Ростов-на-Дону, 1929, № 3) этого же периода предусматривалась борьба против «обычаев и адатов» без разграничения их на прогрессивные и консервативные. В вопроснике, предлагавшемся читателю в разделе «Кабарда и Балкария», тема была сформулирована следующим образом: «Борьба с обычаями и адатами. Достижения в этой борьбе».

Но жизнь заставила таких авторов понять, что непреходящий закон социалистического общества — единство и преемственность поколений — означает не отрицание и уничтожение старого, а перенос всего положительного из прошлого в настоящее и будущее. Время выявило крайности в подходе к традиционной культуре народов Северного Кавказа и со стороны отдельных «знатоков» их национальной истории, а также ряда представителей научной интеллигенции, отдельных ответственных работников, пытавшихся, с одной стороны, выдать консервативные и реакционные обычаи и законы за национальные и народные, а с другой — необоснованно, из-за низкой теоретической подготов-

ленности и политической неграмотности призывавших отказаться от многого из прошлой культуры.

Теория и практика коммунистического строительства требует глубокого и осмысленного подхода к развитию народных обычаев и законов. Эта мысль уже звучала и тогда. В редакционной статье журнала «Революция и горец» (1929, № 6) «Коллективизм и трудовая взаимопомощь в быте горца» указывалось, что переустройство общества молодого, еще экономически слабого государства на социалистических началах прямо требует использования богатого опыта многих поколений, истинно народных традиций и обычаев.

Закljučая главу, хотелось бы отметить, что главной заслугой авторов 20—30-х годов является активная пропаганда среди широких кругов населения краеведческих знаний вместе с аналитическим и критическим отношением к дореволюционной литературе, умением оставаться на достойной нравственной высоте, стремлением подойти к проблемам прошлого и настоящего с реалистических позиций, оказать действительную помощь в строительстве социалистического общества ¹⁴⁵.

IV

ПЕРВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 30-е годы назрела необходимость специального и целенаправленного этнографического изучения народов Северного Кавказа. Проблеме, стоявшей перед специалистами, была посвящена обстоятельная и глубокая по содержанию статья А. Н. Генко «Задачи этнографического изучения Кавказа»¹⁴⁶. Являясь необычным в плане историко-этнографического богатства, Кавказ, по мнению Генко, не случайно привлекал пристальное внимание многих путешественников, туристов, ученых, и прежде всего таких «классиков кавказоведения», как В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, большую плеяду краеведов, и его изучение стояло в ряду первоочередных проблем академической науки. Считая важной задачей научное решение проблем этногенеза, классификации народов Кавказа, языков и наречий, общественного строя, материальной и духовной культуры, автор остановился и на ряде имевших место отрицательных сторон в исследовательской деятельности, суть которых он, в частности, видел в порочности отдельных «приемов исследования Кавказа». Генко считал, что авторы известных кавказоведческих работ недостаточно владеют «приемами этнографического исследования» и главный недочет в их работе — отсутствие квалифицированных «этнографических программ», незнание психического склада и языков изучаемых народов, кратковременность экспедиций. Автор подверг резкой критике «Инструкции» управления Кавказского учебного округа, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», а также «Программу для собирания этнографических сведений...» Г. Ф. Чурсина, в которых не был отражен ряд животрепещущих вопросов. И в результате, писал Генко, сложилось положение, при котором вопросы «о системах родства у народов Кавказа, о переходе родовых общин в общины общесемейные и далее земельные, в связи с этим и вопро-

сы земледелия и землепользования, особенно интересны в условиях высокогорного Кавказа, существенные для характеристики экономического строя, специальные вопросы техники горного земледелия и скотоводства, далее отражения производственных отношений в сфере идеологии (напр., вопросы годовичного цикла сельскохозяйственных праздников) и т. п. остаются в существующей кавказоведческой литературе слабо освещенными и ждут своего обсуждения на страницах научно-этнографических изданий СССР».

Кроме того, прав был Генко и в том, что народы Северного Кавказа, в отличие от закавказских, не будучи обеспечены национальными научными кадрами, оставались «на произвол более или менее безответственного дилетантизма и любительства» (с. 17—18). Именно поэтому, определяя дальнейшие задачи этнографического изучения Кавказа, автор подверг жесткой критике простое собирательство и «бесконечное нагромождение фактов».

В плане исследования архаических общественных организаций он предлагал с марксистско-ленинских позиций разобраться в проблемах рода, семьи и раннефеодального этапа истории северокавказского общества, представленных в трудах таких видных ученых, как Ковалевский, Леонтович, Сокольский, Даринский, Егиазаров.

Генко призвал «всю работу по этнографическому изучению народов Кавказа вести в тесной увязке с задачами социалистического строительства», планоно, целенаправленно.

На протяжении всей своей длительной творческой деятельности, бывая в многократных командировках от Северо-Кавказского краеведческого горского научно-исследовательского института, Северо-Кавказской краеведческой ассоциации научно-исследовательских институтов, научных учреждений Ростова, в экспедициях и путешествиях, много сил и внимания проблемам истории и этнографии народов Северного Кавказа, их общественного строя, обычного права уделял известный краевед, историк-этнограф профессор А. М. Ладыженский. В 1926 г. в статье «К вопросу об исследовании обычного права Северного Кавказа»¹⁴⁷ он замечал, что северокавказский край «недаром называют этнографическим музеем» различных народностей Кавказа, руководствующаяся каждая своими обычаями, и указывал, что изучение обычно-правовых норм горцев представляет собой как научный, так и практический интерес (с. 13). Ведь в Кабардино-Балкарской автономной области, судя по данной работе, функционировали еще предпочи-

таемые сельским населением третейские суды. Ладыженский, ссылаясь на статьи 8, 55, 57 «Земельного кодекса» Чеченской автономной области, привел примеры возможного разрешения спорных вопросов землепользования и разделов семейного имущества на основе народных обычаев.

Обращаясь к истории русской социологии, кавказоведения, выделяя особо при этом заслуги Ковалевского в изучении «обычаев кавказских горцев», автор с сожалением констатировал быстрое и безвозвратное исчезновение элементов традиционной культуры, способствующих, безусловно, успешному исследованию таких основополагающих проблем истории и этнографии, как общественный строй и быт, семейные и брачные отношения, поселения и жилища, и в связи с этим страстно призывал к методическому сбору полевых этнографических материалов (с. 13). Причем, указывал он в статье «К изучению быта черкесов»¹⁴⁸, для этого есть все необходимые условия: «...горские крестьяне очень рады человеку, изучающему их быт», и с радостью встречают этнографа-полевика, оказывая ему всевозможные услуги. Как бы продолжая мысль о научном и прикладном характере обычного права горцев, Ладыженский в статье «Обычное и семейное право черкесов»¹⁴⁹, попутно анализируя работы Клапрота, Интериано, Ламберти, Тавернье, Неймана, обстоятельно разобравшись в сравнительно-историческом методе Ковалевского, Пфафа, Егиазарова и Сокольского, указал, что семейно-правовые нормы черкесского народа содержат в себе еще существенные элементы матриархата, левирата, кровной мести, родственной солидарности, что они представляют благодатную почву для исследования проблем, связанных с землепользованием, семейно-имущественными разделами, положением женщин, избеганием, калымом.

Несколько позже А. М. Ладыженский в «Информационном бюллетене» Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (№ 46—47) выступил с интересным сообщением «Адыге хабзе», которое явилось результатом месячной командировки от Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов в Каменноостское (до революции — Кармо-Хабль) для изучения обычного права адыгов. Автор опять заострил внимание на «порядках трудового законодательства», семейно-имущественных отношениях, изменениях, происходивших в быте горцев в первые годы Советской власти.

При анализе «методов этнологического изучения права» Ладыженский остановился на степени изученности северо-

кавказских адатов и на организации и методике полевых этнографических исследований в этом направлении¹⁵⁰. Говоря о степени изученности кабардинских, балкарских и осетинских адатов представителями царской администрации, он замечал, что они меньше интересовали государственную власть, чем чеченские и кумыкские, поскольку обычное право последних находилось в зоне интересов «военного командования». Что касалось проблем сбора этнографических материалов, то здесь исследователь считал важным подготовку специалистов, их профессиональные качества, глубокое знание ими языков и психологического склада изучаемого народа. «Вследствие этого,— писал ученый,— важнейшей задачей является привлечение к работе и подготовка краеведов-националов; без них мы ничего не сможем сделать».

Уже будучи профессором кафедры теории и истории государства и права Ростовского университета, он создал одну из самых примечательных, на наш взгляд, работ — «Формы перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу (по материалам Северного Кавказа)»¹⁵¹, которая была посвящена многосторонним проблемам классовообразования, государства и права. В первую очередь Ладыженский подверг критике точку зрения Ковалевского об экспорте в среду северокавказских народов феодализма путем завоевания и утверждал, что здесь феодализм зародился самостоятельно, с распадом первобытнообщинных отношений. Параллельно с превращением родовых организаций в органы принудительной власти родовые адаты приобретали черты права. Дальнейший процесс закрепощения населения представлялся ему следующим образом: «Бедный род оказывался не в состоянии уплатить то, что он по адату обязан был уплатить богатому и сильному роду за действительную, а часто и мнимую «обиду», и этот выкуп переходил из одного поколения на другое, превращался в феодальную, отработочную, натуральную и затем денежную ренту» (с. 104).

По мнению Ладыженского, ссылавшегося на труды Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и «К критике политической экономии», дифференциация общества началась с первобытных родов, с обмена между чужими родами, с захватом соседей и их покорения, а в последующие периоды истории она перешла на племена, патронимии, большие семьи.

Ученый прав в том, что в зависимости от места расположения земель того или иного племени или рода нахо-

дились разделение труда и обмен продуктов, экономическое развитие и степень расслоения общества. На развитие патронимий и семейных общин осетин, вайнахов, кабардинцев, балкарцев, народов Дагестана в определенной мере оказывали влияние уровень производительных сил, скотоводство, совершенствование земледелия, процессы специализации профессий, внедрение частнособственнических отношений. Автор ссылается на вайнахские роды Ляоляховых и Салгиевых, занявшие удобные земли и подчинившие себе фамилию Хамиевых и ряд других. Складывавшееся положение, продолжал Ладыженский, делало одни роды «почетными», другие — «непочетными», усиливавшаяся дифференциация, стремление к возвеличению своего рода, к захвату лучших земель углубляли вражду между ними. Это на примере кабардинцев отмечал и С. И. Месяц: «...исторически обособленные кварталы постоянно ведут борьбу между собою»¹⁵².

Здесь необходимо заметить, что распад первобытнообщинных отношений был началом установления строя военной демократии и утверждения в ярко проявляющейся форме кровной мести.

Межродовая вражда находила выражение и в патронате, вследствие которого «богатые и сильные роды еще более богатели и усиливались за счет слабых и бедных родов».

Любопытным считал Ладыженский тот факт, что родовая организация дольше всего сохранялась у привилегированных сословий. Эта мысль исследователя достойна внимания, если учесть, что феодальные фамилии чаще помнили свою генеалогию, легенду о своем возникновении, исторические данные о своей фамилии, и то, что эти моменты были зафиксированы дореволюционными исследователями и путешественниками. В подтверждение своих рассуждений он приводит наименования сословий у кабардинцев: пши — «старейшина княжеский, феодальный», тлелотлеш — «сильнородец, рожденный от могущественного»; феодально-зависимых сословий осетин: фарсаглат — «люди, пришедшие по спросу»; дагестанских крепостных крестьян: чагары — «выходцы из слабого рода и поселившиеся на земле богатого рода» (с. 108). Ладыженский приводит несколько весьма примечательных примеров из этнографии Закавказья и Дагестана. Сославшись на статью С. И. Макалатия «Хевсурети», он воспроизвел отношения многочисленных и влиятельных в Хевсуретии фамилий Арабули и Чинчараули, в руках которых находилось

знамя могущественного объединения сильных родов Гуданского креста, которые из своей среды выделяли старейшин и облагали податями соседние общества, в частности Шательское и Арходское.

Джаро-Белоканские вольные общества, располагавшиеся на границе с Азербайджаном, включали в свой совет и глав наиболее крупных тохумов (с. 108).

Селения Дагестана Кухум, Герат, Ахты и Кубачи в состав сельской администрации выбирали представителей из зажиточных и уважаемых родов.

Ладыженский привел материалы Ковалевского по ахтинцам: последние обязывали подчиненные аулы устраивать ежегодные угощения, длившиеся по нескольку суток; в случае убийства ахтинца плата за его кровь была вдвое больше, чем за общинника подчиненного поселка (с. 109).

Он ссылается также на работу З. Ванетти «Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин», в которой проводится подобная же линия, т. е. линия антагонизма между родами в сельской общине, и приходит к выводу о выделении более «сильных» родов (патронимий, фамилий.— А. М.).

Свои мысли относительно борьбы между господствующими и подчиненными родами автор заключает высказыванием, что она явилась зародышем классовой борьбы.

Рассматривая кровную месть в связи с дифференциацией общества, Ладыженский показал проявления кровной мести и ее последствия. Так, указав, что от знатности и силы рода зависел размер выкупа, он сослался на такие факты: к примеру, представитель знатной фамилии, укравший коня, мог объяснить свой неблагоприятный поступок тем, что ему якобы хотелось покататься верхом, и этого было достаточно; если же он в момент совершения кражи ломал себе ногу в чужом дворе, хозяина обвиняли в негостеприимстве.

Интересуясь последствиями примирения, Ладыженский заметил, что в Осетии после этого акта убийца становился слугой пострадавшей семьи, в Ингушетии в зависимости от состоятельности виновного возрастал или снижался размер выплаты, и он обязан был выполнять всевозможные услуги.

Не соглашаясь с положением, что члены патриархального рода — обязательно кровные родственники, автор писал: «...представление, будто роды — это группы лиц, действительно происходящих от общего предка, совершенно неправильно потому, что семья возникла значительно

Анализ терминологии и этнографического материала также свидетельствует о том, что не верны утверждения тех дореволюционных авторов, которые считали родовой строй у народов Северного Кавказа реально существующим, и советских исследователей, придерживающихся мнения, что в конце XIX в. при окончательном распаде патриархальных отношений полностью утвердились феодальная и капиталистическая формации.

Во многих своих публикациях Косвен, ссылаясь на материалы Ковалевского, Иванюкова, Миллера, Тульчинского, высказывания Комарова типа «каждый тохум имеет свое название или фамилию, большей частью по имени основателя...»²¹⁶, касается наименований патронимий у разных кавказских народов, которые представляли собой существительное множественного числа с прибавлением суффиксальных окончаний: -ланы, -улу — у балкарцев, -ко — у кабардинцев, -оглы, -заде — у азербайджанцев, -та — у осетин, -ипа — у абхазцев, -швили, -дзе — у грузин, -ан, -янц — у армян и т. д., которые появляются с выделением из семейных общин ветвей патронимии, ее структурных единиц²¹⁷.

Интересно, что в литературе данные о патронимических окончаниях (-инг) встречаются еще у франков в период средневековья (Меровинги, Каролинги и Капетинги). Очевидно, не будет ошибкой предположить, что франки — один из первых народов, у которого возникли фамилии в современном смысле слова. И относится их появление к королевской среде, как бы утверждая привилегию господствующего класса. Всеобщим явлением они стали гораздо позже²¹⁸. Сегодня можно рассматривать как патронимический пережиток право, закрепленное в законодательстве Казахской ССР (в других республиках его нет. — А. М.), записать отчество ребенка не в привычной для современности форме, а путем прибавления частицы «улы» (сын) к имени отца: Едильбаев Мухит Айдар улы²¹⁹.

В Балкарии только по присоединении ее к России царские власти официально установили обязательность фамилий для всех жителей горных ущелий, наивно полагая, что они до сих пор обходились без фамильных наименований, хотя их появление датируется предположительно XIV в., когда возникла форма организации людей — «фамилия», что подтверждает и тот факт, что в основе большинства нынешних фамилий лежат ранние имена, выявленные нами из генеалогий.

Фамильные наименования появляются из-за необходи-

мости отличать людей с одинаковыми именами из разных семейно-родственных объединений: добавлялось имя или прозвище родоначальника. Таким образом, каждый балкарец, естественно, приобретал, кроме личного имени-отчества, указывавшего, чей он сын (чья дочь), фамильное наименование тукума. Это эпонимные имена, идущие от родоначальника. Ковалевский на примере народов Дагестана делал и другие выводы: «Большинство тухумов, впрочем, обозначаются именем того или иного лица, но с этим лицом не всегда связывается представление о родоначальнике» и «...им признается, обыкновенно, знаменитейший из предков, лицо, прославившее род или своею храбростью, или благочестием, или мудростью»²²⁰. Как известно, у азербайджанцев имя отца в качестве фамилии обязательно закреплялось за старшим или наиболее любимым сыном. Так, один из наших информаторов 98-летний Камил Багиров рассказал, что в семье он был вторым по возрасту сыном и тем не менее фамилия Багировых (багыр — букв.: душа) досталась именно ему.

На том уровне развития, который характеризовал средневековую Балкарию, уже недостаточно было знать лишь имя человека и его отца, чтобы определить, кто же имеется в виду. Поэтому жизнь предъявляла свои требования к существующей системе имен. Однако окончательное становление фамилий затянулось на столетия ²²¹.

История фамилии начинается с отсчета родства по поколениям мужской линии, восходящим ко времени укрепления патриархальной семьи ²²², и продолжается в постоянно меняющихся наименованиях антропонимов: от родовых и личных к патронимическим, фамильным наименованиям и, наконец, к современным.

Представители горских народов очень ревностно и с гордостью относились к своим генеалогиям и истории рода, считая их основой могущества, знатности и древности происхождения ²²³. Господствующие классы относили корни своих генеалогий к более отдаленным предкам, да еще к известным историческим лицам, а цари и правители — даже к богам (грузинские цари, например, по генеалогии В. Л. Багратиона, свое начало вели от Адама и Евы) ²²⁴. Интересно, что и сегодня порой поступают сообщения из западных стран, в частности из Великобритании, о продаже с молотка аристократических титулов и о стремлении получить документальные права на старинные родословные представителей состоятельных фамилий капиталистического мира.

Старшие поколения народов Северного Кавказа, можно сказать, вплоть до наших дней сохранили в памяти генеалогии своих патронимий, реже — фамилий и память об экзогамных отношениях. Нередко же бывает и так, что забыта уже история происхождения патронимии, исчезли из памяти какие-то поколения предков.

Балкарские генеалогии и предания говорят о том, что в прошлые века патронимические и фамильные наименования по разным причинам (переезд кого-либо из членов патронимии в другое место, разлад среди родственников, бегство от кровной мести и т. д.) нередко менялись. Так, братья Кара, Алту, Гассо, Кайсын и Кайта, из-за кровной мести переселившиеся из Безенги в Тура-Хабль, решили своим патронимическим именем сделать имя старшего и уважаемого брата Алту.

Нам известны и имена предков некоего Акболата, который, как видно, выходец из другого тукума, но его сыновья и внуки приняли в качестве тукумного его имя.

В результате обстоятельных этнографических опросов нам удалось выяснить, что Темиржановы — выходцы из саутинских Габаловых; по предположению некоторых информаторов из фамилии Кучмезовых, их патронимическое имя восходило к некоему Галаби.

Выделявшиеся семьи или части патронимий, особенно менявшие имена, с течением времени утрачивали родственные связи равносильно тому, как это было в разрастающейся фратрии племени сенека американских индейцев. Ф. Энгельс отмечал, что разрастающееся племя способствовало распаду родов, т. е. выделению из них новых дочерних²²⁵. Хотя и известны случаи сохранения патронимического имени. Так, из-за кровной мести сармаковские Тотруковы поселились в Гунделене, а сейчас их потомки живут в Шардаково, но патронимическое имя не менялось.

Замена патронимического и фамильного имени чаще была характерна для князей. Так, в XVIII в. с разделом семьи кумыкского князя Султан-Мута от его сыновей Казаналипа и Айдемира образовались фамилии Казаналиповых и Айдемировых²²⁶.

Наиболее постоянной категорией в сравнении с фамильными наименованиями являются современные фамилии, хотя они тоже могут заменяться²²⁷ и даже исчезать, как это произошло с чегемскими фамилиями Тичиновых, Эндруговых²²⁸, Гёккеевых, Хахуевых, Камалаевых и Эрдашаевых из Чегет-Эль; Зоруевых из Фардыка; Хазгериевых, Адрухаевых и Елёгировых из В. Балкарии; Бонсузовых из Му-

хола; сармаковских Сафраловых, Хутановых, Аргашаковых; Шхануковых из Залукокоаже.

Но, став фамилией в современном смысле слова, фамильное имя утверждается как наследственное, переходя теперь из поколения в поколение. «Фамилией называется,— говорится у В. К. Чичагова,— наименование, переходящее из поколения к поколению — от отца или матери к сыну и дочери, от мужа к жене или наоборот»²²⁹.

Наши современные фамилии в большинстве случаев отражают существующие, а нередко давно уже забытые древние мужские имена и прозвища. Многие балкарские фамилии образованы из наименований турецкого языка, что свидетельствует о позднем проникновении мусульманской религии в балкарскую среду и медленном распространении ее на территории горских обществ.

К сожалению, имена, генеалогии и фамильные легенды, эти уникальные исторические памятники и богатейшие виды устного народного творчества, не привлекли еще в достаточной мере интереса ученых. Тогда как уже в XIX в. известный специалист по праву Пфаф писал: «Систематическое изучение генеалогий осетин — предмет весьма благородный и обещает много для разъяснения некоторых темных вопросов в теории народонаселения»²³⁰. Изучение истории фамилий, как верно заметил Ю. Федосюк, может помочь открыть «много нового о наших предках, их занятиях, быте, взаимоотношениях, верованиях, тем шире и полнее будут наши представления о прошлом нашей Родины»²³¹.

Между тем эти эстетические и научные памятники культуры народа быстро исчезают. Не случайно уже в 1913 г. знаток этнографии горских народов И. С. Щукин настоятельно призывал к сбору этого материала: «Необходимо поэтому торопиться с изучением нравов, быта, языка и физического типа наших кавказских народностей, пока все это не исчезло безвозвратно»²³².

В экспедициях нам удалось установить родословные некоторых интересующих нас фамилий, что можно было сделать и 15—20 лет назад. А сегодня многое даже из того, что имеется в личном архиве автора, уже нельзя собрать при полевом исследовании, так как многие из наших информаторов ушли из жизни.

Человеческие имена и фамильные наименования, отражающие разные периоды истории народа, много интересного и важного могут рассказать о состоянии общества на

определенных этапах его развития, его культурном уровне и классовой структуре, о социальном положении их носителей. То есть ономастика как область языковой деятельности очень тесно связана с историей жизни людей. Не случайно даже в художественных произведениях и мемуарной литературе нередко можно встретить обращение к данной тематике. Даниэль Дефо, описывая приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, замечает, что «Крузо» — исковерканный вариант фамилии отца героя Крейцнер, а имя Робинзон происходит по материнской линии — Робинзонов²³³. По данным Э. Л. Войнич, Оводом называл себя Сократ²³⁴, а по описанию А. Франса, древние философы, видные ученые и полководцы в качестве фамилий брали себе названия городов, где они родились: предводитель наемных войск Бергамений Колеони (Колеони Бартоломео, 1400—1475) родился в г. Бергамо (Италия); философ новопифагорейской школы Аполлоний Тианский (ум. в 97 г.) — в малоазийском городе Тианы²³⁵.

М. Симашко, воспроизводя истоки фамилии Хайяма, писал: «Хайям или Хоам — «Вино Жизни» — это значит напиток самого бога, которым причащаются зороастрийцы при своем служении огню. Поэтов тоже называют этим именем...»²³⁶

Примеры, касающиеся образования фамилий от прозвищ, имеют место у Л. Н. Толстого, М. Ф. Достоевского, М. Горького, А. К. Толстого²³⁷ и у многих других писателей. Например, Н. Г. Чернышевский вспоминал, что его дедушка никогда не имел фамилии и только отец, Гавриил Иванович, стал Чернышевским по названию села, где они жили, — Чернышово²³⁸. Фамилию Герцен писатель А. Крундышев возводит к немецкому слову Herz — «сердце»²³⁹, родословную Валихановых С. Муканов — к хану Вали²⁴⁰, фамилию известного татарского поэта начала века Габдуллы Тукая (Тукаев) И. Нуруллин возводит к имени предка Туктаргали (краткая форма — Тукай)²⁴¹. Расул Гамзатов обязан своей фамилией имени отца Гамзата Цадасы, известного поэта Дагестана²⁴².

Упомянув об Алексее Кирилловиче Разумовском в книге «Алексей Константинович Толстой», Дм. Жуков пишет, что в истоке этой фамилии излюбленная поговорка его деда: «Гей! Що то за голова, що то за розум!».

Один из героев романа И. Стадникуа «Люди не ангелы» из-за болезни был прозван Лунатиком; А. Рыбакова «Тяжелый песок» — Ивановым, поскольку родом из села Ивановка, а могли быть, считает писатель, Кузнецовы — от

кузнецов, Кожевниковы — от кожевников, Переплетчиковы — от переплетчиков и т. д.

Касаясь отношения художественной литературы к истории фамилий, невозможно умолчать о том факте, что согласно адресной книге Ростовского областного бюро на Дону проживает 20 тысяч Ивановых и Петровых, немало «классиков» художественной литературы и «персонажей» известных произведений. Это, к примеру, Александры Пушкины, Толстые, Маяковские, Гоголи, Чичиковы, Маниловы, Ноздревы, Кирсановы, Рахметовы, Базаровы, Рудины, Карамазовы²⁴³.

По данным Косвена, фамильное наименование могло быть связано с именем не только родоначальника, но и потомков, прославившихся при жизни, с именами женщин. Так, в Осетии, например, в основу наименований сел и фамилий положены женские имена Пхцы, Сатана, Госемахо²⁴⁴.

В наших записных книжках за 1969—1972 гг. отмечены фамилии Зоруевых из Фардыка и Кучукаевых из Шаурдата, происшедшие от женских имен²⁴⁵.

Ч. М. Мокаев (1906 г. р., В. Балкария) рассказал, что из их фамилии выделились Аккиевы, получив фамилию от женщины по имени Акки; на сегодня выходцами из одного патронимического корня являются Мокаевы, Аккиевы и Кубадиевы.

Видный советский языковед А. В. Суперанская делит фамильные наименования на обязательные и необязательные антропоосновы: «Обязательные антропоосновы отражают характеристику того или иного лица по физическим свойствам и недостаткам, по поведению, по происхождению... сравнивают человека с различными предметами, животными, птицами, растениями, отражают профессию, занятие, социальное положение и т. д. Необязательные антропоосновы характеризуют лицо по отдельным событиям из его жизни, особенностям речи, различного рода случайностям». Северокавказский этнографический материал убедительно подтверждает данное высказывание Суперанской.

Широко распространенные в сельской среде прозвища не считались чем-то оскорбительным и не осуждались обществом, как нам представляется, потому, что они отражали вполне реальные свойства и качества людей, происшедшие с ними случаи, образно говоря, в прозвищах выражались философские представления крестьянина об окружающем его мире. Выступая на конференции по проблемам национальной культуры и общения, К. Е. Гагкаев привел

ряд собственных имен, мотивированных «телесными особенностями личности, цветом волос, ростом человека, размером его плеч, головы, ног, рук, одеждой, прической, привычками и т. д.»²⁴⁶.

Но, безусловно, прав Чичагов, что прозвища, даваемые людям в разные периоды жизни, были известны определенному кругу людей и прозвище какого-то человека через 2—3 поколения воспринималось потомками просто как имя²⁴⁷. Его давали новорожденному, может быть, в честь своего героического предка, наиболее уважаемого родственника и общинника, и никто уже не думал о смысловой нагрузке этого слова. Следствием этого и явились фамилии: Ольмезов (бессмертный), Хаконов (пасущий), Нагоплежев (прозревший), Гедуев (котов), Теуважев (вернувшийся назад), Шхануков (полуголовый), Сарбашев (желтоголовый), Чомартов и Мирзоев (щедрый), Карабашев (черноголовый), Сюйюнчев (любимый), Чепкенчиев (сукнодел), Кочкаров (баранов), Будаев (пшеницын) и др.²⁴⁸

Подобного характера прозвища, по словам Афанасьева, встречались у кумыков (рыжебородый, черный, выпуклолобый, голубоглазый, кривокопый, ногайские глаза, овечьи глаза, криворотый)²⁴⁹.

Широко распространялись прозвища в Карачае. «Так, один из атаулов Байчоровых назывался Беденелары, то есть «Перепелки», по прозвищу отца, известного богача Джамболата Байчорова. У Гочияевых есть атаул Алтыбармаклары, то есть Шестипаловы, названный по прозвищу родоначальника, имевшего отросток лишнего пальца. Атаул Лайпановых Боранлары (Бурановы) получил свое имя от прозванного «Бураном» Хусина Лайпанова и т. д.»²⁵⁰.

В книге «Балкарский тукъум» мне уже приходилось поднимать вопрос о принадлежности башни, расположенной рядом с поселком Жабоевским, отрицая ее принадлежность данной патронимии. В доказательство приведена фамильная легенда и родословное древо Жабоевых. Это же подтверждается и именем Жабо, прямой перевод которого означает «после разрушения». Действительно, он и родился через полгода после разрушения башни.

Фамилия Харачоевых в Ичкерии ведет свое начало от подкидыша, которого звали Харачу, т. е. «найденный, незаконнорожденный».

В Урванском районе Кабардино-Балкарии помнят легенду о фамилии Желетежевых. Один крестьянин отправился к князю Коголкину с просьбой о выделении ему двух бы-

ков для пахоты и получил в дар от него 4 быка, 4 коровы и 20 баранов. Прощаясь, князь выяснил, что у гостя нет фамилии, и тогда назвал его Желетежевым, что значит «опередивший односельчан», поскольку к молодому князю с подобной просьбой еще никто не обращался.

Но если в основном общинники давали безобидные прозвища, то феодалы чаще хотели оскорбить своих подвластных или бедных сельчан. Как-то на страницах «Литературной газеты» справедливо возмущалась учительница из г. Витебска А. Торбеева: «Когда-то барин-самодур обозвал подневольного человека непристойным, грубым словом, так оно к нему и прилипло»²⁵¹. И, наверное, права Торбеева: с такими фамилиями, как Сопляков, Трепачев, Дураков, надо просто-напросто расставаться.

В балкарских фамилиях нашли отражение названия диких и домашних животных, птиц, насекомых и понятия, связанные с ними: Чипчиков (воробьев), Кучуков (щенков), Улаков (козлов), Аюев (медведев), Мусуков и Киштыков (кошкин), Аттасаулов (настоящий ездок)²⁵².

Интересно, что многие балкарские фамилии отражают отношение в той или иной степени к луне: Байдаев (эта луна), Беккаев (крепкая луна), Селяев (негреющая луна), Аппаев и Чымаев (белая луна), Тохаев (полнолунный), Айшаев (луноподобный), Жазаев (летняя луна)²⁵³. А связан был культ луны у балкарцев с практической необходимостью в лунном свете ночью в горах, с преклонением человека перед неизвестностью и могуществом космоса.

Балкарские фамилии образовывались и на основании социального развития тех или иных представителей народа: Таубиевы, Каракишиевы, Кульбаевы, Таумурзаевы, Узденовы. Не ошибается Ю. Федосюк, если исходить из балкарских фамилий, в объяснении этимологии фамилии Биевых, что означает «хозяин, богач», относя ее предположительно к сословию господствующего класса²⁵⁴.

Примечательно, что выкупившийся в Балкарии на волю раб не мог стереть с себя пятна происхождения: за ним и его потомками закреплялось имя или прозвище выкупившегося из зависимости предка с прибавлением слова «кул», определявшего его социальное происхождение. «Выкупившиеся на волю,— писал А. Лиллов,— вообще носили в нисходящих поколениях название того поколения, к которому принадлежали их предки — рабы, и с этим именем всегда соединялось определенного рода представление о личности»²⁵⁵.

Складывавшаяся исторически система имен и фамилий

запечатлевала и различные факты процесса социального расслоения общества, отражала сложную его историю. Вспомним пример осетинской фамилии Казбековых. Она была дана в XIX в. представителями царской администрации членам фамилии Чопикашвили, что послужило также поводом для изменения названия их патронимического села Степан-Цминда. А случилось это в связи с тем, что члены феодальной грузинской фамилии Чопикашвили являлись должностными лицами — кази-беками — на подступах к Грузии со стороны Терека.

Специфические названия имела и такая социальная прослойка, как священнослужители. Во многих мусульманских районах Северного Кавказа они были Хаджиевыми или Аджиевыми. Хаджиевы до революции встречались в Безенги, Хуламе, Эльтюбю, Н. Чегеме и в Урусбиевской сельской общине²⁵⁶. В частности, об одной из таких семей карачаевских Аджиевых, поселившихся в В. Баксане в 1905 г., упоминает В. А. Щуровский, воспользовавшийся их гостеприимством и помощью при переходе через перевал в Сванетию²⁵⁷. Археологи братья Нарышкины приводят пример кабардинской фамилии Шогеновых²⁵⁸.

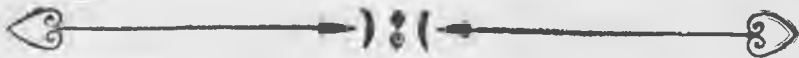
Среди фамилий народов Северного Кавказа были такие, смысловая нагрузка которых довольно-таки определенно свидетельствовала о происхождении их родоначальника (Ногаевы, Ногайлиевы, Кабардиковы, Черкесовы, Чеченовы, Балкаровы, Калмыковы, Кумыковы, Карачаевы и т. д.)²⁵⁹.

Однако известны случаи, когда фамильное имя основывалось на внешнем сходстве с представителями определенного народа. В Сармаково живут Калмыковы, но родоначальник их по происхождению ногаец²⁶⁰.

Приводя широкий круг архаических общественных организаций, над изучением которых плодотворно работал Косвен, нельзя не отметить и составленной им обстоятельной «Программы» для собирания сведений о семейной общине», патронимии, фамилии и сельской общине, существенно продвинувшей исследование данных институтов почти у всех народов Кавказа. Идеи и мысли ученого нашли понимание и дальнейшее развитие в трудах многочисленных его учеников и последователей. В частности, одним из первых близко и глубоко воспринял наследие Косвена известный кавказовед профессор В. К. Гарданов, много работавший в те годы в архивах и библиотеках Северного Кавказа, участвовавший в многочисленных экспедициях, прекрасно знающий полевой этнографический материал,

жизнь и быт горских народов, один из корифеев современной этнографической науки по народам Северного Кавказа, имеющий многочисленных благодарных учеников.

В глубокой по содержанию рецензии «Ценный труд по кавказоведению»²⁶¹ он первым из исследователей верно понял и оценил открытия Косвена по архаическим общественным организациям. Абсолютное знание дореволюционной литературы, истории и этнографии кавказских народов позволило ему подтвердить мысли Косвена о распаде архаического рода еще до начала его изучения учеными. Особое удовлетворение Косвена, по свидетельствам очевидцев, вызвали те строки рецензии Гарданова, в которых автор специфической особенностью патронимии называет ее качества, способствующие восстановлению «картины древнего родового строя», в которых он пишет, что «именно патронимия, а не давно уже исчезнувший архаический род, сохраняла до самого недавнего времени на Кавказе представление о кровной близости своих членов, об общности их интересов, подкрепляемое территориальным единством этого общественного коллектива».

VI

ПРОБЛЕМНЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Примечательным явлением в научной и культурной жизни Кабардино-Балкарии второй половины 60-х годов явился выход двухтомника «История Кабардино-Балкарской АССР. С древнейших времен до наших дней» (Нальчик, 1967), подготовленного коллективом ведущих ученых историков и этнографов З. В. Анчабадзе, В. К. Гардановым, Е. И. Крупновым, Т. Х. Кумыковым, А. В. Фадеевым, Г. Х. Мамбетовым, Х. И. Хутуевым и другими.

Интересующие нас проблемы общественного и семейного быта кабардинцев и балкарцев были рассмотрены Г. Х. Мамбетовым. Отмечая наличие в их быте больших семей, и даже из трех поколений, доходящих иногда до 40 человек, автор указывает на основные причины их сохранения в XIX в.: натуральное хозяйство и экономические преимущества больших семейных коллективов перед малыми патриархальными семьями. Анализируя материальную основу горской семьи, Мамбетов характеризует ее как хозяйственную единицу «с единым имуществом и общим котлом», обосновывая это положение коллективным трудом членов семьи и соответствующим отношением их друг к другу. По мнению исследователя, XIX в. в сравнении с XVI—XVIII вв.— время распада больших семей в связи с развитием капиталистических отношений.

На наш взгляд, в изложении данного материала есть и некоторые неточности, которые, однако, не умаляют его ценности. Мамбетов называет большие семейные коллективы то семейными общинами, то большими семьями. Между тем в XIX в., если к семье подходить с позиций хронологии, прочно утвердилась большая семья, ее изменения и трансформация по отношению к семейной общине разительны. Рассматривая формы брака, автор заостряет внимание, во-первых, на строгости экзогамных порядков и, во-вторых, на сословной принадлежности брачащихся,

объясняющейся стремлением феодалов к своей имущественной и политической выгоде. «Особенно строго,— пишет он,— оно (условие, касавшееся сословного отношения.— А. М.) соблюдалось князьями, для которых неравный брак был равносильен бесчестью».

Г. Х. Мамбетов зафиксировал малоизвестную в Кабарде и Балкарии форму заключения брака — наречение, бытовавшую среди кунаков.

По мнению автора, куначество имело принципиально важное значение в период феодальной раздробленности. Обряд установления куначества, приведенный ученым и выражавшийся в том, что проситель, касаясь рукой более сильного соседа, говорил: «Отдаюсь под твое покровительство»,— свидетельствует о наличии патроната в Кабарде и Балкарии в ранний период их истории. Это, надо подчеркнуть, было выгодным и самому патрону, так как становилось существенной опорой в борьбе с феодалами-противниками. Изменение социально-экономической жизни горских народов меняло и сущность обряда: элемент покровительства отодвигался на задний план, заменяясь взаимопониманием, дружбой и поддержкой кунаков. Кунаки, по сведениям Мамбетова, приносили теперь только клятву.

В литературе XIX в. немало примеров, когда обычай куначества широко использовался приезжими торговцами, что являлось прочной гарантией их безопасности.

Описывая обряд «введения невесты в большой дом», автор показывает роль основного жилища кабардинцев и балкарцев как экономического и идеологического центра семьи, роль его в приобщении невесты к семье. Из анализа Мамбетова видно, что основное жилище являлось древним видом собственности семьи, представляло собой место сосредоточения всей ее внутренней жизни, играло существенную роль в ритуальных процессах.

При освещении вопросов развода, левирата и сорората исследователь касается проблем родственных отношений. В частности, развод без достаточных оснований являлся оскорблением не только самой женщины, ее семьи, но и ее родственников, членов патронимии и фамилии. Если в подобной ситуации женщина не обвинялась в прелюбодеянии, отсутствии потомства, в неизлечимой болезни, ее родственники кровно настраивались против ее мужа.

Мамбетов считает, что левират — пережиточная форма брака, возникшая во времена матриархата, и что первоосновой его, как и сорората, являлись экономические и родственные отношения и интересы семьи. В подтверждение

хочется привести и дореволюционные, и более современные примеры левирата, повсеместно наблюдавшиеся в Кабарде, Балкарии, Карачае, у абазинцев. Старожилы Малки помнят жившую до революции в Залукокоаже семью четырех братьев Бжениковых — Омара, Мухамеда, Мухамеда-Али и Хажии — и происшедший в ней случай левирата — «кбуашим», или, как говорили еще, «фызым хыхъэжын». Умерший Омар оставил после себя двух сыновей и дочь. Казалось бы, по закону предков, на вдове должен был жениться следующий по возрасту брат Мухамед, но он был женат, и члены семьи дали согласие на женитьбу третьего брата, еще холостого.

В Залукокоаже после смерти Нагоплежева Урусбия на вдове женился его брат Якуб; у абазинцев в Красном Востоке после смерти Мекока Хутова на вдове женился его брат Музачир.

Исследователя интересует трудовое, нравственное и военное воспитание подрастающего поколения. В кабардинских и балкарских селениях с раннего возраста детей определялись их трудовые обязанности. Особое воспитательное воздействие на мальчиков, нередко присутствовавших в кунацких во время приема гостей или игравших у мест схода, по мнению автора, имели рассказываемые старшими фамильные предания, сказания из истории народа, песни и т. п., то есть то, что способствовало формированию «сознания подростков, воспитанию у них чувства долга, патриотизма, любви к родине и народу, ненависти к врагам, уважения к старшим и скромности».)

В последующих своих публикациях, в частности «О производственных объединениях по совместному содержанию скота у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX века»²⁶², Мамбетов продолжает исследование проблем семьи, отношения ее членов между собой, воспитания подрастающего поколения, родственных организаций.

Объединения по выпасу скота, по мнению ученого, были вызваны тем, что большинство хозяев являлись незначительными владельцами, тогда как «большие семьи, сохранявшиеся еще в конце XIX в., имели возможность выделить одного или несколько человек, специализировавшихся на скотоводстве».

Мы должны добавить, что в Балкарии, кроме того, хозяева, имевшие незначительное количество скота, присоединяли его за плату к отарам и стадам зажиточных односельчан.

О кошевых объединениях Мамбетов пишет, что «они до конца XVIII в. носили в основном родовой характер», с чем, конечно, согласиться трудно, поскольку род к этому времени исчез у всех народов Северного Кавказа: «Члены одного рода объединяли свой скот в одну отару, стадо, косяк и отправляли на пастбище. При этом чабаном или пастухом бывал не только член данного рода, но и чужеродец, но хорошо знавший свое дело скотовод. С начала XIX в., когда стали слабеть родовые связи, кошевые объединения приняли патронимический характер, а с конца XIX в. стали преобладать территориальные — соседские отношения».

Г. Х. Мамбетов отметил нечеткость границ между родственными и соседскими объединениями: «В конце XIX — начале XX в. коши организовывались и разделившимися братьями, и родственниками, и близкими соседями и т. д. Нередкими были и коши, созданные представителями различных кварталов населенных пунктов».

В горах Балкарии пастбища в основном принадлежали частным лицам, княжеским фамилиям и зажиточным семьям. Крестьяне же на различных условиях их арендовали. Мамбетов приводит интересные наблюдения, касающиеся выделения этих участков: «...на камнях или скалах, расположенных на этих участках, высекались знаки — тамги распорядителей и даже чабанов, табунщиков и пастухов».

Первым из советских исследователей Мамбетов исчерпывающе охарактеризовал взаимоотношения членов животноводческих кошей и порядок встречи гостей. О посещениях кошей в прошлом писали многие путешественники и исследователи, но лишь ему удалось воспроизвести церемониал подобных встреч.

Прав Мамбетов в том, что «животноводческие коши на пастбищах или на присельских участках являлись своеобразными очагами воспитания подрастающего поколения... Вечерами, слушая бесконечные песни и рассказы старших о героических делах своего народа, о его быте и культуре, обычаях и традициях, они (молодые люди.— А. М.) усваивали все лучшее, что было связано с историей кабардинского и балкарского народов». Именно чабаны большей частью были хранителями фамильных преданий, знали прекрасно родословные своих односельчан.

Анализируя скотоводческий быт кабардинцев и балкарцев второй половины XIX — начала XX в.²⁶³, Г. Х. Мамбетов касается фамильных знаков собственности. Он пишет, что в «феодалную эпоху тавро имели только князья и дво-

ряне» и лишь в конце XIX в. оно появилось и у зажиточных крестьян. К сожалению, автор не привел доказательств этого, а между тем мог бы возникнуть вопрос, как же различали скот остальные жители сельских общин. Далее ученый отмечает, что нередко одной тамгой пользовались несколько хозяйств фамилии, и, кроме того, указывает, что они были известны односельчанам: «Эти тамги хорошо были известны и сельским сыщикам, доказчикам, которые за определенную плату разыскивали пропавший скот».

Мамбетов приводит и факты того, что таврение каждая семья проводила в «счастливый» для ее фамилии день: «День таврения считался важным событием для данной фамилии. Она к нему готовилась, как к большому празднику».

Продолжая речь о праздниках, их роли и месте в жизни местного населения, нельзя не вспомнить и такой семейный и патронимический праздник, всесторонне исследованный ученым, — праздник рождения сына — продолжателя рода²⁶⁴. В большой балкарской и кабардинской семье, состоявшей из трех поколений, торжество устраивали не «родители ребенка, а его дедушка и бабушка, если их не было, то старшие дяди и тети». Праздник проводился в первые же дни после рождения ребенка, нередко приурочивался к обряду завязывания ребенка в люльку. Его отмечала вся патронимия. В дом, где родился ребенок, родственники приносили различные кушанья и подарки. Непосредственное участие в нем принимали также родственники по матери.

Следующий праздник семьи и патронимии — обряд первого шага ребенка, в котором участвовали только женщины. Его обязательным элементом, указывает автор, являлось определение судьбы ребенка — его профессии. Перед ним клали «плеть, кинжал, коран, кузнечные и ювелирные инструменты» и давали возможность выбрать что-либо из этого. «Если он выбирал плеть, то ему предсказывали, что он станет наездником; если выбирал коран — муллою; если выбирал инструмент — кузнецом или ювелиром. Такую «проверку» будущих наклонностей и интересов ребенка устраивали и для девушек».

Если ребенок воспитывался у аталыка, обряд проводили в день его показа родителям: «На этот смотр-показ приглашались многие односельчане, для которых устраивался большой пир. В конце пира приглашенные дарили ребенку лошадь, седло, кинжал, пояс и т. д.».

Мамбетов исследовал и обычай гостеприимства, а кон-

кретно — процесс угощения знакомых и незнакомых гостей. Их угощали лучшими национальными блюдами, всем, что специально берегли на этот случай; угощали сытно и были постоянно внимательны к ним. В приеме гостей, пишет Мамбетов, принимали участие по просьбе хозяев родственники и соседи, но с этим мы не можем согласиться: хозяева никогда не обращались ни за материальной, ни за моральной помощью к односельчанам — не позволяли гордость и честь горца. Психологический настрой людей делал их моментально отзывчивыми и, как говорится, понятливыми: они сами приходили на помощь. Взаимопомощь вообще была характерной традицией балкарцев, кабардинцев, осетин, ингушей и других народов Северного Кавказа. Односельчане, члены фамилии, родственники всегда откликнулись на нужды пострадавшего, разорившегося, бедного.]

[Мы хотели бы обратить внимание на такой важный в этнографическом плане факт, как поведение балкарца, кабардинца да и вообще горца в гостях. Он никогда, даже будучи очень голодным, не проявлял особого интереса к еде, «обязательно оставлял часть пищи, хотя сам и не наелся. Таков был обычай. Обычай не разрешал также быть разборчивым в пище, выбирать или просить одно блюдо, отказываться от другого. Это осуждалось обычаем». С обидой воспринимали балкарцы и кабардинцы отказ гостя от поданной еды. «С другой стороны, на человека, поевшего хлеб и соль, они смотрели как на своего родного, близкого и оказывали ему всяческую помощь и содействие».]

Законы взаимопомощи Мамбетов объясняет, во-первых, тяжелой жизнью народных масс и, во-вторых, тем, что это было принято в народе²⁶⁵. Нужно добавить в качестве причины и кровнородственную связь членов патронимий, фамилий, родственников, которые считали себя потомками одного родоначальника.

Помощь оказывалась родственниками и в свадебных приготовлениях: «Большинство крестьянских хозяйств не могло собрать даже половину калыма, уплачиваемого частично деньгами, а в основном скотом. Кроме этого, родители жениха покупали для невесты серебряный пояс и нагрудник, также стоившие немалых денег. Поэтому они не могли обходиться без помощи родственников». Каждый из родственников делал взнос по своим возможностям, независимо от потребностей семьи, устраивавшей свадьбу.

Взаимопомощь проявлялась и в обряде перевода невесты из дома родителей в дом жениха, в помощи со сторо-

ны родственников невесты: они дарили свадебные одежды, постельные принадлежности, платья, сафьяновые чукьяки, сумочки и т. д.

Взаимопомощь, как отмечает Мамбетов, играла важную роль в становлении выделявшейся малой семьи: «Общими усилиями строили ей дом, в день новоселья новой семье дарили корову, кур, овец, постельные принадлежности, предметы домашнего обихода, помогали ей огородить усадьбу...»

Материальная и моральная помощь, заключает Мамбетов, оказывалась дальними и близкими родственниками, а также соседями больным и раненым, при выкупе от кровной мести, похоронных обрядах, в борьбе против феодалов.

Новый этнографический материал по Балкарии введен в научный обиход В. К. Гардановым, Н. Г. Волковой, В. П. Кобычевым, Е. Н. Студенецкой, Я. С. Смирновой, Т. Ф. Аристовой, А. Г. Трофимовой, Л. И. Лавровым — авторами статей книги «Культура и быт народов Северного Кавказа» (М., 1968).

В статье «Социально-экономические преобразования» В. К. Гарданов, начиная с объяснения причин сохранения в XIX в. традиционных черт народов Северного Кавказа натуральным хозяйством и природными условиями горной местности и переходя к анализу сущности реформы 60-х годов, процесса вступления горцев на капиталистический путь развития, характеризует положение и место различных сословий горских народов, втягивание сельского хозяйства и населения в товарно-денежные отношения. Это, указывает Гарданов, в определенной степени подрывало «устой сохранявшихся у горцев Кавказа архаических социально-экономических отношений».

Сущность балкарских населенных пунктов, патронимических кварталов, поселков, жилищ большой семьи в статье «Города, селения, жилища» показывает В. П. Кобычев. Как и дореволюционные авторы, исследователь делит поселения Северного Кавказа по внешнему облику на горные и равнинные. Поселения, находившиеся в горах, как верно им замечено, были «незначительными по величине и даже карликовыми». Объясняет это он топографическими особенностями местности и «сохранением в среде горцев отсталых форм быта». «Поэтому,— пишет Кобычев,— большинство горных селений представляли собой однофамильные поселения, все жители которых находились между собой в той или иной степени родства. В более крупных

селениях, где проживали представители различных фамилий, четко прослеживается деление на кварталы, сформированные по тому же родственному признаку и носящие обычно названия по имени основателя или родоначальника фамилии, патронимии и пр.». Действительно, горные, предгорные и равнинные селения Балкарии, Кабарды, Осетии, Чечни и других областей Северного Кавказа были как патронимическими, так и делившимися на кварталы. Кобычев характеризует селения Черекского и некоторых других ущелий, места общественных сходов, принципы застройки поселений и все, что имело к ним отношение. Исследователь представил типы жилищ народов региона — турлучные, каменные с плоской крышей и деревянные срубные; показал значение «большого дома» в жизни дореволюционной северокавказской семьи, комнат для женатых сыновей; заострил внимание на месте и роли очага в жилище, на «местоположении» вещей, объясняемом приметам и предрассудками, убранстве кунацких.

Шире, глубже, конкретнее проблемы поселений и жилищ ученый рассмотрел в своем труде «Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв.» (М., 1982), явившемся итогом его «многолетних исследований, проводимых в рамках подготовки регионального «Кавказского историко-этнографического атласа». Этот труд объединил материал, скрупулезно собиравшийся им в течение восемнадцати лет в горах Северного Кавказа. Он многократно бывал в балкарских ущельях и селениях, работал в архивах Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института и Центрального государственного архива республики, в библиотеках. Хотя автор скромно замечает, что проделанная им работа — всего лишь отправная точка для дальнейших «более углубленных изысканий», его труд — пока самый крупный и обстоятельный по данной тематике. К анализу поселений и жилищ Кобычев подходит с позиций составных частей всей материальной культуры, развивающейся в непосредственной зависимости от социально-экономической и культурной жизни населения. «Ввиду этого, — считает ученый, — изучение поселений должно всегда проводиться в тесной связи с историей народа» (с. 23). Сопоставляя свои данные с материалами Н. Дубровина, Е. Р. Бинкевича, Е. С. Зевакина, А. Миллера и «многих позднейших исследователей», Кобычев дает характеристику патронимических выселков, или, как он пишет, хуторов позднего времени, появившихся из полигенных сел в качестве заимок. Ученый, безусловно, прав и в

том, что ранние моногенные поселения были поселениями семейных общин и возникли они в период распада первобытного рода за счет их сегментации. Не случайно у адыгов патронимические поселки позднего типа назывались «хабль» (родственное поселение), напоминая квартал в полигенном селении. Указывая на многодворность карачаевских и балкарских полигенных поселений, Кобычев верно считает, что эта их особенность заключается в этнической истории, в первую очередь, в кипчакских и последующих поселениях беженцев.

Давая исторический анализ поселений, Кобычев относит их к феодальному периоду, указывая, что после татаро-монгольского нашествия у алан и у других горцев Северного Кавказа произошел «сдвиг в сторону архаизации общественных отношений». Феодализм продолжал развиваться, но сравнительно замедленно, особенно в горах, в специфических условиях.

Горные поселения, по мнению Кобычева, возникали в период строя военной демократии, средневековья и в XIX в.

В труде всесторонне исследованы и жилища горских народов, усадьбы, дворы, хозяйственные постройки; введен в науку редчайший полевой этнографический материал, сделаны глубоко продуманные выводы и обобщения.

Так же проблемно, с привлечением разнообразных источников проанализировал исследуемые вопросы К. Г. Азаматов в работе «Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века»²⁶⁶. Уже в первой главе «Основные черты хозяйственного и общественного строя балкарцев в первой половине XIX века» автор затрагивает вопросы возникновения в Балкарии частной собственности на землю, совершенно справедливо считая, что «обработанные участки земли превращались в собственность того, кто вложил труд». В данном случае Азаматов прав, если иметь в виду земли, еще не обработанные балкарскими обществами к первой половине XIX в., что же касается первоначальных захватов, то они прошли несколькими столетиями раньше.

Азаматов верно подметил, что наделение общинников землей военными вождями и потомками родовой знати при условии несения ими службы способствовало развитию феодальных отношений. Многие из соплеменников, вынужденно отдаваясь под защиту военных вождей и потомков родовой знати, выделялись в сословие каракишей (убедителен в этом отношении приведенный автором документ из ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, д. 107, л. 110 об.).

Обратил внимание Азаматов и на порядок эмчекских повинностей, суть которых заключалась в том, что семья эмчека одаривала аталыка землей и скотом и обязывала его нести в свою пользу определенные повинности, которые передавались по наследству. В случае отказа нести эмчекские повинности земля отбиралась назад. Исследователь фиксирует и такие стороны хозяйственного и экономического единства балкарского тукума, как право наследственного выкупа и право предпочтительной покупки на землю: «По обычному праву балкарцев преимущественным правом купли продаваемой земли пользовался родственник. Если он отказывался от своих прав, участок земли мог приобрести его сосед. И только при несостоятельности тех и других земля могла быть продана кому угодно».

Здесь же автор бегло упоминает о существовании в Балкарии территориальной сельской общины и патронимии, к сожалению, не характеризуя их. Неубедительно Азаматов подвергает критике мнение А. В. Фадеева, объяснявшего существование сельской общины и патронимии специфической горной местности балкарских ущелий и хозяйственными занятиями местного населения. Между тем, нам думается, наряду с социально-экономическими причинами развития Балкарии названные причины играли немаловажную роль.

Несомненной заслугой Азаматова является и то, что он подтвердил на конкретном балкарском материале идеи, высказанные Ф. Энгельсом и рядом дореволюционных исследователей русской этнографии, о роли общины в защите крестьянских интересов и в борьбе с феодалами.

Анализируя проблему землепользования и землевладения, Азаматов детально излагает материал, касающийся феодальной, подворно-индивидуальной и общинной форм земельной собственности.

Рассматривая систему композиций в обычном праве балкарцев, ученый обращается к таким вопросам, как причины и повод кровной мести, степень распространенности ее среди разных социальных слоев, роль мусульманского права в проявлении этого института, медиаторство в примирении кровников и др. Особо останавливается он на кровной мести, имеющей отношение к культу очага, а конкретнее — к надочажной цепи. «Все, что было связано с очагом, для балкарцев являлось святым. Особенно ценилась цепь («сынжир»)), — пишет автор. Действительно, центральная часть старого балкарского жилища была главной в доме горца. И любой человек, ворвавшийся сюда

бесцеремонно, независимо от происхождения, мог навлечь на себя кровомщение. Это считалось серьезным оскорблением культа очага предков.

Трудно принять утверждение исследователя, что кровная месть была частым явлением среди родственников: вряд ли мстителем за родного брата становился третий брат или сын пострадавшего, а за племянника — отец убитого. Это не подтверждается ни балкарским, ни кабардинским, ни другими примерами. Помнят в Залукокоаже случаи, когда Абуков Хараби случайно убил родного брата Хажбекира, в Кармо-Хабле Ахулуев Ибрагим — младшего брата, Мисиров Хажн-Кыден из Балкарии — родного брата Кайтука и т. д., но мести ни в этих, ни в других случаях не наблюдалось. Если же случалось убийство жены мужем, то, совершенно прав Азаматов, последний подвергался кровной мести со стороны родственников пострадавшей, даже если у нее были уже взрослые сыновья.

В третьей главе «Семейное право балкарцев» кратко характеризуются большие и малые семьи. О структуре и величине больших семей сказано, что это были чаще трехпоколенные семьи по нисходящей и боковым линиям со средним численным составом 25—40 человек. «Бывали семьи,— добавляет Азаматов,— объединявшие в себя более 50 человек». Ссылаясь на И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского, автор приводит пример хуламской семьи в 183 человека, с чем, конечно, нельзя согласиться: во-первых, даже социально-экономические условия Балкарии 80-х годов XIX в. не позволяли существовать вместе такому количеству людей; во-вторых, информатор Иванюкова и Ковалевского просто-напросто патронимию группы «айырылгъан къарындаш» принял за большой семейный коллектив.

Вызывают сомнение и его данные о среднем численном составе больших семей: достаточно сопоставить количество населения в балкарских ущельях и число дворов, чтобы уловить это противоречие. И, кроме того, через несколько страниц автор утверждает, что в XIX в. господствующее положение занимали малые семьи, а это означает, что при большом удельном весе малых семей средняя численность больших никак не могла превышать 10—14 человек. Эта закономерность убедительно доказана Косвенном.

Именно у Азаматова при исследовании большой балкарской семьи даны ее обозначения: «бир от джагъа» (один очаг), «бир от джагъа гъакъарагъан» (смотрящие на один очаг), «бир къазаннга къарагъан» (смотрящие на

один котел), «бир атаул юй» (один большой отцовский дом, семья). Охарактеризованы им общинно-семейная собственность, коллективное производство и потребление, роль главы семьи, положение женщины, принцип раздела, занятия членов семьи.

Из работы Азаматова можно почерпнуть интересный материал по вопросу экзогамного характера брака. Он указывает, что фамильная экзогамия распространялась даже на людей, носящих одну фамилию, среди которых трудно определить не только степень родства, но и вообще родственные корни. Приводятся исследователем и различные виды фиктивного родства: молочное, ограничения между семьей аталыка и эмчека, аначи и семьей новорожденного, «къан эмчек» и семьи воспитателя, между лицами из семьи новобрачных и семьи доверенного жениха. Действительно, северокавказские народы прочно придерживались этих традиционных установлений, и мы столкнулись лишь с одним случаем нарушения молочного родства в Залукокоаже. В 30-е годы против воли родителей и родственников поженились Тамбиев Галим и Гендугова Уос, нарушив родственные отношения семей С. Тамбиева и М. Гендугова.

В вопросах имущественного права отдельных членов семьи автор придерживается той точки зрения, что их положение зависело в первую очередь от кровнородственной связи. Действенным считалось отцовское право — «тёреке», при котором запрещалось требовать раздела при жизни отца — главы семьи. Что касается завещательного права, то оно, указывает Азаматов, вошло в силу с утверждением деспотической семьи.

Интересны и познавательны фактологические данные работы о разделах большой балкарской семьи, о надбавке при этом старшему и младшему, об имущественных правах женщин.

Хотя работа посвящена в основном проблемам обычного права, Азаматов предпринял уверенную попытку рассмотреть архаические общественные организации в Балкарии, обогатил балкарскую этнографию не известными еще материалами полевых исследований, постановкой ряда вопросов дал еще один стимулирующий импульс к дальнейшим научным изысканиям.

Изложение своих взглядов на большую семью и патронимию он продолжает и в последующих работах: в рецензии «Новые исследования по этнографии кабардинцев и балкарцев» на монографию Ю. Н. Асанова «Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев» и в книге

«Мисост Абаев» в соавторстве с Х. И. Хутуевым (Нальчик, 1980). Автор, в частности, поддерживает Асанова в том, что патронимические поселки образовались сравнительно поздно и являются «результатом дальнейшего социально-экономического развития балкарского общества...». Спорным, однако, на наш взгляд, представляется его тезис относительно локального поселения членов патронимии как имеющего пережиточное отношение к «родовому быту». Если это так, то как же быть с тем, что патронимические организации появляются тогда, когда рода, можно сказать, уже не было.

Подспорьем в исследовании балкарских и кабардинских фамилий, в чем нам пришлось убедиться, может оказаться справочник «Населенные пункты Кабардино-Балкарской АССР и перечень фамилий, встречающихся в них» (Нальчик, 1970), в котором собраны все фамилии республики. Ценность справочника в том, что, во-первых, при сопоставлении посемейных списков и материалов информаторов с последними данными определяется степень миграции населения, во-вторых, ознакомление с ним позволяет вести этнографу целенаправленную работу и, в-третьих, это познавательное пособие для краеведов, интересующихся историей и географией Кабардино-Балкарии.

Важные материалы, заслуживающие пристального внимания идеи и выводы, способствующие исследованию патронимических поселений, жилищ большесемейных общин, выяснению проблем генезиса родственных организаций и общинных отношений, можно почерпнуть из публикаций И. М. Мизиева²⁶⁷. Средневековый период истории Центрального Кавказа, с которым связаны научные интересы автора, является временем зарождения и формирования генетических корней общественных архаических организаций. Аргументированное утверждение Мизиева, что в XIII—XIV вв. в связи с татаро-монгольским нашествием предки балкарцев и карачаевцев, окончательно осев в горах и формируя с этого времени свою культуру, дает основание предполагать развитие у балкарцев и карачаевцев в этот период патронимических организаций и, естественно, соседских отношений.

Обследование крепостей Болат-Кала, Малкар-Кала, Карча-Кала приводит Мизиева к мысли, что «эти сооружения можно рассматривать как отражение распада патриархально-родовых устоев...», а это значит — как выделение отдельных патронимических поселений.

К XIV—XV вв. относится углубление имущественной

дифференциации общества, возникновение паземных мавзолеев, богатого погребального инвентаря в отдельных могильниках Карт-Джурта, В. Чегема, Курноята и т. д., развитие института пленения, военных дружин, появление оборонительных комплексов Зылги и Усхур, т. е. складывание строя военной демократии. В то же время, ссылаясь на Б. Е. Деген-Ковалевского и Е. П. Алексееву и игнорируя свой материал, Мизиев пишет, что в интересующих нас районах Северного Кавказа с VIII—IX вв. наблюдались «все признаки возникновения раннефеодальных устоев», а у половцев к XIII в.— «развитые феодальные отношения». Но в одной из последних работ — «Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории» — он относит поселения-крепости отдельных феодальных фамилий (Зылги и Усхур) к XV—XVI вв.

Поселения балкарцев и карачаевцев XIII—XVIII вв. Мизиев делит на патронимические и полигенные, которые он, правда, неправомерно называет однофамильными и многофамильными. Если к термину «фамилия» подходить с этнографических позиций, то, как уже отмечалось, родственниками считались члены фамилии, даже если жили в разных селах. Здесь же обращает на себя внимание и противоречие. Автор отмечает, что родственные поселения превращаются в «многофамильные» в XVI—XVII вв.

Исследование ученым поселений, арбазов, жилищ, хозяйственных построек позволило сделать вывод о наличии между определенными (родственными) семьями тесной хозяйственной общности. Члены патронимических поселков и их потомки — представители фамилии, пишет далее Мизиев, или сохраняли навсегда имена родоначальников в качестве фамильных наименований или же приобретали новые (Урусбиевы — Суншевы). По мнению исследователя, ему удалось на примерах патронимических поселений — городищ Эль-Джурт и Верхне-Чегемское — проследить определенный этап развития патронимической организации и ее трансформацию в связи с «усилением частнособственнических элементов». «Выражено это, — пишет автор, — в наличии отдельных очагов в небольших жилищах, в которых жили отдельные семьи, образовавшиеся в результате дальнейшей сегментации, семьи с отдельной кухней и, стало быть, с небольшим обрабатываемым участком и поголовьем скота, с христианской религией, правда, уживающейся со множеством языческих верований, но с общим кладбищем». Общинами, предполагает Мизиев, оставались отдаленные пастбища и лесные угодья.

В работе «Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории» предпринята попытка объяснить появление патронимических поселков Байдаевский и Ахматовский тем, что они — «явления вторичного порядка».

Ссылаясь на известные документы, Мизиев правомерно утверждает, что в среду балкарцев и карачаевцев в течение их длительной истории проникали сванские, мингрельские, кабардинские этнические элементы, «которые зафиксированы в местных фамилиях (Эбзеевы, Черкесовы, Рахаевы, Кабардоковы)». Мизиев совершенно справедливо указывает, что в XVI—XVII вв. «наблюдаются значительные перемещения по всей Балкарии и Карачаю».

Характеризуя балкарские поселения, автор отмечает их компактность (В. Чегем, Эль-Джурт, Малкар-Кала, Кюлюм), что, на наш взгляд, связано с горным ландшафтом местности, оборонительными факторами, а также с патронимическим принципом поселения. Такими же поселениями являются Зылги, Усхур, Жабоевский. В полигенных поселениях (Ишканы, Булунгу, Эль-Тюбю) выделяются родственные кварталы — «тийре».

Жилища балкарцев и карачаевцев XIII—XVIII вв., как можно судить по публикациям Мизиева, перерастают из однокамерных в многокомнатные дома с хозяйственными пристройками, что опять-таки дает основания говорить о сегментации и трансформации семейных общин, о выделении их из родовых групп и создании патронимии, способствующей переходу от «родственного принципа расселения к территориальному». Глубоко и емко характеризуя принцип постройки балкарских и карачаевских жилищ, ученый в то же время несколько искажает суть «крытых дворов» в Карачае, указывая при этом, что в Балкарии они отсутствовали вообще. «Крытыми» они были вовсе не потому, что над двором имелся навес, а в связи с тем, что все постройки — хозяйственные и жилые — находились как бы под одной крышей.

Не отрицая мнений В. Ф. Миллера, Л. П. Семенова, Г. А. Кокиева, В. И. Марковина, что появление наземных склепов связано с культом предков и малоземельем, автор приводит и свое, опираясь на социальное и экономическое развитие Карачая и Балкарии, т. е. на сохранение устойчивых родовых, а позже патронимических и фамильных отношений. Коллективные склепы имели каждый род, семья, фамилия. Вероятно, что подземные и полуподземные склепы и выражали культ мертвых и желание сохранить целостность рода в «потустороннем мире», наземные же

склеповые сооружения (склепы Абаевых, Балкаруковых, Урусбиевых, Аккуловых) действительно являлись материальным отражением социального расслоения общества.

Постоянно обращается к балкарскому материалу в своих исследованиях Б. А. Калоев²⁶⁸. Так, раскрывая вопрос о формировании населения Осетии, он указывает на общность исторических судеб осетинского и балкарского народов. В частности, ссылаясь на труды В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, Б. Далгата, В. И. Абаева и на свой этнографический материал, собиравшийся им в ущельях Дигории и Балкарии, он приводит данные о смешанности алано-тюркского населения на территории современной Балкарии, об общности ряда топонимов, иранского десятичного счета алан и нынешних балкарцев, их быта, элементов материальной и духовной культуры, законов обычного права, пищи.

Анализируя расселение осетин и балкарцев в средневековый период и в более позднее зремя, Калоев приводит факты миграции населения. В Дигории он обнаружил следующие фамилии, родственные балкарским: Базиевы, Темукаевы, Эдакаевы, Гациевы, Нафиевы, Джераевы, Гулдиевы, Гацалаевы, Мистуловы, Асоновы, Баевы, Цалаевы.

Опираясь на Косвена, он отмечает возникновение патронимий в результате сегментации или распада больших семей. Как в Балкарии, так и в ряде районов Осетии (Центральная и Южная Осетия) исследователь отмечает сосредоточение патронимических поселений. Изучив предания и генеалогии семей, переселившихся в горы после монгольского нашествия, ученый определяет предположительно время образования патронимических поселков.

Характерными чертами патронимии он считает поквартальное поселение ее членов, совместную обработку земельных угодий, наличие общей мельницы, сельскохозяйственных орудий, некоторых видов транспортных средств, хозяйственных помещений, взаимопомощь, участие родственников в обеспечении своей безопасности.

Много общих черт Калоев находит у народов Северного Кавказа в таких древних обычаях, как куначество, побратимство, аталычество и гостеприимство. Особое значение он придает участию родственников в приеме гостей кунаков. «Куначество, передававшееся из поколения в поколение,— пишет ученый,— издавна имело широкое распространение у осетин и ближайших соседей — грузин, ингушей, балкарцев, кабардинцев». Кунаками горцев могли быть представители любого народа, что способствовало установ-

лению дружбы между народами Северного Кавказа. Что касается аталычества, то оно, как считает автор, широко бытовало у алан до монгольского нашествия и с появлением кипчаков продолжало развиваться дальше.

В общественном быте осетин и балкарцев Калоева привлекает игравшее во все времена первостепенную роль в их жизни место схода: «Сохранение древних ныхасов в горах — в сел. Лац Северной Осетии и в сел. Безенги Кабардино-Балкарии — также свидетельствует о том, что они существовали еще у алан». У балкарцев, правда, место схода обозначалось термином «ныгъыш», и по поводу его образования существуют разные точки зрения. В своей работе «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа» (Черкесск, 1980, с. 77) доктор филологических наук профессор М. А. Хабичев расшифровывает его как «солнце-пек», «место сбора стариков для совета» и относит его к «Н-диалекту» тюркских языков.

Характеристику семьи и семейного быта осетин Калоев сопровождает показом специфических черт большой семьи не только осетинской, но и соседних народов.

Среди ученых, занимающихся прошлым осетинского народа, а также обращающихся к истории и этнографии балкарцев, нельзя не назвать З. Д. Гаглойти²⁶⁹ и А. Х. Магометова²⁷⁰.

Из исследований Гаглойти миграционных процессов в Осетии и Балкарии хотелось бы выделить пример фамилии Шакмановых, корни которой, по преданию о потомках Ос-Багатыра — родоначальника осетин, приводимому автором, восходят к селу Тара в Осетии, к потомкам некоего Хунарвада, выходца из ногайцев. Позже один из представителей этой фамилии покидает Архонское ущелье и поселяется в Хуламо-Безенгийском.

Много общего у осетин и балкарцев в общественном строе и быте, традициях, пережиточных институтах, восходящих к генезису феодализма, в архитектурном строительстве, элементах языка, духовной культуре находит Магометов, объясняя это общностью исторической территории и культурными связями народов Северного Кавказа на протяжении многих эпох. «Ближайшие соседи осетин, — читаем в его монографии «Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.)», — грузины, кабардинцы, балкарцы, чеченцы, ингуши и другие кавказские народы были как раз той питательной средой, из которой набирала соки самобытная алано-осетинская культура. В этом мы и видим ключ к

пониманию того, что осетинская культура находит свои аналогии и сходные черты в культурах соседей».

В публикациях Магометова выявляется разница между большими семьями в Балкарии и Осетии, характеризуется идеологическая связь внутри осетинских и балкарских патронимий, способы регулирования общественных отношений и экономический быт обоих народов.

В 70-е годы все шире в круг научных исследований вводятся проблемы имущественно-правовых отношений членов большесемейных коллективов. Эти вопросы подняты в статьях М. Ч. Кучмезовой «Имущественное и наследственное право балкарцев в XIX в.» и «Земледелие и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX в.», опубликованных в «Вестнике Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института» (Нальчик, 1972, вып. 6). Как и Азаматов, она считает, что имущественно-правовые отношения в балкарской семье, в первую очередь, определялись наличием кровнородственных связей. Особо это сказывалось в определении круга наследников. Автор, ссылаясь на Леонтовича и Ковалевского, приводит данные об отношении к семейному имуществу женщины. В порядке наследования Кучмезова первостепенную роль отводит родным братьям, выделяя при этом старшего и младшего. Возражая Ковалевскому, утверждавшему, что прибавку младшему давали за длительный труд в пользу семьи, она пишет, что этой причиной было то, что он был холост, и указывает, что «такая прибавка полагалась и остальным холостым братьям, так как им тоже предстояли свадебные расходы и уплата калыма за невесту».

Наследование, по материалам Кучмезовой, проходило по прямой линии, но «при отсутствии прямых наследников на имущество претендовали все родственники». Однако документы ЦГА Грузинской ССР, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии позволили нам заключить также, что до крестьянской реформы таубии не считали дальних родственников претендентами на наследство. Нам же кажется, что это распространялось и на родственников, живших в других ущельях. Но и в том, и в другом случае, как правильно замечает автор, обычное право балкарцев XIX в. было проникнуто феодальным духом.

Кучмезова из движимого и недвижимого имущества выделяет подлежащее разделу — пахотные и сенокосные земли, скот, жилые и хозяйственные постройки и не подлежащее — пастбища, общие загоны для скота, мельницы.

Балкарцы предпочитали производить разделы общесе-

мейного имущества по обычному праву, не прибегая к услугам администрации и не опираясь на законы шариата.

Подробно восстанавливает Кучмезова процедуру деления имущества между наследниками. Оно производилось, как видно, после смерти главы семьи, когда покрывались расходы на погребение и уплачивались долги семьи. По мусульманскому праву, все-таки внедренному в судебную практику на Кавказе, наследники отвечали за долги усопшего.

Изучение сю архивных документов о разделах имений показывает, что к концу XIX в. все чаще наблюдаются притязания женщин на выделение им доли.

Не встречалось таких случаев, чтобы земля передавалась чужой фамилии. «В различных источниках,— пишет автор,— можно встретить указание на то, что землевладение зиждилось на обычном праве, строго соблюдаемом».

Показывая различные виды землевладения и их эволюцию, земельные отношения различных слоев балкарского общества, Кучмезова анализирует общинную собственность — «жамауат жерлери»: пастбища, леса, выгоны, пустоши. Она перечисляет на основании документов ЦГА КБАССР (ф. 40, оп. 1, д. 12, 25) названия общинных угодий Балкарского (урочища Штулу, Хазны и по р. Сукансу) и Урусбиевского (поляны Сильпили и Алмалы, выгоны, касающиеся фамильных кошей — Барасбиевского, Абаевского, Балкарского и Таукеновского) обществ.

В статье «Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX в.» Кучмезова раскрывает сущность идущих «к недрам общины» представлений об обычаях продажи и покупки фамильного имущества. Она делает вывод, что это преимущество с усилением частной собственности все более распространяется на узкий круг родственников. А в пореформенный период «обычай утратил свою безапелляционную силу и не мог уже быть серьезной броней родовой фамильной собственности. Земли превращались в товар, который переходил путем купли-продажи к различным социальным группам».

Не уточнив, когда конкретно, автор все же указывает, что семейно-индивидуальная собственность на землю — «иелик жер» — возникла в Балкарии рано и появление ее связано с приведением в культурное состояние захваченных земель. Считая данный подход в общем-то верным, надо заметить, что первоначально в собственность семейных общин переходила родовая земля — пахоты и сенокосы, а уже потом происходило освоение новых земель. С течением

времени угодья могли стать собственностью, если их наследовали, платили в качестве калыма, за кровь, продавали.

В своих публикациях Кучмезова анализирует и такие поземельные институты, как эмчеклик, ортак и бегенда.

Постоянным объектом исследования научного сотрудника сектора Кавказа Института этнографии АН СССР Н. Г. Волковой являются народы Северного Кавказа, в частности балкарцы, у которых ее интересуют проблемы этнической истории, миграции населения и связи с соседями ²⁷¹.

Определяя этническую территорию балкарцев в XVIII—XIX вв., автор при характеристике населения Баксанского ущелья после вторичного его заселения отмечает, что здесь проживало 23% выходцев из Безенги, 21,1% — из Карачая, 11,5% — из Чегема, 9,2% — из Черекского ущелья, 3,3% — из Хулама, что составляло 68,1%, остальные (31,9%) были выходцами из Сванетии, Черкесии, Цебельды, Ногай, Чечни, Дагестана.

Волкова приводит истории образования таких баксанских фамилии, как Малкаровы, Ахкубековы, Узденовы, Залихановы, Картлыковы, Чеченовы и другие. Впервые на основе разнообразных документальных источников она предприняла попытку восстановления генеалогии Урусбиевых, положивших начало одноименному обществу.

Используя архивные, археологические, литературные материалы, а также результаты полевых исследований в Балкарии, Хуламе и Чегеме, Волкова анализирует фамильные предания и родословные Атабиевых, Айдеболовых, Гузеевых, Шахановых, Глашевых, Отаровых. Выводы ее говорят о том, что для балкарских ущелий был характерен длительный процесс ассимиляции различных групп переселенцев.

В работе Н. Г. Волковой «Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа» нашли отражение результаты исследования балкаро-сванских и балкаро-рачинских миграций. Она выделяет фамилии Шванлары, Отарлары, Эбзелер, Гоштелиани. Потомками балкарцев Волкова считает жителей рачинского селения Чиора, «которое составляет 300 дворов фамилии Рехвиашвили, происходящих, по преданию, из местности Штулу», а также ряд фамилий селений Гезе и Шари в Верхней Сванетии и некоторых сел Мулахского общества Сванетии.

Аналогичные процессы наблюдались между сванами и другими народами Северного Кавказа. В частности, нам

удалось обнаружить, что в кабардинском селении Кенже живут Бляниховы, родоначальник которых Беслан шесть-семь поколений назад бежал от преследования кровной мести в Кабарду. Поскольку одежду его составляла турья шкура, он получил с этим связанное прозвище, впоследствии ставшее фамилией.

С большим интересом читателями Кабардино-Балкарии была принята книга публикаций и выдержек из работ европейских авторов XIII—XIX вв., подготовленная В. К. Гардановым²⁷². В известиях Мартина Броневского, Адама Олеария, Ксаверию Главани, Якоба Рейнеггса, Жана-Шарля де Бесса и других содержится немало данных, способствующих исследованию больших семей, патронимий, родственных отношений, аталычества, форм брака, кровной мести, сельской общины²⁷³.

Превосходно написанная Гардановым вводная часть книги — не только прекрасный ориентир для не искушенного в теоретических проблемах этнографии читателя, но и глубокий теоретический анализ наследия европейских авторов. Выход сборника оказался весьма актуален, ибо многие его публикации были не доступны широкому кругу читателей или даже не переведены на русский язык. Главное достоинство книги «заключается, конечно, в том, что в ней собрано все наиболее важное и ценное из того, что сообщают об адыгах, балкарцах и карачаевцах в своих сочинениях европейские авторы на протяжении более 600 лет». Исходя из научной ценности материала и познавательных критериев, Гарданов включил в сборник сочинения 36 авторов. Проанализируем некоторые из них.

В 1724 г. французский консул в Крыму Ксаверию Главани сообщает примерную численность населения балкарских обществ, называет некоторые населенные пункты и отзывается о радушии и гостеприимстве горцев.

Академик И. А. Гюльденштедт также представляет населенные пункты «Базиании» (так он называл Балкарию) и количество семей в них. Естественно, он искажает названия сел и поселков, ряд других фактов, но, опираясь на его данные, можно судить о развитии сельскообщинных отношений в горских ущельях, о древности поселений, об образовании патронимических поселков.

Шире и глубже материал у академика Г.-Ю. Клапрота. Интересно, что сообщение о балкарцах он начинает с описания Урусбиевского. По его данным, в селении проживало 150 семей чисто балкарцев, семья из Дербента и 2—3 кумыкские семьи из Эндери. В Хуламе он обнаруживает

грузинские семьи, «которые одеваются на имеретинский лад и называются сони». Этим фактам не приходится удивляться, если учесть, что подобные высказывания (более того, с объяснением причин переселения) далеко не единичны. В. Я. Тепцов пишет, что случаи переселения в Чегем «из Кабарды и других мест нередки»²⁷⁴. Известно, что Шора Ногмов по происхождению был абадзехом и в XVIII в. поселился в Каменноостском²⁷⁵. Переселенцами в Чечне, по данным А. П. Ипполитова, были грузины, тушины, русские²⁷⁶.

В работе генерал-лейтенанта русской службы И. Бламберга можно почерпнуть данные о сельской общине балкарцев, некоторых обычаях и обрядах, пище и одежде, религиозных верованиях.

Анализ этих и других публикаций показывает, что Гарданов проделал сложную и очень нужную работу по систематизации, переводу и подготовке к изданию сборника. На наш взгляд, то же должно быть проделано в плане подготовки публикаций иностранных путешественников и альпинистов, начиная с Фрешфильда, оставивших большое количество дневников, статей, очерков и воспоминаний.

Уделяет внимание вопросам большой семьи и патронимии в трудах о балкарском жилище и поселениях²⁷⁷, а в последние годы занимается непосредственно исследованием семейной общины у народов Северного Кавказа Ю. Н. Асанов.

Среди поселений балкарских ущелий автор различает наиболее древние поселения и поздние выселки, созданные на местах кошей. Полигенные и моногенные поселения Асанов называет полифамильными и монофамильными, с чем можно поспорить. На наш взгляд, в Балкарии имели место патронимические села, которые ничего общего не имеют с однофамильными, поскольку понятия «патронимия» и «фамилия» различаются между собой. Но, приводя подробный список патронимических сел, исследователь правильно объясняет причины их образования. Разрастание населения в патронимических кварталах и селениях, ведущее к нехватке земли в основных селениях и рядом, «вынуждало отдельные семьи,— пишет Асанов,— отпочковываться от основного села и поселяться, если это было в пределах территории сельской общины, на том месте, которое выделяло им общество». Или же на своих зимовниках. При этом автор указывает на ошибочность высказываний ряда дореволюционных авторов, представлявших подобные селения родовыми: «Поселки в Балкарии в конце XIX века были

показателем дальнейшего социально-экономического развития балкарского общества, а не архаичностью его...»

Асанов, много занимавшийся изучением жилищ и поселений на местах, выделяет поквартальный принцип поселения. Но опять-таки, на наш взгляд, неправомерно называет жителей одного квартала однофамильцами. В доказательство моногенного поселения родственников приводит примеры патронимических кладбищ. В селениях Мухол, Коспарты, Мукуш Асанов обнаружил между старинными жилищами захоронения в каменных ящиках.

Ссылаясь на «Документы по истории Балкарии» автор причиной нехватки земель здесь считает и разделы больших семей, и образование после крестьянской реформы ряда предгорных балкарских селений.

Подводя итоги изучения большой семьи, автор детально останавливается на очаге как хозяйственной, социальной и религиозной ее основе. Показывая развитие «отдельных конструктивных элементов очага, его устройство и расположение в жилище», исследователь раскрывает роль очага в решении общественных и хозяйственных вопросов семьи, дифференциацию сосредоточения вокруг него семьи и гостей. Глава семьи, читаем у Асанова, сидел на почетном месте — «тер», напротив входа в жилище, а гости — в зависимости «от ранга, возраста, родственных отношений... Если гость был не родственник и не знакомый, то, несмотря на возраст, хозяин уступал ему свое место, а сам садился по правую руку от него. Если гость был родственник, то он занимал место хозяина у очага в том случае, если был старше по возрасту». Роль семейного очага в большом доме проявлялась и в свадебных обрядах, религиозной жизни.

Давая социологическую характеристику традиционного типа балкарской усадьбы, Асанов всесторонне характеризует главное жилище, пристройки — «отоу», помещения для гостей, подвальные помещения, хозяйственные сооружения.

В статье «К истории балкарского жилища в XIX — начале XX века» Ю. Н. Асанов, освещая вопрос о возведении жилых и хозяйственных построек, отмечает, что перед началом строительных работ семья обращалась за помощью к родственникам и соседям.

Автор описывает церемонию закладки дома: «Самый уважаемый и старший по летам из числа присутствующих, держа в руках наполненную чашу с бузой, произносил тост (алгыш) в честь будущего дома, желая счастья и благополучия семье на долгие годы. Отпив несколько глотков, он передавал чашу рядом стоящему, она шла по кругу и

оставалась у хозяина, который должен был испить из нее последним. После этого самый старший, который произносил тост, закладывал первый камень; уложив первый ряд, маленькому ребенку давали в руки небольшой камешек, чтобы он бросил его в кладку». Центральная роль принадлежала старшему и при засыпке и утрамбовке крыши.

Асанов, собирая летом 1969—1970 гг. полевой этнографический материал, касающийся очага балкарской большой семьи, значительно расширил представления Э. В. Бернштейна о нем. Автор приводит данные обмеров и конструкций очагов жилищ Х. Геттуева, Амуша Тапасханова и Кара Жарашуева из Булунгу, разъясняет характер устройства очажных ям. Широко распространенные пристенные очаги он объясняет распадом больших семей.

Указывая на дифференцированность размещения вокруг очага членов семьи, Асанов описывает и порядок, которого они придерживались, рассаживаясь вокруг срединного и пристенного очагов. По материалам исследователя, балкарцы близких людей и родственников принимали у очага, вообще гостей — в кунацкой. С очагом автор связывает также различные религиозные обряды, указывает, что его нельзя было заливать водой, копаться в нем палкой, произносить над ним скверные слова. «Если и находился такой человек, — пишет Асанов, — который нарушал обычаи предков, то действия его осуждались соплеменниками. Огонь обычно направляли железными или же деревянными щипцами «къысхач». Старались, но это было необязательно, чтобы огонь в очаге постоянно поддерживался. После приготовления пищи, на ночь, угли засыпались толстым слоем золы. Утром вновь разжечь огонь из непотухших углей не представляло «большого труда».

Описывает Асанов и некоторые фамильные торжества, поминальные обряды и жертвоприношения.

Никогда конкретно не посвящая своих работ архаическим общественным организациям, тем не менее видный советский этнограф Л. И. Лавров, оставивший огромное научное наследие, оказал неocenимую помощь исследователям своими трудами именно в изучении этой проблемы. Уже в «Эпиграфических памятниках Северного Кавказа. Надписи XVIII—XX вв.» (М., 1968, ч. 2) он приводит конкретные документы, касающиеся заселения балкарских ущелий, образования фамилий Урусбиевых, части их генеалогии, появления ряда населенных пунктов, достоверных фамилий и имен людей, живших в XVIII—XIX вв., их тукумной и социальной принадлежности, хозяйственного

положения, проявления ряда обычаев и законов, религиозных верований.

Своеобразно, как бы опосредованно, Лавров подошел к проблемам патронимии и фамилии и в работе «Историко-этнографические очерки Кавказа» (Л., 1978), где он дает глубокий научный анализ частных — фамильных — и патронимических тамг народов Северного Кавказа. По его данным, знаком собственности могла пользоваться как вся фамилия, так и одна семья. Нередко члены патронимии делали на тамгах какие-то небольшие детальные отличия. «Если семья и группа семей обзаводилась собственным трафаретом для таврения,— пишет он,— то форма новой тамги приобретала дополнительные черты».

Тамги и метки балкарских патронимий и фамилий довольно разнообразны и проявлялись в своеобразных формах выражения: они были и овальными, и углообразными, и в виде букв, арабских надписей, изображали предметы. Интересно в плане аналогий высказывание о тамгах народов Средней Азии Г. Карпова, считавшего тамги отражением очертаний окружающей природы, каких-то предметов: «Почти у всех кочевников в Средней Азии существуют родовые знаки, представляющие из себя в большинстве изображения того, что окружает кочевников»²⁷⁸. Фамильное тавро доставалось старшему брату. Но иногда, если братья были почти ровесники, этот вопрос решался точно так же, как и у карачаевцев,— посредством жеребьевки: «При разделе табунов, чтобы определить, кто из разделившихся братьев может сохранить общесемейное тавро и кто должен выдумать новое, поступают следующим образом: до раздела братья отделяют из семейного табуна несколько лошадей, по одной на каждого из делящихся; на одну из них кладут семейное тавро, затем бросают жребий; эта лошадь достается одному из братьев, а получившие неотмеченных лошадей должны выдумать свое собственное тавро»²⁷⁹.

Анализ имевшегося в распоряжении Лаврова тамгового материала привел его к мысли, что «кавказские тамги могли появиться лишь при возникновении потребности отличать табуны лошадей, принадлежавшие разным хозяевам», то есть, надо понимать, с распадом первобытнообщинного строя, с появлением семейных общин классического типа. Действительно, знаки собственности могли появиться с утверждением частной собственности отдельных семейных коллективов²⁸⁰ и в дальнейшем в общем-то отражали социально-экономическое состояние общества. Доста-

точно вспомнить активный процесс распада патронимий, когда каждая, даже малая, семья стремилась иметь свою тамгу.

В 1982 г. Лавров опубликовал полевые этнографические материалы накапливавшиеся у него с начала 20-х годов вплоть до 1978 г.²⁸¹ Уже в 1936 г. молодой ученый (младший научный сотрудник Института этнографии АН СССР) стал заниматься исследованием земельных отношений в дореволюционной Балкарии. В главе этой книги «В Балкарии и других местах Северного Кавказа» (1936) он характеризует Баксанское ущелье, населенные пункты Гунделен, Лашкута, Шашбоват, Тотур, Былым, их внешний вид, архитектуру жилищ. Приводит рассказы старожилов о землевладении и землепользовании, аренде, эксплуатации таубиями крестьян, об издевательствах Барасбиевых и Келеметовых над рабами, которых «они меняли на ослов».

Лавров уделяет внимание происхождению ряда балкарских (Тудуевы и Теппеевы)²⁸², кабардинских (Чеченовы и Натхо) и адыгейских (Лакшоновы, Егумовы, Хатукаевы) фамилий и некоторым причинам их миграции. Он характеризует кавказские тамги, считая временем их появления период распада родового строя и употребления их в качестве печатей и гербов, описывает сохранившиеся в быте адыгейцев некоторые патриархальные порядки. В частности, он рассказывает, как хозяин сада, боясь вызвать осуждение односельчан, ничего не сказал забравшимся в него подросткам; о посещениях друг друга соседей и односельчан без приглашения; о родственной и соседской взаимопомощи; уважении к старшим; избегании. Книга Лаврова, как и все его научное творчество, насыщена историческими легендами, песнями, преданиями, выдержками из нартских сказаний, личными впечатлениями человека, прожившего большую и интересную жизнь, настоящего ученого-исследователя.

Емко, на современном уровне этнографической науки представлен материал об общественном строе и семейном быте народов Кавказа сотрудником Института этнографии АИ СССР, преподавателем кафедры этнографии МГУ К. И. Козловым²⁸³. Указывая на сохранение в быте горцев Северного Кавказа в XIX в. следов патриархального уклада, он заостряет внимание на наличии у них «патриархальных» семей, на родственных связях, кровной мести, сельско-общинных отношениях.

Но надо заметить, что в работах ряда советских исследователей отдельные проблемы уровня развития общест-

венного строя у северокавказских народов рассмотрены нечетко.

Мы считаем, что на Северном Кавказе в связи со спецификой социально-экономических и военно-политических условий в XIX в. так и не сложилась государственность. Прimitивными предшественницами непрочных государственных объединений, что соответствовало уровню феодальных форм хозяйства, были сельские общины. Являясь закономерным фактором производственных отношений феодальной формации, они в разной степени подчинялись феодальным владельцам. Сельские общины и другие формы традиционных и общественных учреждений, несмотря на сформировавшееся сословие феодалов и сосредоточение в их руках прав и функций общинного управления, задерживали развитие и окончательное завершение созревания феодализма. Более продуктивно феодальный способ производства развивался в Кабарде, в Адыгее у «аристократических народностей» — бжедугов, темиргоевцев, хатукаевцев, бесленеевцев, в Черкесии, у абазинцев, медленнее — в Карачае, Балкарии, Осетии, Чечне и Ингушетии.

Даже у одного народа, к примеру у осетин, феодальные отношения развивались неодинаково. Более активно — в Дигорском и Тагаурском обществах в связи с влиянием здесь Кабарды и Грузии, менее — в Алагирском и Куртатинском. В этом плане права Е. Дж. Налоева, заметившая, что даже у таких близких по развитию народностей, как кабардинцы и так называемые «аристократические» адыги, социально-экономические отношения были не совсем одинаковы и что «феодальные отношения в Кабарде достигли более высокой ступени, чем у остальных адыгов».

Разница эта состояла в неравномерной сохранности традиционных и общественных институтов и в разном соотношении отработочной и продуктовой ренты. Известно, что у адыгов слабо сохранились родственные связи, преобладали малые семьи, в состоянии распада находились патронимии.

Теоретическим обоснованием тому являются выводы К. Маркса в «Капитале» о том, что базисом общественных отношений при натуральном хозяйстве может быть в основном отработочная и продуктовая ренты и что от развития той или иной зависит уровень социально-экономического развития. То есть присвоение ренты «есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность», и проявление специфики региона. «Рента продуктами,— писал он,— предполагает более высокий культурный уро-

вень непосредственного производства, следовательно, более высокую степень развития его труда и общества вообще».

Основополагающие высказывания К. Маркса в равной степени касаются и всех без исключения северокавказских народов. По мнению В. К. Гарданова, хотя адыгский феодализм характеризовали и отработочная и натуральная феодальные ренты, более распространенной была последняя. обстоятельный анализ феодальной стадии развития «аристократических» и «демократических» групп адыгов исследователь дает в своей работе «Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX века)», где указывает на особую гибкость северокавказского феодализма, заключающегося в сочетании разных форм ренты и в возможности эксплуатации различных социальных слоев населения.

Сравнивая с адыгами карачаевцев этого периода, следует отметить, что главным видом ренты у них была отработочная; продуктовая — при незначительных масштабах ведения хозяйства горцев — не получала необходимого развития и состояла в основном из приношений феодалам по поводу различных знаменательных случаев.

Основой же возникновения и функционирования ренты являлась монополизация земли. Феодальный тип эксплуатации, верно замечал А. И. Малыш, заключается в том, что наделенные землей общинники «обязаны платить землевладельцу дань в форме барщинного труда или оброка, натуральной ренты».

От методологии подхода к пониманию поземельных отношений народов Северного Кавказа во многом зависит и верное понимание сущности и степени развития феодализма. Между тем, обращаясь к истории, видим, что представители царской военной администрации в свое время, унаследовав роль обычного права на Кавказе, не разобрались в имевших здесь место ярко выраженных сословных отношениях, не придали значения формам присвоения прибавочного труда эксплуатируемого населения.

В дальнейшем идею об отсутствии феодальной собственности в форме владения у народов Северного Кавказа, найдя ее выгодной для царской власти, поддержала сословно-поземельная комиссия.

Но уже на рубеже прошлого и нашего столетий Г. Ф. Чурсин, характеризуя освобождение крестьян 1 ноября 1868 г., удивительно точно заметил, что горские феодалы «отпустили своих бывших холопов на все четыре стороны, освободив их от работы и от земли, на которой они

сидели». Экономические статьи Г. Ф. Чурсина, но прежде всего учение К. Маркса о всестороннем развитии собственности на протяжении истории всех формаций, послужили серьезным основанием для исследователей и ученых советского периода. В. К. Гарданов, Т. Х. Кумыков, Г. Х. Мамбетов, Х. М. Думанов, Е. Дж. Налоева, В. П. Невская, Б. В. Скитский, Е. Н. Студенецкая, И. М. Шаманов и другие историки и этнографы обоснованно доказали, что феодальные отношения у народов Северного Кавказа ко времени крестьянской реформы были на довольно высоком уровне. На основе обычного права северокавказских народов, через которое феодальная знать закрепила свое господствующее положение и регламентацию отношений, В. К. Гарданов доказал, что оно было феодальным, классовым. В частности, он приводит статьи из «Адатов» Ф. И. Леонтовича, которые показывают отношения зависимости крестьян от «господских имений», четко оговоренные виды и нормы зависимости, размеры крестьянских повинностей, иерархическое соподчинение, привилегии феодальной знати. «Другой характерной чертой обычного правового материала о повинностях адыгского крестьянства в дореволюционный период,— пишет В. К. Гарданов,— является скрупулезность определения прав и обязанностей различных категорий феодально зависимого крестьянства».

В. К. Гарданов подверг убедительной критике заблуждения дореволюционных авторов относительно так называемого «голого насилия», лишенного социально-экономической основы, указав, что отраженные в адатах крестьянские повинности могли иметь место в случае функционирования только такой экономической основы, как монополия на землю.

Прав В. Х. Кажаров, утверждающий, что «отрицать наличие феодальной собственности на Северном Кавказе в первой половине XIX в.— это значит, по существу, отрицать наличие здесь у большинства горцев в то время и феодализма».

Но, к сожалению, никто из авторов не проанализировал глубинных причин вызываемых явлений, состоявших в наличии феодальной собственности на землю,— экономических. Хотя ни у кого не вызывает сомнения, что отношения собственности определяют положение людей в обществе, место в процессе производства, саму организацию этого производства и распределение получаемого продукта. Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», обстоятельно проанализировав

роль и место каждой общественно-экономической формации в истории человечества, показал, что не что иное, как формы собственности влияли на все процессы социально-экономических изменений.

Но прежде всего вспомним те неоспоримые факты, что крестьяне испокон веков обожествляли землю, считали, что присваивать ее можно только на основе пользования, и это заставляло их сопротивляться насилию со стороны господствующего класса. Объяснение состоит в том, что свободная частная собственность на землю, пройдя в своем развитии ряд последовательных этапов, стала господствующей в сравнительно позднее время. Ряд исследователей отождествляют частное владение с частной собственностью, тем самым принижают роль экономического фундамента феодализма, складывавшегося из земельного владения, ленных отношений, личной службы и повинностей. Классики марксизма доказали, что с заменой общинной формы землевладения иерархической изменяется лишь форма владения, ставшая частной.

Глубокие исследования в этом направлении были проделаны известным советским экономистом М. В. Колгановым, пришедшим к выводу о том, что «неотчуждаемость земли в докапиталистических формациях обуславливалась, кроме того, и тем, что даже после того, как она перешла во владение отдельных родов и общин, семей и лиц, общество во всех докапиталистических формациях сохранило за собой право верховного распоряжения землей, лишая этого права отдельные общины и отдельных индивидуумов». М. В. Колганов объясняет это принадлежностью земли «большим массам людей», общим владением.

Началом частного производства отдельных членов сельской общины, первого этапа частной собственности в форме частного владения был распад родовой общины на моногамные семейные общины.

Непрерывные войны периода строя военной демократии и средневековья, разорение и закабаление основной массы населения, эпизодически проявляющийся голод, стихийные бедствия, эпидемии способствовали утверждению привилегированного положения знати, монополизации земельной собственности, превращению ее в основу феодального способа производства. Экономическая экспансия феодалов во всех ее проявлениях в отношении кровительства общинников сделала их верховными владельцами земли. Порядок патроната — коммендации — формировал-

ся сугубо из материальных и политических интересов горского населения. Таким образом складывался статус члена общества, формировались иерархическая структура феодальной формации и ее характерные черты.

Господствующим становилось феодальное земельное владение, базировавшееся на эксплуатации зависимых крестьян, вынужденном отчуждении земельному собственнику сначала в форме отработочной ренты, затем натуральной — прибавочного продукта. Складывался феодализм классического типа, основывавшийся на личном подчинении и господстве, при котором могла иметь место только условная, ограниченная иерархическими отношениями личной зависимости земельная собственность. Личная зависимость проявлялась в неразрывной связи с поземельными отношениями и собственностью на средства производства.

Являясь высшим субъектом владения земельными угодьями, феодалы противостояли крестьянам в том плане, что те находились в личной и поземельной зависимости от них. Закрепившееся в сознании крестьян представление о том что феодал тоже не был собственником, сказалось на последующем их мировоззрении, а также повлияло на отношение к данному вопросу администрации и ряда дореволюционных авторов и советских ученых.

На состояние поземельных отношений оказывало влияние развитие скотоводства и вообще частной собственности на движимое имущество, а также захват земли, как это имело место в связи с крайней недостаточностью угодий в горных районах (Балкария, Карачай, Осетия, Чечня, отдельные районы Адыгеи). Здесь, естественно, значительно быстрее подворное владение развилось в частную собственность.

В своем выдающемся труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал о том, что топография местности наложила глубокий отпечаток на характер собственности горных районов Германии, Швейцарии и Скандинавии, причем пашни горных районов он называл приусадебными участками, а не «пахотными угодьями». Это же зафиксировал М. М. Ковалевский у кавказских народов.

У населения равнинной территории Северного Кавказа (Кабарда, Адыгея, плоскостные районы Осетии и Ингушетии) вместе с аллодизацией земельных угодий складывалось долевое землевладение. Волевые действия знати формировали право сильного — феодальное. Общим правилом

становилось сочетание феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием, общинным и индивидуальным. Феодалы оставляли себе незначительное количество земли, остальную же делили на участки (парцеллы) и раздавали на правах держаний безземельным и малоземельным общинникам. Подобные отношения вели к закреплению сельского населения и даже той его части, которая владела своей собственностью, поскольку и те, и другие «подчинялись требованиям службы и платежей, которые возлагал на них феодал».

Земельными паями здесь наделялись князья, их вассалы, свободные и крепостные крестьяне. Будучи собственниками всей земли, феодалы являлись и дольщиками общинных угодий, что, кстати, также вводило в заблуждение многих авторов относительно наличия у адыгов феодальной собственности на землю.

Таким образом, северокавказская сельская община характеризовалась дуализмом коллективного и частного начал, проявляющихся в сочетании частного владения феодалов и сидящих на их земле крестьян, владения отдельных феодалов и обществ. По мнению Ф. Энгельса, дуализм сельской общины служил «для нее источником большой жизненной силы...». Свое отношение к вопросу собственности феодального периода К. Маркс определил еще в работе «Дебаты по поводу закона о краже леса» (1842 г.), указав, что собственность этого периода была неопределенной, дуалистической, ее нельзя было считать «ни безусловно частной, ни безусловно общей...». Но то, что она уверенно развивалась в феодальную эпоху, К. Маркс заметил в письме к В. И. Засулич.

Складывавшаяся по образцу германской марки сельская община народов Северного Кавказа в сравнительно короткий срок переродилась в феодальную. Ф. Энгельс трактовал феодализованную сельскую общину как «торжество феодального поместья над вольной общиной». О феодализации сельской общины материалы можно почерпнуть и в таких широко известных трудах В. И. Ленина, как «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Сущность аграрного вопроса в России», и многих других.

Энгельс писал об общине — марке, что даже в условиях развитого феодализма «старая община — марка продолжала существовать, хотя и под господской опекой».

Но здесь важно заметить, что, несмотря на наличие среди общинников самостоятельных хозяев, считавшихся

собственниками отвоеванных у горной природы земельных участков, собственность натурально-хозяйственного крестьянства еще не была собственностью товаропроизводителя. И, кроме того, аграрный характер общественного строя народов Северного Кавказа до революции не позволял частной собственности стать абсолютно ведущей формой земельных отношений.

Глубоким и обстоятельным исследованием дореволюционной семьи и ее быта, семьи и семейных отношений в первые десятилетия Советской власти и в современную эпоху является работа Я. С. Смирновой «Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в.» (М., 1983). Автор решает вызывавшие до последнего времени сложность вопросы сохранности большой семьи, соотношения больших и малых семей, численного состава семьи, классификации, управления, разделения труда, имущественных прав и наследования. Особое внимание она обращает на «совокупность древних законов, известных под названием обычая избегания», объясняя их генезис «первобытной общностью детей» и периодом «перехода от матриликальности к патриликальности».

В ее работе всесторонне и на новом этнографическом материале анализируются брак и свадебно-брачный церемониал: регламентация брачного возраста, брачный выбор, отношение к браку шариата, выкуп и т. д.

В последние годы вышел и ряд других этнографических трудов, изучение которых — дело будущего. Развитие и совершенствование, углубление ранее изученных проблем, расширение круга исследуемых вопросов в этнографической науке — процесс закономерный. Мы же, завершая на данном этапе анализ архаических общественных организаций народов Северного Кавказа в советской исторической науке, не можем, исходя из обилия материала, разрабатываемых исследователями многочисленных задач, не назвать еще раз эту тему одной из ключевых.

Проведенный в работе анализ архаических общественных организаций, их генетических корней, связанных с ними остаточных процессов, а также сравнительный подход к общественно-семейным отношениям прошлого и первых десятилетий развития Советского государства, освещение пережиточных явлений, стоящих на пути становления нового быта, внесение нами не известного ранее полевого этнографического и архивного материала и многое другое позволят последователям в дальнейшем глубже, разностороннее подойти к проблемам данного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лазарев М. С.* Рецензия на книгу Ю. В. Бромлея «Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории» (М., 1981).— Народы Азии и Африки, 1982, № 1, с. 191.

² *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному.— Вопросы истории, 1967, № 1, с. 74.

³ *Мусукаев А. И.* Из альпийского журнала.— Коммунизмге жол, 1984, 14 апреля.

⁴ Ежегодник Русского горного общества. М., 1906, вып. 4, с. 160.

⁵ *Абаев М.* Кабарда проснулась.— Мусульманин, 1911, № 3, с. 114.

⁶ *Вертепов Г. А.* В горах Кавказа.— Терский сборник. Владикавказ, 1903, вып. 6.

⁷ *Пфаф В.* Народное право осетин.— Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871, вып. 1, с. 182.

⁸ *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР. М., 1972.

⁹ *Сергеева Г. А.* Арчинцы. М., 1967, с. 139.

¹⁰ *Мибчуани Т. Ш.* Этнокультурные связи горцев Грузии (сванов) с балкарцами и карачаевцами. Тбилиси, 1978, а. к. д., с. 19.

¹¹ *Кашежев Т.* Ханцегуаше.— Этнографическое обозрение, 1900, № 2.

¹² Кавказ, 1903, № 283, 287, 294, 301.

¹³ *Тульчинский Н. П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области.— Терский сборник. Владикавказ, 1903, вып. 6; *Баранов Е.* Кабардинские легенды. Пятигорск, 1911.

¹⁴ *Абаев М.* Наделье осетин.— Каспий, 1905, № 109.

¹⁵ *Абаев М.* Горские аграрные вопросы.— Каспий, 1905, № 115, 121.

¹⁶ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. СПб., 1904.

¹⁷ *Ган К. Ф.* Краткие известия древних писателей о Кавказе.—

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее: СМОМПК). Тифлис, 1882, вып. 2, с. 18.

¹⁸ *Пфаф В.* Народное право осетин, с. 198.

¹⁹ *Чурсин Г. Ф.* Осетины.— Материалы по этнографии Грузии. 1925, серия 1, с. 169.

²⁰ Информаторы: Апаева К. Д., 1908 г. р., Былым; Сарбашев А. С., 1890 г. р., Булунгу; Атакуева Ш. М., 1882 г. р., Н. Чегем.

²¹ *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян, с. 89.

²² *Караулов Н. А.* Балкарцы на Кавказе.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1907, т. 23, вып. 2; *его же.* Основы мусульманского права.— СМОМПК. Тифлис, 1909, № 40.

²³ Информаторы: Атмурзаева Т. Н., 1874 г. р., Гунделен; Афашков И. Ж., 1898 г. р., Былым; Ахматов Б. И., 1890 г. р., Жанхотeko; Битуева Б. Ч., 1895 г. р., Ташлы-Тала; Жабоев Ю. И., 1885 г. р., Белая Речка; Занкишиева Ф. Ц., 1888 г. р., В. Жемтала; Иттиев Ф. К., 1870 г. р., Тырнауз; Казиев М. Б., 1887 г. р., Советский; Кушхов К. Ж., 1891 г. р., Лечинкай; Курданов Ш. К., 1890 г. р., Эльбрус.

²⁴ *Караулов Н. А.* Балкарцы на Кавказе, с. 52.

²⁵ *Талицкий Н. Е.* Очерки Карачая.— СМОМПК. Тифлис, 1903, вып. 40.

²⁶ *Иваненков Н. С.* Карачаевцы.— Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1912, вып. 5.

²⁷ СМОМПК. Тифлис, 1870, вып. 3, с. 5.

²⁸ *Коджесау Э. Л.* К вопросу о сельской общине у адыгов в XIX—начале XX века.— Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Майкоп, 1970, т. 11, с. 270.

²⁹ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, 2-е изд., с. 140.

³⁰ *Мусукаев А. И.* Сельская община.— Коммунизмге жол, 1974, 21 октября.

³¹ БСЭ, т. 30, 2-е изд., с. 435.

³² *Давыдов А. Д.* Афганская деревня (сельская община и расслоение крестьянства). М., 1969, с. 8.

³³ *Першиц А. И.* Проблемы типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978, т. 8, с. 142.

³⁴ *Энгельс Ф.* Франкский период.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, 2-е изд., с. 495.

³⁵ *Маретин Ю. В.* Община соседско-большесемейного типа у Минангкабау (Западная Суматра).— Социалистическая организация народов Азии и Африки. М., 1975, с. 64—65.

³⁶ БСЭ, с. 435.

³⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 329.

³⁸ Фарфоровский С. Брак в Осетии.— Естествознание и география, 1910, № 7.

³⁹ Ковалевский П. И. Кавказ. СПб., 1914, т. 1.

⁴⁰ Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912.

⁴¹ Семенов Л. П. Обзор русской этнографической литературы о Кавказе за 1917—1927 гг.— Советская этнография, 1928, № 2, с. 124.

⁴² Мусукаев А. И. Краеведы 30-х годов — Коммунизмге жол, 1984, 31 октября.

⁴³ Алиев У. Латинизация горских племен. К истории просвещения горских народов.— Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д., 1929, т. 2, с. 226.

⁴⁴ Карахалк, 1925, май.

⁴⁵ Марр Н. Я. Краеведение. Махачкала, 1926, с. 7.

⁴⁶ Алиев У. Краеведение и национальности Северо-Кавказского края — Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. Ростов н/Д., 1926, № 1—2, с. 14.

⁴⁷ Вершковский В. Н. Краеведение и охрана природы и ее памятников.— Там же, с. 9.

⁴⁸ Лунин Б. В. Краеведение и охрана памятников старины.— Там же, с. 16.

⁴⁹ Князев А. Д. Роль студенчества в краеведческом движении.— Там же, с. 22.

⁵⁰ Марр Н. Я. Краеведение, с. 6.

⁵¹ Воскресенский А. И., Ямпольский М. Л. Краеведение на Северном Кавказе и перспективы его развития.— Краеведение на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1928, № 1—2, с. 7.

⁵² Алиев У. Д. Краеведение в национальных областях Северо-Кавказского края и его организации.— Там же, № 3—4, с. 4.

⁵³ Лунин Б. В. Краеведение..., с. 13.

⁵⁴ Ширман Л. Краевой музей северокавказских народов и его работа.— Революция и горец, 1928, № 2, с. 6.

⁵⁵ Горский краеведческий журнал, 1926, № 1, с. 24.

⁵⁶ Анисимов С. Кавказские альпы. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. М.— Л., 1929, с. 4—5.

⁵⁷ Ермоленко М. И. Былое. Записки из Центральной части Северного Кавказа. Нальчик, 1932.

⁵⁸ СМОМПК. Тифлис, 1868, вып. 1, с. 15.

⁵⁹ Караулов Н. А. Балкарцы на Кавказе, с. 52.

⁶⁰ Ермоленко М. И. Предания, легенды и былое ущелий Кабарды и Балкарии Центральной части Северного Кавказа. Нальчик, 1930.

⁶¹ О горе Машук, но совершенно другого содержания легенду опубликовал Е. Баранов.

⁶² Владимиров. Культурный поход и краеведы.— Краеведение на Северном Кавказе, 1928, № 3—4, с. 10.

- ⁶³ Семенов Л. П. Обзор..., с. 159.
- ⁶⁴ Анисимов С. Кавказ. Пособие по краеведению. М., 1930, с. 203.
- ⁶⁵ Краевой Северо-Кавказский горский научно-исследовательский институт создан постановлением малого президиума Северо-Кавказского крайисполкома от 7 мая 1926 г.
- ⁶⁶ Ладыженский А. М. Методы этнологического изучения права — Этнография, 1929, № 1, с. 121.
- ⁶⁷ Клочкив М. Краткий обзор деятельности литературно-исторического и этнографического общества.— Сборник статистических данных по экономике и культуре. Краснодар, 1927, вып. 1, с. 1.
- ⁶⁸ Научные учреждения Кабардино-Балкарской автономной области.— Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения, 1926 № 3—4 с. 29.
- ⁶⁹ Алиев У. Краеведение в национальных областях..., с. 6.
- ⁷⁰ Курсантка. Учимся, учим других.— Карахалк, 1928, № 809.
- ⁷¹ Журина Г., Журин Н., Петрова О. В кавказской глуши.— Народный учитель, 1926, № 2, с. 55.
- ⁷² Лунин Б. Архивное строительство в горских автономных областях Северного Кавказа.— Северо-Кавказский горский научно-исследовательский институт краеведения, 1927, № 1, с. 27—31.
- ⁷³ Гиваргизов А. П. Архивное дело на Северном Кавказе.— Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения, 1928, № 5—7, с. 13.
- ⁷⁴ Там же, с. 14.
- ⁷⁵ Воскресенский А. И. Основы краеведческой и научно-исследовательской работы.— Там же, 1926, № 1—2, с. 3.
- ⁷⁶ Краеведение на Северном Кавказе.— Там же, № 1—2, с. 137.
- ⁷⁷ Там же, № 2, с. 121.
- ⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.
- ⁷⁹ Алиев У. О культурной работе в национальных областях Северного Кавказа.— Бюллетень Северо-Кавказского краевого горского НИИ, 1927, № 2—4, с. 12.
- ⁸⁰ Анчабадзе Ю. Д. Общественный быт абхазов во второй половине XIX — начале XX в. М., 1981, а. к. д., с. 12.
- ⁸¹ Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1885, с. 31; Чурсин Г. Ф. Осетины, с. 165; и др.
- ⁸² Пфаф В. Народное право осетин, с. 184—185.
- ⁸³ Иванюков И. И., Ковалевский М. М. В горских обществах Кабарды.— Вестник Европы, 1884, ч. 4, с. 558.
- ⁸⁴ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб., 1835, ч. 1—3, с. 103.
- ⁸⁵ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний обычай. М., т. 2, с. 14—16.
- ⁸⁶ Алиев У. Карачай. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д., 1927, с. 115.

⁸⁷ *Сосиев З.* Станица Черноярская.— Терский сборник. Владикавказ, 1903, вып. 5, с. 50.

⁸⁸ *Гаглойти З. Д.* Очерки по этнографии осетин. Общественный быт осетин в XIX веке. Тбилиси, 1974, с. 84.

⁸⁹ Информация Киштыкова И. М. (1839 г. р., Хасанья), Кучмезова С. К., (1901 г. р., Герпегеж), Махиева Д. А. (1892 г. р., Белая Речка), Мишаевой Н. М. (1887 г. р., Белая Речка), Настуевой К. Х. (1908 г. р., Вольный Аул), Ольмезовой Д. Ч. (1895 г. р., Белая Речка), Сарбашева А. С. (1890 г. р., Булунгу), а также ряда казахских информаторов: Жаксалыкова Садвокаса (1900 г. р., родом из п. Кенерал Целиноградской обл.), Жанукова Кожахмета (1892 г. р., родом из п. Далабай), Омарова Жусупа (1905 г. р., Терсакан) и др.

⁹⁰ Информаторы: Есенкулова Ф. Б., 1925 г. р. и Хоконов Д. А., 1897 г. р. — оба из Шардаково; Шогенов А. Б., 1921 г. р., Белокаменский; Тишков А. Ш., 1896 г. р., Вольный Аул; Байсиев М. Х., 1888 г. р., Н. Жемтала.

⁹¹ *Невская В. П.* Карачаевцы.— Народы мира. Этнографические очерки. М., 1960, с. 200.

⁹² *Зумакулов В. М.* Роль традиций и обычаев в нравственном воспитании (на материалах народов Кавказа). Л., 1981, а. к. д., с. 10.

⁹³ *Пфаф В.* Путешествие по ущельям Северной Осетии.— Сборник сведений о Кавказе. 1871, т. 1, с. 149; *Чурсин Г. Ф.* Осетины, с. 194—196.

⁹⁴ *Меч С.* Кавказ. М.—Л., 1923.

⁹⁵ *Владыкин М.* Путеводитель..., с. 29.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ *Толстов С. П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, с. 34.

⁹⁸ *Бутинов Н. А.* Проблемы экзогамии. (По австралийским материалам).— В кн.: Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М., 1951, с. 4.

⁹⁹ *Лавров Д.* Заметки об Осетии и осетинах.— СМОМПК. Тифлис, 1883, вып. 3, с. 236.

¹⁰⁰ *Владыкин М.* Путеводитель..., с. 28.

¹⁰¹ Такие суды обычно проходили в присутствии всех или в худшем случае большинства общинников.

¹⁰² *Семенов В. Ф.* История средних веков. М., 1975, с. 240.

¹⁰³ *Шукин И.* В Балкарии — Землеведение. М.—Л., 1925, т. 27, вып. 1—2.

¹⁰⁴ Протоколы заседаний Географического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.— Землеведение. М.—Л., 1925, т. 27, вып. 1—2, с. 173.

¹⁰⁵ *Пфаф В.* Народное право осетин, с. 189.

- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Чурсин Г. Ф. Осетины..., с. 166.
- ¹⁰⁸ Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1968, с. 81.
- ¹⁰⁹ Шикова Т. Т. Семья и семейный быт кабардинцев в прошлом и настоящем. М., 1955, а. к. д., с. 9; Студенецкая Е. Н. О большой семье у кабардинцев в XIX веке.— Советская этнография, 1950, № 2 с. 177.
- ¹¹⁰ Третьяков С. Сванетия. М., 1928, с. 28; Клементьев В. Г. Через Сванетию на Эльбрус. М.—Л., 1930, с. 53.
- ¹¹¹ Керейтов Р. Х. Большая семья у кубанских ногайцев во второй половине XIX века.— Проблемы истории СССР. М., 1973, с. 157.
- ¹¹² Гаглойти З. Д. Очерки..., с. 43.
- ¹¹³ Кудусова Ф. И. Семья и семейный быт ингушей в конце XIX—70-х годах XX в. Тбилиси, 1981, а. к. д., с. 8.
- ¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 303.
- ¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 322.
- ¹¹⁶ Зубов П. Картина Кавказского края..., с. 101.
- ¹¹⁷ Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857, с. 125.
- ¹¹⁸ Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892, вып. 1, с. 72.
- ¹¹⁹ Там же, с. 95—96.
- ¹²⁰ СМОМПК. Тифлис, 1893, вып. 17, с. 174.
- ¹²¹ Студенецкая Е. Н. О большой семье..., с. 176.
- ¹²² Данилова Е. Н. Семья и патронимия в системе сельской общины абазин во второй половине XIX века.— Советская этнография 1973, № 5, с. 79.
- ¹²³ Рихтер Э. Кавказ наших дней. М., 1923—1924 гг.
- ¹²⁴ Пфаф В. Путешествие..., с. 145.
- ¹²⁵ Чурсин Г. Ф. Осетины, с. 169.
- ¹²⁶ Ляйстер А. Ф., Чурсин Г. Ф. География Кавказа. Природа и население. Тифлис, 1924.
- ¹²⁷ Чурсин Г. Ф. Этнография Кавказа.— Новый Восток. М., 1926, кн. 15.
- ¹²⁸ Этнографическое исследование Балкарии.— Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1917, т. 25 № 2—3, с. 373.
- ¹²⁹ Материалы по этнографии Грузии. Тифлис, 1925, серия 1.
- ¹³⁰ Горский краеведческий журнал, 1926, № 1, с. 2—4.
- ¹³¹ Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. М.—Л., 1926.
- ¹³² Померанцева А. В. Как живут и трудятся народы в горах Кавказа. М.—Л., 1927.
- ¹³³ Лукин Б. Рецензия на работу Д. М. Павлова «Искусство и

старина Карачая».—Северо-Кавказский край. Ростов н/Д., 1927, с. 126.

¹³⁴ Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая. Махачкала, 1927.

¹³⁵ Гозулов А. И. Антрополого-этнографические исследования как один из факторов подъема культуры в национальных областях Северного Кавказа.—Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт. Ростов н/Д., 1927, № 1.

¹³⁶ Чурсин Г. Ф. Этнография Кавказа.—Новый Восток. М., 1926, кн. 15, с. 208.

¹³⁷ Алиев У. Карахалк. Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д, 1927.

¹³⁸ Мусукаев А. И. Гостепримство и традиции.—Коммунизмге жол, 1984, 29 мая.

¹³⁹ Пфаф В. Путешествие..., с. 162.

¹⁴⁰ Зелинский П. Этнографические очерки из быта армян — переселенцев из Персии, живущих в Нахичеванском уезде Эриванской губернии.—СМОМПК. Тифлис, 1882, вып. 2, с. 4.

¹⁴¹ Ивановский С. Кабардинки. М., 1928.

¹⁴² Добрускин Л. Кабарда и Балкария в прошлом.—Революционный Восток. М., 1933, № 3—4.

¹⁴³ Воробьев С. и Сарахан Д. Кабарда и Балкария. Ростов н/Д., 1932.

¹⁴⁴ Макаров Ф. Бытовые преступления среди горцев.—Революция и горец, 1929, № 3(5), с. 53.

¹⁴⁵ Быковский С. Предисловие к работе А. М. Золотарева «Происхождение экзогамии».—Известия государственной Академии истории материальной культуры. 1931, т. 10, вып. 2—4, с. 1.

¹⁴⁶ Генко А. Н. Задача этнографического изучения Кавказа.—Советская этнография, 1936, № 4—5.

¹⁴⁷ Ладыженский А. М. К вопросу об исследовании обычного права Северного Кавказа.—Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения, 1926, № 3—4.

¹⁴⁸ Ладыженский А. М. К изучению быта черкесов.—Революция и горец, 1928, № 2, с. 67.

¹⁴⁹ Ладыженский А. М. Обычное и семейное право черкесов.—Бюллетень Северо-Кавказского краевого горского НИИ краеведения, 1927, № 2—4.

¹⁵⁰ Ладыженский А. М. Методы этнологического изучения края.—Этнография, 1929, № 1.

¹⁵¹ Ладыженский А. М. Формы перехода от первобытнообщинного к классовому обществу (по материалам Северного Кавказа).—Исторические науки, 1961, № 2.

¹⁵² Месяц С. И. Население и землепользование Кабарды. Воронеж, 1928, с. 16.

- ¹⁵³ Карачайлы И. Горцы и казаки в XVIII веке.— Революция и горец, 1928, № 2.
- ¹⁵⁴ Месяц С. И. Население и землепользование Кабарды.— Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Воронеж, 1928.
- ¹⁵⁵ Кокиев Г. Классовая структура кабардинского феодального общества в середине XIX века.— Социалистическая Кабардино-Балкария, 1941, 8 января.
- ¹⁵⁶ Студенецкая Е. Н. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в.— Советская этнография, 1937, № 2—3.
- ¹⁵⁷ Робакидзе А. И., Харадзе Р. Л. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях.— В сб.: О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
- ¹⁵⁸ Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии. Морфология поселения.— Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1963, вып. 12—13.
- ¹⁵⁹ Мибчуани Т. Ш. Этнокультурные связи..., с. 19—20.
- ¹⁶⁰ Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа.— Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868, вып. 1, с. 4.
- ¹⁶¹ Рассказал Ксанаев Абука Кудуевич (1904 г. р., сел. В. Жемтала)
- ¹⁶² Информатор Хуламханов Сахай Гуёнович (1900 г. р., сел. Бezenги).
- ¹⁶³ Информатор Чабдаров Мустафа Тазихович (1886 г. р., сел. Герпегеж).
- ¹⁶⁴ Харадзе Р. Л. Пережитки большой семьи у сванов. Тбилиси, 1939, *ее же*. Проблемы грузинской семейной общины в литературе XIX века.— Советская этнография, 1954, № 1; *ее же*. Сельская община в Балкарии — Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1960, вып. 9; *ее же*. Характер сельской общины грузин-горцев по этнографическим материалам. М., 1964; *ее же*. Некоторые стороны сельскообщинного быта горных ингушей.— Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968, вып. 3, и другие.
- ¹⁶⁵ О результатах своих исследований он, как и Робакидзе и Харадзе, доложил на сессии в КБНИИ о происхождении карачаевцев и балкарцев. Его доклад назывался «Народная архитектура балкарского жилища».
- ¹⁶⁶ Курылев В. П. К вопросу о семейно-родственных группах у казахов.— Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. Л., 1972, с. 40.
- ¹⁶⁷ Пионтек Г. В. Селение Эльтюбю как потенциальный музей балкарского зодчества на открытом воздухе.— Ученые записки института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Серия «Архитектура». Л., 1961, вып. 1.

¹⁶⁸ *Медведева О. П.* Новые этнографические коллекции музея по Балкарии.— Краеведческие записки. Нальчик, 1961, вып. 1.

¹⁶⁹ *Кумыков Т. Х.* Расселение кабардинцев и балкарцев в 40—60-х годах XIX века.— Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1965, т. 23.

¹⁷⁰ *Энгельс Ф.* Франкский период.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 496.

¹⁷¹ *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур и типы больше-семейных домашних общин.— Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975, с. 15—16.

¹⁷² *Ковалевский М. М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 12—13.

¹⁷³ *Бромлей Ю. В. Ф.* Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины.— Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972, с. 164—165.

¹⁷⁴ Все авторы, занимавшиеся семейной общиной народов Северного Кавказа (З. Н. Ванеев, В. К. Гарданов, М. О. Косвен, А. Х. Магомедов, А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе и др.), подчеркивали ее родственный характер.

¹⁷⁵ *Гаглойти З. Д.* Очерки..., с. 55.

¹⁷⁶ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М., 1981, с. 202—206; *его же.* Ф. Энгельс и проблемы..., с. 165—174.

¹⁷⁷ *Бромлей Ю. В. Ф.* Энгельс и проблемы..., с. 173.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ *Периц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе.— Проблемы истории первобытного общества. М.—Л., 1969, с. 164.

¹⁸⁰ *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур..., с. 15.

¹⁸¹ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 49.

¹⁸² *Гаглойти З. Д.* Очерки..., с. 62.

¹⁸³ *Кудусова Ф. И.* Семья и семейный быт ингушей..., с. 7.

¹⁸⁴ *Итонишвили В. Дж.* Пережитки семейной общины в горной Ингушетии.— Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968, с. 205; *Меретуков М. А.* Семейная община у адыгов, с. 147—148; *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян, с. 77; *Керейтов Р. Х.* Большая семья..., с. 158; *Данилова Е. Н.* Семья и патронимия..., с. 81.

¹⁸⁵ *Харадзе Р. Л.* Грузинская семейная община. Тбилиси, 1961, ч. 2, с. 41.

¹⁸⁶ Этнографический материал получен у Абеевой Ч. М. (1902 г. р., Безенги), Абезеховой З. Б. (1884 г. р., Гунделен), Азаматова М. Т. (1889 г. р., Хасанья), Датчиевой М. А. (1875 г. р., Гунделен), Гае-

ва Х. Э. (1890 г. р., Хасанья), Жашуева Ж. Ж. (1867 г. р., Гунделен).

¹⁸⁷ *Комаров А. В.* Адаты и судопроизводство по ним.—Сборник сведений о кавказских горцах. 1868, вып. 1, с. 79.

¹⁸⁸ *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 35.

¹⁸⁹ *Маретин Ю. В.* Община и ее типы в Индонезии. М., 1964, с. 7.

¹⁹⁰ *Периц А. И.* Патронимия у арабов.—Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1951, вып. 13, с. 32.

¹⁹¹ *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961, с. 12.

¹⁹² *Маркс К.* наброски ответа на письмо В. И. Засулич.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 104.

¹⁹³ *Курылев В. П.* К вопросу о семейно-родственных группах у казахов, с. 39.

¹⁹⁴ *Гарданов В. К.* Ценный труд по кавказоведению (*Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961).—Советская этнография, 1962, № 3; *Давыдов А. Д.* Афганская деревня, с. 8.

¹⁹⁵ *Давыдов А. Д.* Афганская деревня, с. 8.

¹⁹⁶ *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.—Становление классов и государства. М., 1976, с. 45.

¹⁹⁷ *Инал-Ипа Ш.* Абхазы. Сухуми, 1960, с. 266—267.

¹⁹⁸ *Кисляков Н. А.* О сущности понятия «патронимия».—Страны и народы Востока. М., 1976, вып. 18, с. 278.

¹⁹⁹ *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур..., с. 9.

²⁰⁰ Информаторы: *Алхасов Х. А.*, 1870 г. р., Чегем I; *Алакаев З. Т.*, 1883 г. р., Вольный Аул; *Арчакова Л. А.*, 1911 г. р., Насыр-Корт; *Боташев Х. Ю.*, 1893 г. р., Карт-Жюрт; *Вороков М. А.*, 1887 г. р., Чегем I; *Динаева Х. К.*, 1887 г. р., Вольный Аул; *Коческов Х. К.*, 1880 г. р., Баксан.

²⁰¹ *Чурсин Г. Ф.* Осетины..., с. 166.

²⁰² *Пфаф В.* Народное право осетин..., с. 194.

²⁰³ *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы..., с. 48.

²⁰⁴ *Давыдов А. Д.* Афганская деревня..., с. 6.

²⁰⁵ *Гаглойти З. Д.* Очерки..., с. 73.

²⁰⁶ Информация получена у *Борчаева Х. Д.* (1870 г. р., Тырныауз), *Геккиева Д. Б.* (1888 г. р., Бедык), *Князева М. С.* (1876 г. р., Шалушка).

²⁰⁷ Сообщили на конкретных примерах информаторы: *Кабардино-Балкарии* — *Алтуев С. Н.*, 1871 г. р., В. Балкария; *Бабаева М. Ш.*, 1864 г. р., Белая Речка; *Гижгиев Е. Г.*, 1875 г. р., Нижний Чегем; *Карачаево-Черкесии* — *Биджиев Х.*, 1885 г. р., Терезе; *Биджиева Б.*,

1899 г. р., Карданик; Джанибекова Х., 1910 г. р., Учккен; Карпушев У., 1896 г. р., Первомайское и др.

²⁰⁸ Гаглойти З. Д. Очерки..., с. 87.

²⁰⁹ Думанов Х. М. Некоторые вопросы большой семьи и патриимии у адыгов.—Вестник КБНИИ. Нальчик, 1970, вып. 4, с. 75.

²¹⁰ Дьячков-Тарасов А. Н. Заметки о Карачае и карачаевцах.—СМОМПК. 1898, т. 25, с. 55.

²¹¹ Гаглойти З. Д. Очерки..., с. 87.

²¹² Пфаф В. Народное право..., с. 194.

²¹³ Кумыков Т. Х. Расселение кабардинцев и балкарцев в 40—60-х годах XIX века.—Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1965, т. 23, с. 159.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии.—Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М., 1951, с. 135.

²¹⁶ Комаров А. В. Адагы..., с. 79.

²¹⁷ Лопатинский В. Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на их образование.—СМОМПК. Тифлис, 1902, вып. 31, с. 46; Мусукаев А. И. Большая семья и родственные отношения в дореволюционной Балкарии.—Коммунизмге жол, 1971, 11 сентября; Никонов В. Как вас называть?—Наука и жизнь, 1974, № 6, с. 85.

²¹⁸ Суперанская А. В. Структура имени собственного. М., 1969.

²¹⁹ Человек и закон, 1979, № 1, с. 101.

²²⁰ Ковалевский М. М. Закон и обычай..., с. 149.

²²¹ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974, с. 3.

²²² Аверкиева Ю. А. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961.

²²³ Ипполитов А. П. Этнографические очерки..., с. 45.

²²⁴ Токайшвили Е. С. Описание рукописей библиотеки Общества распространения грамотности среди грузинского населения.—СМОМПК. Тифлис, 1908, вып. 40, с. 63—64.

²²⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи..., с. 91.

²²⁶ Вейденбаум Е. Г. Начало гуэнской песни.—СМОМПК. Тифлис, 1893, вып. 17, с. 59.

²²⁷ Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий—Вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв. М., 1959, с. 109.

²²⁸ Из материалов, собранных Д. М. Таумурзаевым.

²²⁹ Чичагов В. К. Из истории русских имен..., с. 5.

²³⁰ Пфаф В. Народное право..., с. 194.

²³¹ Федосюк Ю. Русские фамилии—Наука и жизнь, 1971, № 1, с. 130.

— *Шукин И. С.* Материалы для изучения карачаевцев.— Русский антропологический журнал. М., 1913, с. 30.

²³³ *Дефо Д.* Жизнь Робинзона Крузо. М., 1982, с. 5.

²³⁴ *Войнич Э. Л.* Овод. Алма-Ата, 1977, с. 77.

²³⁵ *Франс Л.* Современная история. М., 1964, с. 650, 675.

²³⁶ *Симашко М.* Хроника царя Навада. Алма-Ата, 1968, с. 68.

²³⁷ *Толстой А. К.* Князь Серебряный. М., 1980, с. 318.

²³⁸ Материалы приводятся по кн.: *Наумова Н. Н.* Николай Гаврилович Чернышевский. М.—Л., 1966, с. 3.

²³⁹ *Крундышев А. А.* Александр Иванович Герцен. М., 1982, с. 4.

²⁴⁰ *Муканов С.* Промелькнувший метеорит. Алма-Ата, 1980, с. 10.

²⁴¹ *Нуруллин И.* Тукай. М., 1977, с. 9.

²⁴² *Гамзатов Р.* Собр. соч., т. 3, с. 229.

²⁴³ Советская Россия, 1984, 23 марта.

²⁴⁴ *Пфаф В.* Народное право..., с. 193.

²⁴⁵ Из рассказов Аттоевой Комисат Кнуевны, 1916 г. р., Безенги.

²⁴⁶ *Гагкаев К. Е.* Национальное и интернациональное в антропологии народов Северного Кавказа.— В сб.: Национальная культура и общение. М., 1977, с. 27.

²⁴⁷ *Чичагов В. К.* Из истории русских имен..., с. 5.

²⁴⁸ Информаторы: Бабаева К. Х., 1885 г. р., Хасанья; Гади-ев Б. И., 1889 г. р., В. Балкарня; Жабоева Ж. Х., 1889 г. р., Хасанья, Жабелов Ж. К., 1880 г. р., Гунделен; Залиханов Д. М., 1885 г. р., Эльбрус; Иттиев Ф. К., 1870 г. р., Тырныгауз; Моллаева Ш. К., 1880 г. р., Гунделен; Рахаева К. Б., 1893 г. р., Хасанья.

²⁴⁹ *Афанасьев Е.* Сел. Костек.— СМОМПК. Тифлис, 1893, вып. 6, с. 91—92.

— *Шаманов И. М., Невская В. П.* Семья и семейный быт.— В кн.: Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск 1978 с. 233.

²⁵¹ Подобные факты отмечаются у многих народов Северного Кавказа.

²⁵² Из материалов Д. М. Таумурзаева и сообщений информаторов Азаматова М. Т. (1889 г. р., Хасанья), Апоевой К. Д., (1908 г. р., Былым), Асанова И. Б. (1912 г. р., Хасанья), Бичиевой Ф. К. (1889 г. р., Ташлы-Тала), Курдановой Ж. А. (1878 г. р., Бедык), Моллаевой С. С. (1881 г. р., Бедык), Холаевой Ж. Ш. (1880 г. р., Хасанья).

²⁵³ Информация Датчиевой М. А. (1875 г. р., Гунделен), Гергокова Х. Х. (1886 г. р., Белая Речка), Жазаевой Н. Ж. (1905 г. р., Былым), Гутаевой Х. М. (1890 г. р., Хасанья), Уянаевой К. Ч. (1896 г. р., Хасанья), Хаирова Х. Ж. (1879 г. р., Белая Речка).

²⁵⁴ *Федосюк Ю.* Русские фамилии..., с. 124.

²⁵⁵ *Лилов А.* Очерк быта кавказских горцев.— СМОМПК. Тифлис, 1892, вып. 14, с. 23.

Информаторы: Непеев К. К., 1888 г. р., Эльбрус; Настуева К. Х., 1908 г. р., Вольный Аул; Ольмезов Ж. Т., 1886 г. р., Хасанья; Османова Б. Г., 1876 г. р., В. Балкария; Созаева Ф. Х., 1894 г. р., Белая Речка; Темукуева З. Т., 1900 г. р., Хасанья; Эльмезов Х. Х., 1885 г. р., Урвань; Юсупов М. А., 1893 г. р., Белая Речка.

²⁵⁷ *Щуровский В. А.* С Малки через Сванетию в Карачай.— Ежегодник Русского горного общества. М., 1905, вып. 3, с. 80.

²⁵⁸ Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ...— Известия императорского Русского археологического общества. 1877, т. 8, вып. 1—5, с. 327.

²⁵⁹ Информаторы: Айдаболов Н. Б., 1915 г. р., Вольный Аул; Алиева А. А., 1891 г. р., Чегем I; Алхасов Х. А., 1870 г. р., Чегем I; Амшоков О. Т., 1895 г. р., Вольный Аул; Амшокова К. А., 1896 г. р., Хасанья.

Информаторы Есенкулов Ж. А. 1911 г. р. и Есенкулов Ж. А. 1917 г. р. (оба из Сармакши).

Гарданов В. К. Ценный труд по кавказоведению.— Советская этнография, 1962, № 4.

²⁶² Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974, вып. 1.

²⁶³ *Мамбетов Г. Х.* Из истории скотоводческого быта кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX века.— Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973, вып. 7.

²⁶⁴ *Мамбетов Г. Х.* Пища в обычаях и традициях кабардинцев и балкарцев — Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972, вып. 6.

²⁶⁵ *Мамбетов Г. Х.* Пережиточные формы института взаимопомощи, связанные с семейным бытом кабардинцев и балкарцев в XIX — начале XX века.— Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1974, т. 26, с. 115.

²⁶⁶ *Азаматов К. Т.* Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1968.

²⁶⁷ *Мизиев И. М.* Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая. М., 1967, а. к. д.; *его же.* О некоторых оборонительных сооружениях средневековой Балкарии.— Краткие сообщения Института археологии. М., 1968, вып. 13; *его же.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970; *его же.* О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; *его же.* Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. М., 1981; и др.

²⁶⁸ *Калоев Б. А.* Агулы. Историко-этнографический очерк.— Кавказский этнографический сборник. М.—Л., 1962, ч. 3; *его же.* Миллер В. Ф.— кавказовед (исследования и материалы). Орджоникидзе, М. (1962); *его же.* Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967; *его же.* Осетины (историко-этнографиче-

- ское исследование). М., 1971; *его же*. Ковалевский М. М. и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.
- ²⁶⁹ Гаглойти З. Д. Очерки... Тбилиси, 1974
- ²⁷⁰ Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. *его же*. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, и др.
- ²⁷¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М., 1974; *ее же* Этнимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- ²⁷² Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. (Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова). Нальчик, 1974.
- ²⁷³ Мусукаев А. И. Новый труд В. К. Гарданова.— Коммунизмге жол, 1975, № 43.
- ²⁷⁴ Теплов В. И. По истокам Кубани и Терека.— СМОМПК. Тифлис, 1892, вып. 14, с. 62
- ²⁷⁵ Кокеев Г. Выдающийся ученый и просветитель абхазского народа. Нальчик, 1944, с. 8.
- ²⁷⁶ Николитов Л. И. Этнографические очерки..., с. 43.
- ²⁷⁷ Асанов Ю. Н. Поселения и жилища балкарцев в XIX—первой половине XX в.— Шуёхлук, 1971, № 4; *его же*. Традиционная усадьба балкарцев.— Шуёхлук, 1972, № 1; *его же*. К истории балкарского жилища в XIX—начале XX в.— Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972, вып. 6; *его же*. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976.
- ²⁷⁸ Карнов Г. Тамга.— Туркменоведение, 1929, № 8—9 с. 29.
- ²⁷⁹ Миллер В. Из области обычного права карачаевцев — Этнографическое обозрение, 1902, № 1, с. 17.
- ²⁸⁰ Если обратиться к примерам других народов, то известно, что метили все: от земельных угодий и домашнего скарба до оружия и людей. В Европе подобные знаки собственности превращаются в фамильные гербы представителей господствующих классов.
- ²⁸¹ Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Л., 1982
- ²⁸² Исследователь приводит пример большой семьи Теплеевых —

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. НАЧАЛО ВЕКА	3
II. «...ИСТОЧНИК НОВЫХ МЕТОДОВ»	16
III. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ	32
IV. ПЕРВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	61
V. М. О. КОСВЕН В КВКАЗОВЕДЕНИИ	86
VI. ПРОБЛЕМНЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	105
Примечания	138

Александр Ибрагимович Мусукаев

ОБ ОБЫЧАЯХ И ЗАКОНАХ ГОРЦЕВ

Редактор *Л. А. Лачинова*
Художник *Х. М. Пшихачев*
Художественный редактор *В. Л. Захохов*
Технический редактор *Н. М. Рахаева*
Корректор *Е. Е. Терушкина*

ИБ № 1560

Сдано в набор 02.09.85. Подписано к печати 04.11.85. Ч02108. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,98. Усл. кр.-отг. 7,98. Уч.-изд. л. 9. Тираж 1000 экз. Заказ № 7909. Цена 60 коп.

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6
Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Госкомиздата КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33